

Здесь ТЕРПЕНИЕ И ВЕРА СВЯТЫХ

Собрал И. П. Плетт

Здесь
ТЕРПЕНИЕ
И ВЕРА СВЯТЫХ

КНИГА 1

Издательство «Христианин»
МСЦ ЕХБ
2010

Собрал И. П. Плетт

Здесь терпение и вера святых

Книга 1

2010 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ

Издано на пожертвования верующих

Распространяется безвозмездно

Продаже не подлежит

ВВЕДЕНИЕ

Все дальше и дальше уходит в прошлое время возникновения в России братства евангельских христиан-баптистов. Давно ушли к Господу верные труженики, через которых действовал Дух Святой в первый период жизни братства. Уже не осталось тех, кто лично слышал их проповеди и мог бы рассказать об их жизни и вообще об обстоятельствах того времени. Не так легко найти источники, где описаны исторические события и биографии людей, которым открылся евангельский свет, которые полюбили истину и понесли ее по просторам нашей страны.

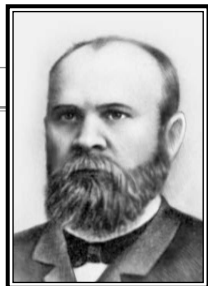
Книги под названием «Здесь терпение и вера святых» помогут отчасти восполнить существующий пробел в знании истории братства. Книги расскажут читателям о жизни наиболее известных служителей Божьих того времени, о судьбах простых верующих, а также о возникновении некоторых общин. Знакомясь с биографиями служителей, читатели узнают о важных событиях в истории братства, так как служители были в центре этих событий.

Подробные воспоминания тружеников на ниве Божьей помогут читателям реально представить себе их переживания, ужасы гонений и увидеть руку Господа, Который укреплял народ Свой. Верность мучеников вызывает не только благоговейный восторг, но и желание в любых испытаниях оказывать такую же верность и сегодня.

Представление о жизни верующих того времени будет искаженным, если умолчать об их некоторых ошибках и поражениях в духовной области. Всестороннее свидетельство о жизни настоящему обогащает наш опыт, служит нам полезным уроком.

Да благословит Господь этот труд, чтобы он послужил к славе Его святого имени!

ВИЛЕР ИВАН ИВАНОВИЧ

С именем Ивана Ивановича Вилера связана организация Русского союза баптистов. Он был первым председателем этого союза.

Родился Иван Иванович 22 ноября 1839 года в меннонитской семье, в колонии Хортица, на Украине. Отец его был школьным учителем. Иван Иванович тоже стал учителем и основательно выучил русский язык, что в то время среди немцев в меннонитских колониях было редкостью. Он преподавал в центральной школе г. Гальбштадта (ныне Молочанск).

К Господу Иван Иванович обратился рано и в 1860 году вступил в только что образовавшуюся общину братских меннонитов. Проповедником в этой общине был брат Ивана Ивановича — Гергард Иванович, один из самых активных тружеников среди братских меннонитов. К сожалению, Гергард Иванович увлекся движением так называемых веселых или скачущих верующих (движение Каппеса), которых прозвали так за то, что на собраниях они выражали свою радость подпрыгиванием. Когда Абрам Унгер, близкий друг Гергарда Ивановича, Иоганн Клаассен и другие братья восстали против такого поведения на собраниях, то Гергард изгнал из общины Абрама Унгера, а также своего брата Ивана, отца и других. Они образовали самостоятельную общину,

в которой А. Унгер был рукоположен Иоганном Онкеном на служение пресвитера.

В 1872 году А. Унгер рукоположил И. И. Вилера на служение благовестника.

Совершая служение благовестника в меннонитских общинах, Иван Иванович горел желанием нести Благоую весть и русскому народу. Зная русский язык, он использовал всякую возможность для бесед с русскими. Некогда, переселяясь в Россию, меннониты давали властям обещание не нарушать запрет российского закона — не распространять свои убеждения среди православных. Но когда среди меннонитов началось пробуждение и образовались братские общины, по сущности своей идентичные баптистским, то возрожденные христиане уже не могли исполнять это обещание, потому что оно противоречило повелению Христа.

Известно, что Иван Иванович проводил однажды собрание в колонии Рорбах и совершал вечерю Господню с группой русских христиан, специально приглашенных для этого из соседних деревень Основы и Игнатовки. Среди участвующих в вечере были М. Ратушный и Ф. Онищенко. За проведение этого собрания власти задержали Ивана Ивановича и потребовали от него объяснительную.

Спасение людей русской национальности Иван Иванович считал главной задачей живущих в России братских меннонитов и на конференциях предлагал братьям переключиться на этот труд. Закон строго запрещал проповедь среди православных, поэтому на конференции не принимали решения трудиться среди русских. Иван Иванович решил начать это служение в индивидуальном порядке. Он начал сотрудничать с русскими баптистами, которые в то время очень нуждались в посторонней помощи.

Осенью 1880 года А. А. Стоялов — наставник молокан в селе Ново-Васильевка — пригласил для бесед и проведения собраний И. И. Вилера и В. Г. Павлова. Они приехали, и в Ново-Васильевке и Астраханке состоялись многолюдные собрания. Многие пришли к убеждению, что Христос и апостолы говорят о крещении не образно, как учили молокане, и уверовавшие действительно должны креститься погружени-

ем в воду. Среди таковых был очень благословенный впоследствии труженик Ф. П. Бакихин.

Известно, что Иван Иванович получил от полковника Пашкова из Петербурга тринадцать пудов духовной литературы для распространения среди русского населения.

В 1882 году И. И. Вилер и П. М. Фризен предложили провести совместную конференцию немецких и русских братьев, которая и состоялась в колонии Рюкенау. Руководил конференцией И. И. Вилер.

Когда в апреле 1884 года В. А. Пашков и М. М. Корф собрали в Петербурге конференцию с целью объединить возрожденных христиан в России, в ней участвовал и Иван Иванович. Но цель конференции не была достигнута.

Меньше чем через месяц Иван Иванович собрал съезд русских баптистов в Ново-Васильевке. На этом съезде был образован Союз русских баптистов. Председателем союза избрали И. И. Вилера.

Полиция обратила внимание на деятельность Ивана Ивановича и стала наблюдать за ним. Друзья и родные уговаривали его оставить опасное дело, но он продолжал использовать всякую возможность свидетельствовать о Христе русскому народу. Когда И. И. Вилер стал крестить обращенных, полиция решила изолировать его, намереваясь сослать в далекую Сибирь.

Из-за преследований Иван Иванович уехал из своей деревни Тиге и стал совершать служение в нелегальных условиях. С семьей он мог видеться только изредка, и то по ночам.

На съезде баптистов в 1885 году Иван Иванович председательствовал только в первый день. Заседание продолжили до часу ночи, потому что Вилер с Рябошапкой намеревались уехать. На другой день съездом руководил В. Г. Павлов.

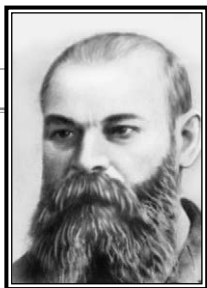
Скрываться от полиции Ивану Ивановичу становилось все сложнее, и он решил выехать в Германию. В 1886 году он в завершение своего труда в России рукоположил Ф. П. Бакихина на пресвитерское служение и, отправившись в Германию, благополучно достиг Берлина. Потом он вызвал туда свою семью. В Берлине их приветливо приняли немецкие баптисты. Восемь месяцев Иван Иванович оставался у них,

пока прусские власти не предписали ему покинуть страну.

В Россию И. И. Вилер вернуться не мог и потому решил перебраться с семьей в Румынию, в город Тулчу. Там была русская община баптистов, которая избрала его своим пресвитером. Община возрастала и скоро приступила к строительству молитвенного дома. И. И. Вилер ревностно участвовал в этом деле.

Однажды, поднимаясь по лестнице, Иван Иванович оступился и, чтобы не упасть, спрыгнул на землю. Он был грузным и при этом прыжке отбил себе почку. Его доставили в больницу Бухареста. Через некоторое время Господь отозвал Ивана Ивановича в вечные обители. Он умер в 1888 году, в возрасте сорока девяти лет.

МАЗАЕВ ДЕЙ ИВАНОВИЧ

Дей Иванович Мазаев родился в 1855 году в селе Ново-Васильевке Таврической губернии, куда его родители были посланы за свои убеждения. Они были молоканами. В 1865 году Мазаевы получили разрешение покинуть место ссылки и выбрать место жительства по своему усмотрению. Они переселились на Кубань.

Мазаевы занимались овцеводством и были довольно зажиточными хозяевами. Они вывели высокопродуктивную породу овец, названную мазаевской.

В 1883 году среди молокан Кубани проходило много бесед о новом учении, проповедуемом баптистами. К концу года по настоятельной просьбе матери Мазаевых, которая очень серьезно относилась к вопросам веры, в их край был приглашен В. Г. Павлов. Когда он приехал к Мазаевым, Дей Иванович позвал его в свой дом.

Слушая проповеди В. Г. Павлова и лично беседуя с ним, братья Мазаевы – Дей Иванович и Гаврил Иванович, – а так-

же некоторые из их родственников обратились к Богу через искреннее покаяние. Это встревожило молоканских старцев. Они решили больше не принимать баптистов в свои собрания. Когда в общине объявили это решение, Гаврил Иванович спросил:

— А если такие убеждения, как у Павлова, Воронина и Богданова, окажутся у некоторых из нас, тогда что делать?

— Таким тоже указать на дверь! — ответил молоканский пресвитер, дядя братьев Мазаевых.

— В таком случае я первый вполне разделяю их взгляды, — твердо произнес Гаврил Иванович.

Искренние души, обратившиеся к Господу и движимые живой верой, стали собираться отдельно. Народу приходило много, всех интересовало, что проповедуют на их собраниях. Чтобы точнее и яснее было изложено учение Господа, Мазаевы пригласили к себе брата Егора Максимовича Богданова из Владикавказа. Он пробыл у них три недели, ежедневно проводил собрания и беседовал со всеми желающими. Перед его отъездом братья Мазаевы попросили преподать им водное крещение. Он сказал, что никаких препятствий этому не видит, но все же предложил им поговорить об этом с отцом.

При первой же возможности Дей Иванович обратился к отцу:

— Папа, мы с Гаврюшей желаем исполнить волю Божию — принять водное крещение. Брат Егор Максимович может крестить нас. Что ты скажешь?

Отец ничего не ответил, и брат Богданов посоветовал им некоторое время подождать.

Отец Мазаевых и его брат, пресвитер молокан, стали усиленно беседовать с Деем и Гаврилом. Они убеждали их не отступать от веры отцов. Эти беседы еще больше утвердили братьев в необходимости принять водное крещение, и они решили больше его не откладывать.

11 ноября 1884 года, в четыре часа пополудни, на участке брата Мамонтова, в реке Кавалерке, состоялось крещение. Принимали крещение семь человек: Дей Иванович и его жена Екатерина Павловна, Гаврил Иванович и его жена Анна Яковлевна, Мамонтов Григорий Григорьевич и его жена Ефросинья

Михайловна и сестра Анастасия Павловна Подковырова. Крещение совершал Василий Романович Колодин — пресвитер баптистской общины села Ново-Васильевки Таврической губернии.

Отец Мазаевых не мог смириться с действиями своих сыновей. Считая Дея Ивановича главным виновником всего случившегося, он после нескольких жестких бесед заявил:

— Немедленно бери жену и детей и убирайся отсюда куда знаешь! Здесь для тебя нет ничего!

С Гаврилом Ивановичем отец продолжал беседовать. Через некоторое время тот уговорил отца выделять Дею Ивановичу необходимое для содержания семьи. Через три с половиной года после изгнания сына отец решил разделить имение между тремя сыновьями, оставшимися в доме. Братья отказались взять долю Дея Ивановича, со слезами настаивая, чтобы отец разделил наследство на четырех, включая и Дея Ивановича. Такое бескорыстие сыновей тронуло отца, и он приказал привести Дея Ивановича вместе с семьей в родительский дом. Так состоялось примирение отца с сыном. Отец сказал:

— Веру свою исповедуй как хочешь, мне же подчиняйся как сын. Принадлежащую тебе часть имения получай со всеми наравне.

Время изгнания Дей Иванович, будучи свободным от хозяйства, использовал для тщательного изучения Слова Божьего, что благотворно отразилось на его дальнейшем служении.

В 1885 году Дея Ивановича избрали пресвитером церкви. Рукополагал его известный труженик В. В. Иванов. В том же году Дей Иванович участвовал в годовом съезде Союза баптистов, где был избран писарем съезда.

Участвовал Дей Иванович и в съезде 1886 года. Его избрали председателем съезда и помощником председателя союза. Так как ранее избранный председатель Союза баптистов И. И. Вилер переселился в Румынию, то фактическим председателем союза в тот год был Дей Иванович. На следующий год его председательство было закреплено соответствующим решением съезда. Дей Иванович оставался бессменным председателем Союза баптистов до 1909 года.

А. Л. Евстратенко, описывая переселение своей общины из Белоруссии на Кубань, рассказывал, как их приютили в своей экономии (имении) братья Дей и Гаврил Мазаевы. Это было в 1888 году. Братья жили тогда еще под управлением отца, который не благоволил к баптистам. И все же они сумели устроить всех приехавших.

...Каждой семье выдали по мешку муки, по одному пуду пшена, соли, баранины и сала.

Приехали мы во время пахоты. Мазаевы дали возможность посеять нам хлеба и дали земли и семян на посев от трех до шести десятин на каждую семью, смотря по величине семьи.

(Слово истины, № 9-12, 1918)

В 1893 году Дей Иванович приезжал в село Пески Тамбовской губернии и рукоположил там на пресвитерское служение впоследствии очень известного в братстве труженика Семена Прокофьевича Степанова.

В 1903 году Дей Иванович вместе с В. В. Ивановым рукоположил на пресвитерское служение Василия Прокофьевича — родного брата С. П. Степанова. В том же году по вопросу избрания служителей Дей Иванович вместе с В. В. Ивановым и Ф. П. Балихиным приезжал в Харьков.

Как представитель русских баптистов, Ф. П. Балихин в 1903 году впервые посетил заграничные конференции. Дей Иванович, как председатель союза, писал ему за границу:

Ростов-на-Дону. 19 июля 1903 г.

Дорогой брат Федор Прохорович! Письма твои получены. Поездку твою в Бланкенбург я от души приветствую! Надеюсь, что это первое официальное общение с заграничными братьями ближе соединит нас и даст благие последствия для Царствия Божия в будущем. При этом я тебя прошу не выпрашивать у них никаких подачек ни на какие нужды, так как это неминуемо подорвет их доверие к нашему делу и уронит тебя в их глазах.

Мы, слава Богу, значительно умножились и имеем, следовательно, свой хороший источник. Если же мы не научились извлекать из него достаточные средства, то это вина нас, руководителей, и только. Бог,

давший нам много братьев, даст нам и силы победить их скупость и извлечь нужную воду из грубой скалы. Будь, во имя Господа, представителем русских баптистов, и Господь да поддержит тебя с честью и достоинством выдержать твою роль до конца!

По возвращении домой приезжай к нам и лично передашь обо всем. Привет тебе и твоей семье.

Твой брат Д. И. Мазаев
(Баптист, № 1, 1907)

В 1905 году Дей Иванович вместе с В. В. Ивановым и В. Г. Павловым участвовал в I Всемирном конгрессе баптистов в Лондоне. В своей непродолжительной речи он рассказал о возникновении баптизма в России, о трудном пути в прошлом и более светлых надеждах на будущее в связи с манифестом о веротерпимости.

В том же году Дей Иванович получил от верующих из Харькова приглашение стать членом организованного ими общества. В уставе этого общества, утвержденного харьковским губернатором, было указано, что общество имеет право открывать школы, устраивать трудовые артели, мастерские, столовые, богадельни, детские приюты и прочее. На это предложение Дей Иванович ответил отказом и выразил опасение, что такое общество может увлечь своих участников и отдалить их от Церкви Христовой. Это опасение передалось руководству церкви, и братья перестали поддерживать общество, которое к тому времени устроило школу для детей и проводило в ней свои молитвенные собрания. Тогда комитет общества объявил себя церковным советом, а свое общество — церковью, и таким образом в Харькове образовалась община евангельских христиан. Остальная часть церкви оставалась баптистской. Так в Харькове появилось две общины.

В 1905 году Дей Иванович совместно с В. В. Ивановым и И. Д. Густомясовым провел первое собрание в г. Пятигорске и положил начало деятельности Пятигорской общины.

Примерно в 1906–1908 годах Дей Иванович переехал в г. Хасавюрт и совершал служение пресвитера в местной церкви. У него был большой дом, в котором располагалась

семья и служащие, а в тридцати–сорока километрах от дома находилась экономия, где жил управляющий и рабочие.

Дей Иванович оказывал материальную помощь как своим по вере, так и внешним.

От первой жены у него было четыре сына: Михаил, Иван, Лаврентий и Сергей. Старший сын доставлял ему много горя, ведя разгульный образ жизни. Иван приближался к Господу, о двух других сыновьях ничего не известно.

По инициативе и при непосредственном участии Дея Ивановича в 1907 году в Ростове-на-Дону стал выходить союзный журнал «Баптист». Дей Иванович был его редактором до 1910 года. Потом он передал дело издания журнала В. Г. Павлову.

В 1905–1906 годах в России были изданы законы о веротерпимости. В январе 1907 года баптисты, евангельские христиане и новомолякане собрались на совместный съезд с целью обсудить эти законы и передать в правительство просьбу о внесении в них необходимых поправок, чтобы наступила действительная свобода вероисповедания. Дей Иванович был избран помощником председателя этого съезда. В связи с тем что председатель съезда И. В. Каргель по состоянию здоровья часто не мог участвовать на заседаниях, руководил ими Дей Иванович.

В июне 1907 года проходили заседания Миссионерского общества Союза баптистов. Дей Иванович был избран помощником председателя общества, но прибыл только к концу деловых заседаний, так как возил больную жену в Крым на лечение.

В 1908 году Дей Иванович должен был поехать в Берлин на Европейский конгресс баптистов, но по состоянию здоровья не смог. Не явился он и на съезд Миссионерского общества в Киеве, а также на годовой съезд Союза баптистов. Однако и в его отсутствие он был избран председателем союза.

Дей Иванович председательствовал на съезде в 1909 году, но быть председателем союза категорически отказался. Он отрицательно относился к образованию Союза евангельских христиан и сожалел о том, что прекратился начавшийся в 1903 году процесс присоединения общин евангельских

христиан к Союзу баптистов, который ради этого даже принял наименование «Союз евангельских христиан-баптистов». Свои переживания Дей Иванович изложил в статье «Не та дорога», напечатанной в журнале «Баптист» (№ 34, 1911).

В отчете, прозвучавшем на съезде 1911 года, говорилось:

Брат Д. И. Мазаев из Нахичевани-на-Дону работал по поручению правления в Балашове, где было избрание и рукоположение на служение пресвитера и диакона; в Мариуполе совместно с Н. В. Одиновым; в Самаре пять дней имел весьма многолюдные и радостные собрания; и в других местах.

В 1912 году Дей Иванович совместно со С. П. Степановым и другими братьями встретился во Владикавказе с И. С. Прохановым и другими братьями из евангельских христиан по вопросу образования Соединенного комитета баптистов и евангельских христиан. Соглашение было достигнуто с условием, что евангельские христиане откажут в членстве тем, кого они приняли в свои общины, несмотря на их отлучение в общинах баптистов.

В 1912 году журнал «Баптист» снова стал выходить в Ростове-на-Дону под редакцией Д. И. Мазаева. В 1913 году печатание журнала прекратилось, видимо, по причине болезни и кончины супруги Дея Ивановича. Он отказался от редакторской работы, и в 1914 году журнал стал выходить под редакцией В. В. Иванова.

В 1915 году Дей Иванович предложил сделать в Ростове две церкви: Ростовскую и Нахичеванскую. Для собраний он подарил церкви свой дом.

На съезде 1917 года Дея Ивановича снова избрали председателем союза. Ему в то время было шестьдесят два года. Но в связи с пережитыми потрясениями и состоянием здоровья Дей Иванович практически не мог оставаться председателем союза.

Во время гражданской войны страну изрезали линии фронтов и сообщение было очень затруднительно. Временная коллегия, руководящая тогда Союзом баптистов, прилагала усилия к объединению двух союзов. Дей Иванович от-

рицательно смотрел на эти усилия, не питая надежды на положительный исход дела. И когда на съезде в 1920 году объединение союзов не состоялось, Дей Иванович не скрывал своего удовлетворения. Сам он в это время был в стороне от дел и жил в Моздоке на квартире у одного проповедника.

Скончался Дей Иванович 20 мая 1922 года, в возрасте шестидесяти семи лет, в Моздоке, где и был похоронен.

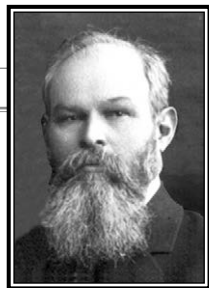
Так закончилась жизнь служителя Божьего, бессменного председателя Союза баптистов с 1886 года по 1909 год и вновь избранного в 1917 году. Служение Д. И. Мазаева всегда было направлено на сохранение верности Господу. Многие статьи Дея Ивановича, помещенные на страницах журнала «Баптист», обнаруживают его способность ясно излагать мысли. Хочется сказать о нем, как апостол Павел говорил о Давиде: «...послужив изволению Божию, почил...» (Д. Ап. 13, 36).

МАЗАЕВ ГАВРИЛ ИВАНОВИЧ

Детство

Родился я в октябре месяце 1858 года в семье зажиточных молокан Таврической губернии, в селе Ново-Васильевке. В 1867 году родители мои переселились на вольные степи Кубанской области, где занимались овцеводством. В необъятной степи, в соседстве с многочисленными стадами овец протекло мое детство.

Грамоте я обучался дома. Первым моим домашним учителем был хромой крестьянин, который, по неспособности к крестьянской работе, учил в экономиях детей. Но ему пришлось учить недолго. После него учителем был разжалованный офицер лейб-гвардейского полка Петр Иванович Осипов, участник защиты Москвы от нашествия французов. В свободное время Осипов любил рассказывать различные случаи из военной жизни. Много говорил про Наполеона и особенно любил рассказывать про Государя Александра I, при воспоминании о котором Осипов всегда плакал.

После Отечественной войны 1812 года Осипов был с русскими войсками в Париже, где в свободное время, во время стоянки войск, посещал религиозные собрания гугенотов, которые ему очень нравились.

Однажды Осипов, глядя на меня, сказал:

— Гаврюша, когда ты вырастешь и будешь большой, то молоканом ты не будешь.

— Что же, я буду православным?

— Нет, и православным ты не будешь.

— А кем же я буду?

— Будет новая христианская религия, которая поглотит все другие религии,— таинственно пояснил Осипов.

Учителя своего я любил, с удовольствием слушал его рассказы о военной жизни и всему, что он говорил, верил. Поверил я и предсказанию Осипова о новой христианской религии, которая должна быть выше всех других религий. К сожалению, Осипов тоже недолго был учителем у нас, и мне больше не пришлось учиться грамоте.

Когда мне было шестнадцать лет, у меня появилась жажда к чтению Священного Писания. Мне хотелось изучить и понять Слово Божие, чтобы определить истинность ожидаемой мною новой христианской религии, но силы мои были слабы, и я многое из прочитанного не понимал. Помочь мне разъяснением и советом было некому, и я оставил чтение Слова Божия.

Первый толчок

В 1879 году, 20 ноября, я был на призыве в Ново-Васильевке и зашел в кузницу, где кузнец оковывал сани для моего брата Дея Ивановича.

— Смотри, хорошенко оковывай сани, ведь ты их делаешь для нашего брата,— проговорил один из присутствующих.

— Какой вам брат Дей Иванович? — спросил я.

— Духовный брат — он хочет принять крещение по вере.

Мне стало больно и обидно, что брат мой хочет принять водное крещение, которое мы, духовные христиане (молокане), отвергали. Я знал, что Дей Иванович читает Слово Божие и заботится о спасении своей души, но не мог допустить, что чтение Слова Божия приведет его к принятию водного крещения.

После долгого размышления о слышанном в кузнице я решил

поговорить с братом и сделать ему увещание, не считаясь с тем, что Дей Иванович был старше меня. Воспитанный в молоканской семье, я смотрел на водное крещение по-молокански. Я думал: «Покрестится брат мой в воде, прогневит этим Бога и навеки погибнет. Ах, как мне жаль его, как жаль! Поеду поговорю с ним». И я поехал к брату с искренним желанием предостеречь его.

Приехал к брату вечером. До ужина не пришлось поговорить с ним о крещении, а после ужина Дей Иванович пошел к себе в комнату. Я вышел во двор. Ночь была тихая, морозная, воздух легкий, и я решил дольше побыть на свежем воздухе. Ставни у окон дома были затворены, и лишь одна ставня в комнату брата была приоткрыта. Случайно взглянул я чрез неплотно притворенную ставню и увидел, что Дей Иванович стоит на коленях и молится, чего у нас в семье никто раньше не делал. Это поразило меня, и я решил о крещении с братом не говорить. Я видел, что брат ищет истину не только в чтении Слова Божия, но и в молитве. Совесть стала укорять меня: «Брат молится Богу, а ты, не молясь Богу и не ища поддержки свыше от Бога, хотел было увещевать его. Имеешь ли ты на это право?» – «Нет, не имею, я не молюсь, брат молится. Господня воля да будет над ним». Так, не поговорив с братом о крещении, я вернулся домой.

После этого Дей Иванович, очевидно, также с целью беседы однажды приехал ко мне с баптистом Андреем Марковичем Мазаевым. Вечером Андрей Маркович пробовал начать беседу, но она мало интересовала меня, и я посоветовал гостю отправиться в деревню, где живут хохлы, и проповедовать им. «А мы без вас истину хорошо знаем», – сказал я гостю и лег спать. В той же комнате, где я лежал, они молились Богу перед отходом ко сну, и жена моя преклонила с ними колена, но молитва их не трогала меня. Утром, когда они уехали, жена говорит мне:

– Станный человек этот баптист: как сидел, так и бухнулся на колени и молился и о детях, и о жене, и чего только не насбирал он в молитве.

Они уехали, а я так и остался в равнодушном состоянии.

Воскресный день — Богу

Мне было двадцать четыре года. В один из воскресных дней я отправился на охоту с моими служащими молоканами. Мы убили

две дрофы и сделали привал. Во время отдыха один из служащих сказал:

— Баптисты не позволили бы ехать на охоту в воскресный день и убивать птицу.

— Почему так? — спросил я.

Чтобы яснее можно было понять, он привел пример:

— Вот, я, ваш служащий, взялся у вас убирать хлеб из четвертой копны, а вместо всей четвертой копны отдал бы вам пятую или шестую часть. Хорошо бы я сделал?

— Нет, не хорошо,— ответил я.

— Так... А вот Бог сказал: «Шесть дней работай на себя, а седьмой день посвящай Господу Богу твоему», а мы и седьмой день не хотим отдать Богу и в этот день для своего удовольствия бьем ни в чем не повинную птицу. Баптисты день воскресный весь посвящают Богу: читают Слово Божие, молятся, посещают ослабевших духовно и другие дела делают по заповеди Божией. Вот как они проводят воскресный день, а мы как проводим воскресенье?

Я ничего не сказал, но глубоко задумался и тогда же решил в воскресный день больше не работать и на охоту не ходить. Даже сельскохозяйственную жизнь я начал вести в рамках закона Божия и по воскресным дням сам не работал и не позволял работать своим служащим.

В том году у меня в экономии было посеяно много пшеницы. У моего дяди Тимофея Гавриловича Мазаева по соседству также был посев. Пшеница наша поспела к жатве, и дядя послал в воскресенье за косарями в село Средний Егорлык. В этот же день мы увиделись с ним после собрания, и он спросил меня:

— А ты послал за косарями?

— Нет, не послал. Я в воскресный день не работаю.

Дядя и бывшие тут молокане начали подсмеиваться:

— Ну-ка, ну-ка, начинай жить по-Божьи!

Дяде ответ мой очень не понравился, и он приехал ко мне вечером поувещать меня и сказал:

— Ты знаешь, ведь сейчас каждый день дорог: пойдут ветра и выбьет пшеницу. Из-за одного дня вы можете остаться без хлеба.

— Бог пошлет, что мне надо,— спокойно ответил я дяде на его увещания.

Мое спокойствие вывело дядю из терпения, и он стал грозить,

что пожалуется на меня отцу. Жили мы на разных заимках, но хозяйство у нас с отцом и братьями в то время было общее. Угроза дяди меня не пугала, я твердо верил в верность Божию, и моя вера явно подтвердилась скорой Божьей помощью.

В понедельник из другой местности, из станицы Незамаевки, мимо меня ехали в Егорлык наниматься косари и, по пути заехав ко мне в имение, спросили:

– Не надо ли вам косарей?

И я вместо нужных мне двухсот человек, никуда не выезжая, нанял четыреста пятьдесят косарей и весь свой хлеб убрал в два дня. После уборки хлеба поехал я к дяде и спросил его:

– Не надо ли тебе косарей?

Дядя ответил:

– Очень нужно! В воскресенье мы наняли только двадцать косарей, а мне их нужно двести... А у тебя разве есть?

– Есть.

– Где ты их взял? – подозрительно спросил дядя, думая, что я шучу.

– Бог послал, – ответил я.

– Нет, в самом деле?

– Бог послал, – настаивал я.

– Ну, если есть – посылай, – согласился дядя, все еще недоверчиво относясь к моему предложению.

Я послал ему косарей. С тех пор он ничего больше уже не говорил мне за празднование воскресного дня.

Главное — мир с Богом

В 1883 году, в мае месяце, тяжело заболел мой тесть. Я поехал навестить его. Моему приезду тесть обрадовался и попросил меня прилечь около него на диване. Когда я прилеж, он спросил:

– Как мне быть? Я сильно болен и скоро умру... Силы мои оставили меня, а в Евангелии сказано: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Марк. 16, 16). Баптисты говорят и делают так, а молокане говорят, что крещение не нужно... Что мне делать? Я умру, примет ли меня без этого Господь? – Сказав это, он заплакал.

В это время приехал навестить больного баптист Михаил Дмитриевич Колосков. Тесть был рад и ему. Колосков поздоровался и

сел возле больного. Тесть и к нему обратился с тем же вопросом:

— Что мне делать? Я скоро умру... В Евангелии написано: «Кто будет веровать и креститься...», а молокане говорят, что креститься не надо... Ради Бога, скажи мне, Михаил Дмитриевич, где истина: у молокан или баптистов?..

— Истины не имеют ни молокане, ни баптисты, истина только у Бога. Сначала каждому человеку нужно найти мир с Богом, а его ни молокане, ни баптисты дать не могут. Если человек не имеет мира с Богом и не получил от Бога прощения своих грехов, то все равно он погибнет, будет ли баптистом или молоканином,— ответил Колосков.

Тесть снова горько заплакал и сквозь рыдания, с болью в душе говорил:

— Господь видит мое состояние, и, может быть, Он меня примет?

Я согласен был с Колосковым, что истина у Бога и главное — это найти мир с Богом, и стал размышлять об Иуде, который, не имея сердечного мира и внутренней связи с Господом, погиб, хотя и был апостолом.

«Так и у меня,— думал я,— нет мира, и останусь ли я молоканином, буду ли баптистом,— без мира с Богом все равно погибну».

Мысли так овладели мною, что я не мог оставаться в комнате и вышел на улицу и долго-долго ходил по двору.

Предсмертные вопросы тестя и ответ Колоскова произвели на меня сильное впечатление, и я не мог отделаться от них ни днем, ни ночью. Я думал о том, что и мне нужно установить мир с Богом, пока не поздно.

Молитва Божьего дитяти

В августе 1883 года с Гаврилом Тимофеевичем Мазаевым я поехал на базар в Средний Егорлык Ставропольской губернии. По пути мы заехали к тете — Софии Гавриловне Мамонтовой. У нее гостил Михаил Дмитриевич Колосков.

Вечером, перед отходом ко сну, нас пригласили на молитву. Мы пошли, полагая, что это будет обыкновенная молитва, как молились у нас молокане. Когда все собрались, Колосков сразу предложил преклонить колени. Для меня это было ново, потому что у нас, молокан, начинают молиться стоя, а потом становятся на колени, потом

встают, опять становятся на колени, и так повторяется девять раз. Когда опустились на колени, Колосков начал молиться. Что это была за молитва? Я первый раз слышал такую молитву! Она исходила из сердца и была такой по-детски искренней, что произвела на меня неотразимое впечатление, и моя душа молилась вместе с Колосковым. Я переживал что-то чудное и необыкновенное для меня, и когда услышал «Аминь», не хотел подниматься с колен и жалел, что молитва так скоро окончилась.

После молитвы мы с Гаврилом Тимофеевичем вышли на улицу освежиться.

— Вот молится так молится, не как наши старики-молокане псалмами. Если нужно молиться Богу, то молиться нужно именно так,— проговорил Гаврил Тимофеевич.

Я с ним был вполне согласен.

Потру нам нужно было рано ехать на базар, но мы не поехали, а дождались, когда встанет Колосков и будет молиться. Колосков и на этот раз молился вдохновенной, сердечной молитвой. Под впечатлением его молитвы мы уехали на базар. Дорогой говорили о силе молитвы, о покаянии, находили, что нам необходимо покаяться и начать новую жизнь. Но покаяться для меня было очень трудно — я был страстный охотник и мне не хотелось оставлять ружье.

На базаре мы управились скоро и могли бы рано вернуться к тете, но боялись, что она не оставит нас ночевать у себя и отправит домой, а нам очень хотелось еще хоть раз послушать, как молится Колосков. Поэтому мы намеренно тянули время и приехали к тете вечером. Мы были очень рады, что могли опять присутствовать при молитве Колоскова вечером и утром. По дороге домой мы говорили о путях Господних, о покаянии и обращении к Богу.

— Молиться нужно так, как молится Колосков, и с этого нужно начинать,— утверждал Гаврил Тимофеевич.

— Но что делать, если собьешься со слов, с мысли, кто направит тогда? — сказал я ему.

— Нет,— говорил он,— если станешь молиться, то не запутаешься — Дух Бога научит.

Истина одна, и мы сознавали это и искали путь к этой истине. Мы были погружены в размышления о том, как установить правильные отношения с Богом, чтобы иметь мир в своем сердце.

После молитвы Колоскова душа моя внутри меня молилась

несколько недель. Вслух я еще не мог молиться, но душа моя долгое время переживала молитвенное состояние. Мысли мои приняли другое направление. Охота и ружье были забыты.

Все ближе подходит Господь

В конце сентября того же года приехала ко мне мамаша, которая жила с папашей на другом участке, верст за двести. Во время пребывания у меня мамаша не один раз начинала говорить со мной о баптистах.

— Гаврюня, познакомься с баптистами,— говорила она. — Они проповедуют чистое евангельское учение, молятся Богу правильно, живут свято. Если эти люди не будут в Царстве Небесном, то из молокан и подавно никто там не будет.

— А в чем разница между баптистами и молоканами? — спрашивал я мать.

Она говорит:

— Они принимают крещение в воде, и много наших молокан пошли к ним.

Мне очень не нравилось водное крещение, и я думал о тех, кто крестился: «Туда им и дорога».

Мать моя поговорила со мной о баптистах и уехала.

Вскоре после ее отъезда приехал ко мне родной мой брат Василий Иванович. Он возвращался из Ново-Васильевки, куда ездил на призыв новобранцев, и там попутно посещал собрания баптистов. Слово Божие, слышанное им на собраниях баптистов, произвело на него действие, и он там обратился к Господу.

Вечером мы долго разговаривали о разных делах. Уходя на покой, я сказал:

— Вася, иди спать.

— А ты разве Богу не молишься? — спросил меня брат.

Я не знал, что ответить ему на это. Мне было стыдно, меня бросило в жар, и я растерянно сказал:

— Я не умею молиться.

Брат встал на колени и начал молиться за меня и за других братьев. Я тоже стал на колени, но слов молитвы у меня не было.

Зимой скончалась знакомая женщина, наша соседка, и мы с женой поехали на ее похороны. Гостей было много, и по обычаю там

состоялось собрание. Когда на собрании проповедовал Захаров, слово Божие взволновало меня до глубины души и мне казалось, что вся проповедь обращена лично ко мне. Когда мы с женой ехали с похорон, она заявила мне:

– Сюда я больше не поеду! Что это проповедник взялся меня конфузить при всех?

На других санях туда же ездили с нами двое рабочих. По дороге из собрания один из них – православный – выбросил весь свой табак, вытряхнул карманы, говоря:

– Если это грех, так довольно курить, не хочу больше!

Другой рабочий-молочанин говорил:

– Ну и напал на меня брат! Наверное, про всю мою жизнь ему рассказали...

Это было первое собрание, на котором я ощутил на себе такое сильное действие слова Божия. Господь подходил ко мне все ближе и ближе.

Странные вопросы

В ноябре месяце моя мать снова приехала ко мне. Настала ночь, все затихло, мы остались одни. Мать, обращаясь ко мне, со слезами начала говорить:

– Гаврюня, познакомься с баптистами... Они проповедуют истину, молятся Богу правильно, живут свято...

Просьба и слезы матери так тронули меня, что я решил основательно познакомиться с баптистами, но не знал – где, с кем и как. Мать и в этих вопросах помогла мне: она поехала в Таврическую губернию и, найдя там баптистов, усердно просила, чтобы кто-нибудь из них посетил нас.

По ее просьбе в конце ноября в наш край приехал Василий Гурьевич Павлов и заехал в имение к Дею Ивановичу. Узнав о прибытии В. Г. Павлова, я с женой поехал туда познакомиться с ним. В воскресенье утром, при солнечном восходе, я сидел в комнате брата. Ко мне подошел Василий Гурьевич, сел около меня и спросил:

– Кто вы по убеждению?

– Я молочанин, брат Дея Ивановича, – ответил я.

– Любишь ли ты Христа?

Мне этот вопрос показался странным, и я смущенно ответил:

— Я этого не знаю.

— А любит ли тебя Христос? — снова спросил он.

Вместе со стулом я отодвинулся от В. Г. Павлова и считал его великим грешником за то, что он ставит такие вопросы, на которые нечего ответить. Неохотно, с еще большим смущением я сказал:

— Я этого не знаю.

На этом разговор наш окончился. Весь день мы провели вместе, но я сторонился Василия Гурьевича и не хотел с ним говорить, а вечером, в ночь, невзирая на падавший снег и подымавшуюся метель, уехал домой.

Когда мы выехали, жена спросила меня:

— Почему ты не остался поговорить с приезжим человеком? Это ты сделал нехорошо.

Я и сам сознавал, что сделал нехорошо, но боялся приезжего Павлова, как бы он не начал еще задавать мне такие странные вопросы.

Дорогой снег усилился и поднялась сильная метель. Я почти не замечал метели и всю дорогу плакал и осуждал себя и проповедника.

«Зачем он предлагает неуместные вопросы и ставит в безвыходное положение своего собеседника? — думал я. — Если он знает это трудное положение, то лучше разъяснил бы и растолковал, что мне кажется неясным и непонятным».

Укорял я и себя за свое нерадение к Слову Божию: «Прожить двадцать шесть лет и не прочитать Евангелия — разве это не позорно? Может быть, в Евангелии написаны ответы на все мои вопросы, а я даже и не брался за него», — с тоскою думал я.

Мучения все глубже и глубже проникали в мою душу. Вопросы В. Г. Павлова: «Любишь ли ты Христа?» и «Любит ли тебя Христос?» — не давали мне покоя, и я не мог найти на них ответа.

Из всех проповедей, сказанных В. Г. Павловым на собраниях, в мою память глубоко врезались слова: «Молитесь Богу, и Он откроет вам спасение». Со мной происходило что-то непонятное для меня. Дома я не мог ничего делать и даже ни на что не хотелось смотреть. Одного я желал: найти мир с Богом — и после долгих мучений понял, что мне нужно начать молиться Богу.

В эти дни ко мне приехал мой товарищ Гаврил Тимофеевич, взял меня за руку, с улыбкой посмотрел мне в глаза и спросил:

— Что с тобой, тезка? Не задумал ли ты в монахи?

— Я теперь шутить не могу,— со слезами ответил я.

В то время я решал вопрос моей духовной жизни. Гаврил Тимофеевич, понимая состояние моей души, не стал меня больше расспрашивать и беспокоить, напился чаю и уехал.

Немного спустя приехал двоюродный брат Тимофей Корнеевич Симонов и тоже спросил меня:

— Что с тобой? Ты был всегда весел!

Я не мог открыть ему моих переживаний. Симонов тоже недолго побыл у меня и уехал.

Господь простил

После отъезда Симонова я пошел в кладовую комнату, где хранились разные продукты. Зимой эта комната не протапливалась и была холодная. Я зашел в нее, запер за собою дверь и решил открыть Господу состояние моей души. Но в этот раз я молиться не мог. Вышел из кладовой и в волнении начал ходить по двору. Так мучительно прошел этот день. На другой день муки души усилились. Я заболел и сказал жене:

— Сегодня у меня сердце колет, как будто змея жалит, горло сдавилось, и мне трудно дышать... Видно, я скоро умру...

Пошел опять в кладовую комнату, закрыл за собой дверь, встал на колени и с непередаваемой скорбью души сказал:

— Господи, прости меня, я грешник! Я погибаю в своих грехах... Спаси меня...

В этот день я ходил в ту комнату для молитвы около двадцати раз. Когда я молился, мне становилось легче на душе; когда переставал, поднимались снова те же мучения. Так продолжалось восемнадцать дней. В конце восемнадцатого дня, вечером, я сидел при огне и читал пятую главу Евангелия Матфея. Около меня сидели мои дети — старшая Вера восьми лет и другие меньшие ее. Когда я прочитал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы...» — и так далее, стихи 8–12, моя душа просветлела: страдания Христа мне стали понятны и близки; указанный Христом путь спасения стал для меня ясен; меня охватила радость, что Господь умер за грешников и я спасен. Я тут же, в комнате, пал на колени, а со мной и дети мои, и громко, при всех благодарил Бога за открытое мне спасение. Жена и бывшие у нее в гостях женщины, услышав

мою молитву, пришли из другой комнаты и удивленно смотрели, что я делаю. Когда я встал с колен, дети продолжали стоять на коленях и плакали. Я взял Веру за руку, поцеловал ее и стал радостно успокаивать.

Всю эту ночь я провел в радости. Утром сердце мое настолько переполнилось ею, что я пошел к рабочим своего двора и поделился моими ночными переживаниями, призывая их тоже отдаться Господу. Сходил я и в отделение больных рабочих и там с радостью рассказывал о том, что сотворил со мной Господь. Поехал к своему другу Гаврилу Тимофеевичу и ему сказал о своем рождении свыше. Он был рад моему обращению. С этого времени у меня началась новая, духовная жизнь.

Всесветные возмутители

Для всех было заметно, что жизнь моя изменилась и стала лучше, и молокане решили меня и других со мною исключить из своей среды.

В последних числах августа, после собрания, мой дядя, пресвитер молокан, Тимофей Гаврилович Мазаев, во всеуслышание заявил:

— Братья! Не принимайте в свои дома баптистов Воронина, Павлова, Богданова и других, так как они только возмущают людей.

— А если с такими убеждениями найдутся среди нас, с ними что делать? — спросил я.

— И им указать на дверь,— ответил он.

— Я вполне разделяю их взгляд на спасение Кровию Иисуса Христа, оправдание верою и крещение во имя Отца, Сына и Святого Духа,— сказал я.

— И ты можешь уходить,— ответил пресвитер.

Григорий Григорьевич Мамонтов заявил, что и он также согласен со мной. Молокане и ему указали на дверь.

Перед уходом из собрания мы попросили разрешения вместе помолиться Богу, чтобы нам в мире и согласии разойтись. Молокане не разрешили молиться нам и сами не помолились. Мы простились с ними и тут же заявили, что наши собрания будут происходить каждое воскресенье на Кавалерке у Мамонтовых по обряду баптистов, хотя мы еще не были приняты баптистами и не знали хорошо баптистских порядков.

В первое же воскресенье в наше собрание стали идти люди. На собрании было столько слушателей, что помещение было переполнено и пришлось открыть окна, так как и на улице был народ. Дей Иванович и Григорий Григорьевич сказали проповеди, а баптист И. И. Попов, случайно заехавший к нам на этот день, закончил собрание молитвой. При его молитве, в которой была неземная сила, собрание было потрясено и ни один человек не остался без слез.

Дорогой гость

Вскоре с Г. Г. Мамонтовым мы поехали в Ростов. Я остался в номере, а Григорий Григорьевич пошел в город. Прошло немного времени, как он вернулся, ведя под руку просто одетого человека.

— Ты не знаешь, кто это? — спросил он меня.

— Нет, не знаю.

— Это наш дорогой в Господе брат Егор Максимович Богданов.

Мы рады были приезду Егора Максимовича, увезли его к себе, и он пробыл у нас недели три.

Егор Максимович оказался талантливым братом и хорошо знающим Священное Писание. За время его посещения мы каждый день имели по два собрания, в остальное время беседовали с желающими. Все видные молокане перебивали у нас, и все они полюбили Е. М. Богданова.

Интересно его обращение, о котором он рассказал нам. Он долго знакомился с Библией, но оставался без покаяния. Страсти продолжали держать его в своих цепях, однако Библию он не оставлял. Со своей женой часто говорил он о покаянии и других истинах Слова Божия. Через разговоры с ним она вскоре обратилась к Господу и, видя, что муж только говорит об истине, а перемены в его жизни нет никакой, однажды сказала ему:

— Я иду за Господом и желаю принять крещение, а ты что думаешь?

— Господь с тобой, иди за Ним,— ответил ей Е. М. Богданов, а сам остался в прежнем состоянии.

Жена его приняла крещение. Наступила первая ночь после ее крещения. С миром и полным покоем она тотчас уснула, а Е. М. Богданов заснуть не мог. Он вспомнил текст: «...будут двое на одной постели: один возьмется, а другой оставится» (Лук. 17, 34). Слова эти

не давали ему покоя, он ворочался с боку на бок и все думал: «Жена моя возьмется, а я буду оставлен. Не взята ли она Господом?» И он протягивал руку, чтобы проверить. Так делал он несколько раз и наконец пришел в такой страх, что встал с постели, преклонил колени и начал каяться пред Господом. В эту ночь заснуть он не мог и раз десять падал на колени и молился Богу. Утром Е. М. Богданов встал новым человеком: Господь простил ему грехи и дал Свой мир.

Воля Божия

Перед отъездом Е. М. Богданова мы стали просить его, чтобы он преподавал нам святое крещение. Он предложил сначала поговорить с отцом – как он отнесется к этому? Дей Иванович пошел и сказал отцу:

– Папа, мы с Гаврюшей хотим принять крещение от Богданова. Что ты скажешь?

Отец молчал. Дей Иванович возвратился к нам и сказал, что отец никакого ответа не дал. Тогда Е. М. Богданов стал советовать нам, чтобы с крещением мы еще помедлили. Мы согласились, и он вскоре уехал.

Вопрос о крещении поставлен был на Кавалерке. Когда мы приехали домой, отец и дядя Тимофей Гаврилович часов до двенадцати ночи увещевали нас и доказывали, что водного крещения принимать нам не следует. Дей Иванович им возражал, а я сидел вдали и молча выслушивал ту и другую сторону. Видя, что время позднее и пора кончать разговор, я встал, подошел к ним и, обращаясь к отцу, сказал:

– Отец, подчиняться я буду тебе во всем и все буду делать как можно лучше, но что касается водного крещения, то я убежден, что в этом воля Божия, и при первом случае выполню ее. А ты как хочешь, так поступай со мною.

Когда я сказал это, дядя встал, плюнул с досады, схватил шапку и, не простившись с нами, уехал домой.

После нашего разговора отец произнес:

– Если чего я сказал лишнее, простите меня, а теперь давайте помолимся и разойдемся спать.

11 ноября 1884 года, в реке Кавалерке, на участке Мамонтова, я

был крещен во имя Отца, Сына и Святого Духа пресвитером баптистов из села Ново-Васильевки Таврической губернии Василием Романовичем Колодиным. Вместе со мной были крещены: моя жена Анна Яковлевна, брат Дей Иванович с женою, Григорий Григорьевич Мамонтов с женою и Анастасия Павловна Подковырова.

Отец узнал о нашем крещении в Ново-Васильевке, куда он привез младшего сына на призыв. В Ново-Васильевке молокане горячо обсуждали наш шаг и обвиняли нашего отца, что он, уважаемый всеми человек, вдруг допустил своих детей до принятия водного крещения. Отцу было крайне обидно выслушивать подобные толки, и он не мог помириться со случившимся фактом.

Окончив дела в Ново-Васильевке, отец в декабре месяце приехал прямо к нам на участок и обрушился на нас с укорами и выговорами. Старшего брата, Дея Ивановича, почитаемого за главного виновника в нашем обращении, немедленно выгнал из дома; со мною же решил беседовать и надеялся силою убеждения и угроз подействовать на меня.

Беседы с отцом

Чтобы переубедить меня, отец начал беседовать со мною по вечерам и продолжал беседы свои до марта месяца 1885 года. Эти беседы с отцом послужили мне к утверждению в истине, и через них я углублялся в Писание и полнее усваивал его. Видя, что Словом Божиим убедить меня не удастся, а наоборот, я более крепну в познании истины, отец стал прибегать к угрозам и родительской власти. Я видел, что меня ожидает участь старшего брата.

Однажды после беседы отец особенно подчеркивал свои родительские права, я же отстаивал духовную самостоятельность, не исключая и должной почтительности к отцу. Отец раздражлся и говорил:

– Видишь, какие баптисты – научили тебя не покоряться родителям!

– Нет, папаша, – возразил я, – баптисты не учили меня не слушаться родителей...

В другой раз у нас была особенно горячая беседа. Видя, что она должна окончиться строгим решением родителя, я велел запрячь лошадей и быть наготове, чтобы в случае неприятности уехать к тете

Софии Гавриловне Мамонтовой и таким образом смягчить отца в его отношениях ко мне.

Как я ожидал, так и случилось — папаша, сильно взволнованный, сказал мне:

— Бери свою жену и ступай куда знаешь!

Желая смягчить его настрой, я сказал:

— Я уйду, но жену оставляю у вас, потому что когда нас венчали, то было сказано: «Возьми ее и отведи в дом отца твоего».

Отец улыбнулся и сказал:

— Можешь уходить.

Я приехал к тете С. Г. Мамонтовой. Она приняла меня, как принимала и раньше, ласково, но, узнав в чем дело, советовала мне вернуться к отцу и работать прилежнее по хозяйству.

— Не обижайся на старика-отца, если он где и несправедливо поступит,— говорила тетя.

Прежде чем вернуться к отцу, я заехал к дяде Т. Г. Мазаеву, который дал мне совет:

— Скажи отцу: «Во всем я тебе буду покорен, только ты не трогай моих религиозных убеждений. За мою душу отвечать ты не будешь, я сам за себя отвечу перед Богом».

Тронутый его расположением, я сказал ему:

— Благодарю тебя, дядя, за твой совет. Дай Бог в семье твоей то же, что в семье моих родителей.

Согласившись с советом дяди, я решил вернуться к отцу. Приезжаю к нему, а у него в гостях православный, уважаемый отцом Григорий Михайлович Чеботарев.

До моего приезда Чеботарев, узнав, что меня нет дома, предположил, что я совсем оставил отца, и стал говорить с ним:

— Что, Иван Гаврилович, небось, и этого сына прогнал? Как тебе не стыдно? Разве не грех так делать? Такой уважаемый в округе человек и разогнал сыновей! Да знаешь ли ты, что таких детей, как у тебя, не найдешь ни у кого! Ну, скажи, у кого такие сыновья?

Отец молча соглашался, а Чеботарев еще сильнее продолжал совестить его:

— Да если бы у меня были такие дети, да я, глядя на них, не нарадовался бы. Дети любят Господа, читают Евангелие, соблюдают праздники, а ему еще что-то надо! Слушает своих молокан, выживших из ума стариков, и прогоняет детей.

Отец сознавал справедливость сказанного, но не знал, как поправить дело. Как раз в разгар их беседы приехал я. Зашел в дом и, не подавая вида, что уезжал совсем, весело со всеми поздоровался. Отец был очень рад моему приезду, приветливо встретил меня, стал наливать мне чай и, как ни в чем не бывало, угощать меня. Гость смутился, думая, что он впал в ошибку и наговорил лишнее старику.

Перед отходом ко сну отец позвал меня в свою комнату и стал говорить:

— Вот что, Гаврюша, живи у меня, как ты и прежде жил. Относительно твоего верования говорить тебе я больше ничего не буду.

— Этого мало, папа. Разве я могу спокойно работать, когда мой брат голодает? Позволь мне посылать ему и его семье на содержание все, что нужно! — сказал я.

— Делай, как знаешь,— уклончиво ответил отец.

— Нет, папа, вы скажите определенной, а то если делать, как я знаю, так я сегодня же распоряжусь, чтобы брат приехал с семьей.

— Нет, этого не делай, а что нужно, выдавай ему на содержание,— согласился отец.

Я остался у отца и давал брату средства на содержание из общих сумм. Дей Иванович продолжал жить отдельно, получая содержание еще года три, вплоть до нашего дележа.

Первая проповедь

Первая проповедь была сказана мною в 1885 году. В то время мы собирались на молитву в разных домах по очереди. В один из воскресных дней собрались в доме у меня. Народу съехалось на собрание довольно много, были видные и почетные лица. Проповедующие братья находились в отлучке. Предстояло проповедовать мне. Писания я хорошо не знал и сильно волновался. Не выходя в общую комнату, я несколько раз молился Господу и говорил Ему о своей слабости. Придя в собрание, некоторое время ожидал, когда явится жена, чтобы при ней открыть собрание. Она не пришла. Видя, что ждать дольше уже нельзя, я пригласил всех на молитву. Усердно молился Богу и просил Его, чтобы Он помог мне сказать Его слово в силе Святого Духа. Когда я начал проповедовать, меня пробирала дрожь, но все же я чувствовал какую-то силу и уверенно, с подъемом объяснил текст.

Когда я закончил, снова пригласил на молитву. Просил всех молиться, чтобы слово Божие произвело свое действие в каждой душе, несмотря на мое недостаточное разъяснение.

По окончании собрания ко мне подошел один из образованных, видных слушателей и, крепко пожимая мою руку, со слезами на глазах, дрожащим от волнения голосом сказал:

— Молодой человек, Господь да будет с тобой. Проповедуй эту истину, пока ты жив. Дай Бог тебе большего успеха. Я рад, что услышал такие чудные слова первый раз в жизни, и хочу сохранить их, пока буду жив.

Как я впоследствии узнал, этот человек после посещения собрания проехал в село Белая Глина, где у него были родственники, и начал там ревностно разъяснять Слово Божие. Между прочим, на основании Священного Писания он говорил людям, что поклоняться иконам грех. За его призывы к поклонению живому Богу священники невзлюбили его и предали суду.

Когда гости разъехались, я вышел и спросил жену:

— Почему ты не пришла в собрание?

Она со слезами мне ответила:

— Я знала твое положение и боялась, что ты не сумеешь истолковать Священное Писание как следует, а собрание было большое и люди все важные, поэтому я стала за дверями на колени и все время молилась за тебя Богу.

После этого собрания как-то я был у себя в кабинете и вдруг слышу — кто-то молится... Оказывается, наша прислуга-девушка в соседней комнате мыла пол, затем оставила мытье и начала молиться. Вечером мы сидели за чаем и вдруг услышали где-то разговор. Прислушались. Оказалось, что эта девушка молилась на чердаке. Она тоже обратилась к Господу под влиянием этого собрания. Эта девушка в следующее воскресенье сделала целый переполох в молотканском собрании.

Когда ко мне приезжал отец, то из уважения к нему я со всем своим семейством посещал собрание молокан. В следующее воскресенье он приехал ко мне, и мы все отправились на собрание к молоканам. Известно, что у них осуждается громкая молитва женщины и в собрании такая молитва не допускается. Когда собрание подходило к концу и последовало приглашение на молитву, наша девушка открыла свои уста и от всего сердца во всеуслышание благодари-

ла и славила Бога за дарованное спасение. Ее неожиданная искренняя молитва так потрясла все собрание, что многие разрыдались и от сердца молились Господу.

Дядя девушки, бывший в числе слушателей на этом собрании, услышав ее молитву, отдался Господу. Как только собрание закончилось, он вскочил на свою мажару* и быстро поехал домой.

Приехав домой, он обратился к жене с просьбой:

– Дай скорее ключ от сундука.

Она, не понимая, в чем дело, дала ему ключ. Он поспешно открыл сундук и начал в нем все разворачивать, чего-то ища. Наконец с торжествующим видом он с самого дна достал какой-то сверток в холсте. Это оказались иконы. Он освободил их от холста, взял в руки топор и уничтожал их на пороге, приговаривая:

– Чем краснеть мне из-за вас, так вот вам что!

Хотя в собрании молокан, на котором он присутствовал, об иконах не было сказано ни единого слова.

Несколько слов о Дее Ивановиче

В 1885 году в мае месяце у Т. Г. Мамонтова умер сын. Жена Тимофея Григорьевича, будучи молоканкой, желала похоронить сына по молоканскому обряду. На похороны съехалось много народу. На дворе была устроена палатка, в которую могло поместиться до трехсот человек. На похоронах был и наш отец Иван Гаврилович. Собравшийся народ напряженно ждал, будет ли на похоронах Дей Иванович? Каждый принимал участие Дея Ивановича близко к сердцу. Все его любили и ждали, будет ли он на собрании? Прошло порядочно времени, а его все нет. Перед самым открытием собрания он тихо вошел в палатку. Ожидавшие взглянули на него, и многие заплакали. Само появление Дея Ивановича было безмолвной проповедью. В этот час некоторые решили отдаться Господу, смотря на то, с каким смирением Дей Иванович нес наказание, определенное ему отцом за преданность Господу.

При дележе отец не хотел было выделять из имения часть для Дея Ивановича. Против такой несправедливости резко восстал младший брат Василий Иванович и со слезами высказал отцу:

* Мажарой на юге России называли большую телегу с решетчатыми боковыми стенками.

— Разве Дей не твой сын, что ты хочешь так его обидеть? Если не дашь ему части, то возьми и мою часть. Я не хочу видеть обиженным своего брата и пользоваться его частью.

Отец не выдержал, заплакал, велел послать за Деем Ивановичем и в его присутствии имущество разделил на четыре равные части.

А ссылка Дея Ивановича послужила для пользы дела Божия. Освобожденный от хозяйственных работ и забот, Дей Иванович посвятил все время изучению Священного Писания и преданий православной церкви. Память у него была превосходная, и при беседах с миссионерами он ставил их в тупик, приводя противоречивые постановления соборов и учения отцов православной церкви. Многочисленные статьи Дея Ивановича в журнале «Баптист» особенно ценятся своей продуманностью, ясностью изложения и обилием материала из преданий православной церкви. Среди близких братьев-баптистов за ним утвердилось имя «российский Соломон».

(Г. И. Мазаев. Воспоминания)

Собрания баптистов продолжались. Все новые люди присоединялись к церкви. Братья Мазаевы стали проповедовать и за пределами своей церкви. На съезде баптистов в 1887 году Гаврила Ивановича избрали казначеем союза. Это служение он совершал до 1904 года.

На съезде баптистов в 1889 году Гаврила Ивановича назначили благовестником Тамбовской и Тверской губерний. В 1905 году Гаврил Иванович трудился в Сибири. Вместе с А. Л. Евстратенко они организовали Сибирский отдел Союза баптистов с центром в г. Омске.

В 1907 году Гаврил Иванович со своей семьей переехал в Сибирь и поселился недалеко от Петропавловска. В начале года он участвовал в объединенном съезде в Петербурге, на котором обсуждался проект нового закона. Съезд длился две недели. Каждый вечер в разных частях города участники съезда проводили собрания, на которых постоянно проповедовал и Гаврил Иванович.

В том же году, в июле, в Омске проходил съезд Сибирского отдела. На нем решили создать Сибирское миссионерское общество. Гаврила Ивановича рукоположили на служение благовестника этого общества. Также было решено построить

большой молитвенный дом в Омске. Средства на постройку дома пожертвовал Гаврил Иванович.

Участвовавший на собраниях по случаю открытия этого дома Д. Ф. Александров писал:

Извещаю вас, что при освящении молитвенного дома в Омске Господь излил Свое благословение: несколько душ покаяться и крещены во имя Господне. Праздновали два дня. В собраниях наблюдалась полнейшая тишина. Народу было до двух тысяч душ...

Из проповедников в этом торжестве освящения дома принимали участие: Гаврил Иванович Мазаев, Василий Прокофьевич Степанов, Николай Васильевич Одинцов, я и многие другие. Было три хора – два русских и один немецкий. Проповедовали братья Степанов и Одинцов и три немецких проповедника, из которых один говорил без переводчика.

В первый день, 14 октября, было два собрания. На второй день, после первого собрания, преподали крещение в реке Оми двадцати пяти душам, а затем над крещенными совершили молитву с возложением рук и провели призывное собрание. На третий день было еще одно собрание. Оно было очень трогательное: Господь сильно волновал сердца всех. Три души в это время покаяться и заявили о своем желании принять крещение.

Затем на благовестников поставлены были восемнадцать человек, избранные на проповедь Евангелия все отдельно. Брат Мазаев сказал им назидательную речь о том, кто они, и для какой цели Господь назначил их, и как должны они вести себя. Затем они спели песнь «К труду». Все молились за них, чтобы Господь благословил их трудиться на ниве Божией, после чего братья и сестры попрощались с ними и собрание закончилось.

(Отчет Баптистского миссионерского общества за 1907–1908 годы)

В последующие годы Гаврил Иванович совершал служение в Сибирском отделе Союза баптистов, посещал с назиданием общины, участвовал в членских собраниях. Нередко проводил диспуты с православными священниками. В феврале 1914 года Гаврил Иванович с Н. В. Одинцовым посетили церкви Дальнего Востока.

В середине 1914 года Гаврил Иванович писал о своем служении в редакцию журнала «Гость»:

Я все это время находился дома, если же и отлучался, то на короткое время. Посетил два раза Омск, Усов хутор, также Тургеневский поселок и Плотицкое. В этих местах были назидательные собрания. Кроме того, были назидательные собрания и в других местах, где были братья Евстратенко, Горбачев и Рейнгардт. Собрания эти были очень благословенные.

15–18 мая было пять таких собраний при большом стечении народа. Район деятельности становится все больше и больше, а работников не прибавляется. Теперь между братьями усиленно идет разговор, чтобы к осени непременно пригласить еще хотя бы четырех благовестников, которые работали бы целый год...

На второй день праздника Троицы мы крестили в Петропавловске пятнадцать человек, и еще осталось четыре человека на следующий день. 10 мая нас посетили из Омска викарный епископ и миссионер и пригласили меня на беседу, которая была в железнодорожном училище. Беседовали о крещении младенцев, после чего на другой день миссионер говорил лекцию о баптистах, и понятно, что он мог сказать. Но интересно то, что после этой беседы в первое воскресенье обратилось к Господу шесть душ, и каждое воскресенье если не трое, то двое обращаются к Господу. А что теперь делается в публике? Народ стал читать Писание и толковать о нем везде и всюду. Жизнь людей сильно изменилась, многие бросили пить водку, перестали сквернословить, и все это послужило к славе Господа.

После того как побывали у нас эти два господина, приехал генерал-губернатор и, собрав всех наших городских деятелей, сказал им речь, что он был в Петрограде и говорил о том, что в Петропавловске есть главарь баптистов «Мазай». Поэтому он решил прислать к нам в Петропавловск епископа на постоянное жительство, которого и переводят сюда только потому, что здесь живет «Мазай». Когда генерал-губернатор сказал это представителям города, то они стали больше интересоваться, и об этом все заговорили.

Я не перестаю радоваться, что теперь слово Божие распространяется так быстро, как никогда. Сам народ проповедует, читает, везде и всюду говорят об Евангелии. Как же возможно это теперь остановить? Солнца не спрячешь в рукавицу и гром в карман. По-езжайте в вагоне, например, и вы услышите везде толк и разговор о Господе. Конечно, есть такие люди, которые говорят не оттого,

что оно у них в сердце, но все же они говорят. А ведь много таких, которые примут это к сердцу, потому что они давно этого ищут, но не знали и не знают, где найти. И чем это идет дальше, тем сильнее поток; отмеряй на тысячу локтей, там будет вода по пояс, но если еще отмерить тысячу локтей, то там мы все будем плавать; там будет бурный поток, и теперь уже мы к нему приближаемся (Иез. 47, 1-12).

Я очень рад и всей душой стремлюсь освободиться от всех своих дел и отдаться исключительно Божьему делу, которое для меня и я для него, и, вместе с тем, как я, так и дело для Господа и Господь для нас. Дети мои тоже решили меня освободить, и я собираюсь все продать и переехать в Россию. Пожалуй, этот вопрос скоро решится, и мы так и поступим. Я сильно стал тяготиться своим положением, буквально до болезни. Годы уходят, а дело, порученное нам Господом, остается нетронутым, поэтому и желательно хоть на склоне дней потрудиться.

Мой привет вам и тем, которые преданно любят Христа.

Г. Мазаев

(Гость, № 7, 1914)

В 1915 году на Гаврила Ивановича завели судебное дело и передали в Омский окружной суд. Чем окончилось это дело — неизвестно.

В 1916 году молитвенный дом в Омске по настоянию православных священников закрыли. Соборания, однако, не прекратились, только стали одновременно проходить во многих местах, так как не было такого помещения, которое вмещало бы всех желающих. Гонители увидели, что закрытие молитвенного дома не уменьшило влияния баптистов на народ, а, наоборот, увеличило.

В феврале 1917 года к власти в стране пришло Временное правительство. Оно объявило свободу вероисповедания. Уже к концу апреля баптисты собрались на съезд. Председателем этого съезда был избран Г. И. Мазаев.

В том же году произошла еще одна революция и началась гражданская война. Это были жуткие годы для всего населения страны. В это время многие потянулись к Богу. Вот что писал Гаврил Иванович из Сибири:

В Сибири работа на ниве Господа идет, слава Господу, успешно, обращений на путь Господний так много, как никогда раньше. В одном братском поселке в день Святой Троицы крестили сто восемнадцать человек. По случаю плохой погоды туда не могли приехать еще из ближайших общин, в которых было предназначено к крещению более трехсот душ. Есть центры, где крещено по двести и около этого, так что за один месяц май крещено около тысячи человек в разных местах. Отзывы с разных мест поля работы самые отрадные. Слава Богу, все хорошо. Потребность в Библиях, Новых Заветах и песенниках не поддается описанию. Это жажда не воды, а идти от моря и до моря искать Слово Божие. Средства стекаются, и полагаем — в этом стеснения иметь не будем. Братья и сестры прониклись сознанием важности работы для Господа.

(Слово истины, № 3, 1920)

Я и Гр. Ст. Прок. работали здесь два с половиной месяца и около Омска работали около трех месяцев. До сего времени принято и крещено во имя Господне около четырехсот душ. Пробуждения небывалые, но работников мало...

Мы имели два съезда для практических советов проповедникам, и каждый длился по десять суток; имели от этих общений большое благословение. Были у нас курсы регентов, юношеских кружков и воскресных школ. Около самого города крещено в один день двести человек.

(Слово истины, № 4, 1920)

У Гаврила Ивановича в это смутное время, когда на местах власти делали, что им казалось справедливым, были серьезные переживания. Вот что он писал об этом:

Преследования

Была осень 1922 года. На улице накрапывал мелкий осенний дождь, поэтому я из своей комнаты решил никуда не выходить.

В 11 часов дня 24 октября в комнату вошли двое молодых мужчин, из которых один был вооружен винтовкой, и спросили:

— Кто здесь будет Мазаев Гаврил Иванович?

На их вопрос я им представил себя и спросил:

– На что я нужен вам?

Вооруженный человек достал из кармана небольшой клочок бумаги и прочитал:

– По предписанию Павлодарского политбюро... вы арестованы!

Объявив это, он поторопил меня к отъезду в Павлодар, и тут же была подана подвода. Я собрал вокруг себя свою семью, которая, узнав о моем аресте, вся была в слезах. Затем дал им соответствующее наставление о том, как в дальнейшем жить и поступать на случай плохого исхода со мною. Арестовавший меня, несмотря на его черствое сердце, при виде рыдающих жены и детей смягчился и стал их успокаивать, говоря, чтобы они не печалились, что страшного там ничего нет, что хозяин скоро вернется.

Наконец я с семьей преклонил колени и в горячей молитве к Господу предал в руки Божии себя и свою семью.

Поднявшись с молитвы, я обнял и поцеловал домашних, вышел в сопровождении моей охраны и уехал.

Отъехали мы всего семь верст и вынуждены были остановиться в поселке Боломак на ночлег, так как начался дождь. Об этом узнали местные братья и собрали по сему случаю собрание. На это собрание приехали и другие из более далеких мест, услышав о моей скорби.

После собрания в беседе с милиционером братья стали просить его о том, чтобы по случаю некоторых недоконченных дел у меня он оставил меня на время, а я обещал явиться потом сам куда следует.

К нашей общей великой радости, милиционер согласился на эту просьбу и, отпустив меня, возвратился на свое место.

Я же после сердечной горячей молитвы благодарности Богу расстался с братьями и возвратился домой.

Мой арест

После первой попытки ареста я около двух с половиной недель жил дома в ожидании извещения. 11 ноября 1922 года я получил извещение о том, чтобы мне явиться в село Песчаное, где меня ожидает член политбюро для допроса.

В назначенное время я, еще раз помолившись Господу, простился как со своею семьею, так и с верующими друзьями и отправился по назначению. Но, прибыв, я не увидел того, кому был нужен.

Меня предупредили, что человек, который вызвал меня, по неизвестным причинам не пришел, и мне приказали явиться в село Черноярское в другое время.

Село это находилось по пути в город Павлодар, поэтому я решил ожидать вызова у брата М. П. Попова. Ждать мне пришлось более двух недель, и только 29 числа вечером к брату Попову вошел мужчина, при свете лампы прочитал повестку на мою фамилию и, объяснив, что меня ожидает выездной трибунал, приказал следовать за ним.

Вскоре мы оказались в небольшой избушке, где царил полумрак, так как помещение освещалось маленьким фонариком.

Неприветливые молодые члены трибунала были окутаны густым табачным облаком. Я назвал свою фамилию.

Один из членов трибунала прошел и сел за стол, меня посадили рядом на стуле.

Опрос мой состоял из следующих вопросов: где я живу в данное время и чем занимаюсь; есть ли семья и из кого она состоит; есть ли у меня сыновья, сколько их и где они теперь; как я прибыл на заседание трибунала – свободно или под конвоем. На все заданные мне вопросы я ответил, как требует справедливость. На последний вопрос объяснил, что на заседание трибунала прибыл добровольно, по повестке. После такого краткого опроса с меня взяли подписку, чтобы я завтра же явился в Павлодар по указанному адресу, и отпустили.

В политбюро Павлодара я прибыл 30 числа в сопровождении двух братьев. Вскоре начался мой допрос. Отвечая на вопросы по предъявленным мне обвинениям, я заметил, что мрачное настроение моего следователя начало рассеиваться, так как выясилось много совершенно напрасных и нелепых обвинений.

Обвинение на меня было составлено на оберточной серой бумаге. Оно было написано карандашом и гласило, что якобы я где-то проповедовал о том, что красный дракон прилетел в Россию и наделал столько беды и т. д.

Во время допроса в комнату вошел молодой человек, как мне показалось, в пьяном виде. Одет он был в форму моряка и, поздоровавшись со следователем, сел. Следователь, указав вошедшему на меня, спросил:

– Вот этот гражданин – Мазаев Гаврил Иванович?

Тот бегло взглянул на меня и, не отвечая на вопрос, стал что-то говорить следователю. Следователь снова указал на меня и спросил:

– Этот гражданин – Мазаев Гаврил Иванович?

Вошедший, еще раз посмотрев на меня, ответил:

– Я его не знаю.

Тогда следователь, взяв серый лист бумаги и показав матросу, спросил:

– А донос этот ваш?

Тот неохотно, сквозь зубы ответил:

– Да, это донос мой.

– А как же это случилось,– спросил следователь,– что вы, не зная человека, пишете на него донос?

Матрос смущенно пожал плечами.

Видя их замешательство, я попросился выйти, чтобы дать им возможность объясниться, и, получив согласие, вышел.

Когда я вошел опять, человек с пьяным лицом прошел мимо меня, покачивая головой и что-то насвистывая, и удалился. Следователь задал мне несколько вопросов, затем объявил, что я остаюсь на трое суток для выяснения, и, отдав меня на поруки брату Бурсову, отпустил.

Ожидание мое продлилось до 16 декабря. Все это во время я каждый день бывал на собрании среди своих друзей. Собрания эти Господь дивно благословил. С каждым днем слушателей приходило все больше и больше, несколько душ обратилось к Господу.

16 декабря меня вызвали вновь и выдали документ для свободного проживания по Павлодарскому уезду. Получив такую возможность, я с хором Павлодарской общины посетил хутор Лемяканых и город Ермак.

Возвратившись в Павлодар, я получил с Кавказа от моей дочери приглашение возвратиться к ней на жительство. С этим письмом я обратился в политбюро, где мне беспрепятственно дали возможность переехать, куда я пожелаю. С благодарностью Господу я принял это как милость от Него.

Преследование в селе Грабово

Случай, описанный здесь, произошел в Сибири, в Павлодарском уезде, 15 февраля 1923 года.

Я приехал в село Грабово, чтобы посетить своих по вере, и присутствовал в собрании. Во время служения в дом вошел человек. Отозвав меня и отрекомендовавшись коммунистом, он заявил:

— Собрание вы можете иметь, но только со своими баптистами. Посторонних у вас быть не должно.

На это я ему ответил:

— Такого обязательства на себя взять не могу, потому что люди мне неизвестны — кто свой, а кто не свой. Кроме того, и сами люди вправе не послушать меня. Если же вы имеете на это право, то сами и объявите это собранию.

Услышав такой ответ, вошедший с гневом объявил меня арестованным.

Утром, на следующий день, в сильный мороз с ветром меня под конвоем отправили в г. Иртышек и сдали в милицию. В милиции, опросив меня и моих обвинителей, посчитали, что их поступок незаконный, и решили меня из-под стражи освободить. На их протокол начальник заявил:

— Да какое нам дело до того, что какой-то поп пел баптистские песни!

Мне выдали документ на руки и выпустили.

Но прошло не больше часа, как меня снова арестовали и привели в милицию.

Какая-то девица, которая думала о себе, что она не глупая, остановив меня, задала ряд вопросов. Ее вопросы были мало содержательны и еще менее осмысленны. Но со стороны за нашей беседой внимательно наблюдал молодой мужчина, который, к своему разочарованию, убедился, что из этой провокационной затеи, кроме потери времени, ничего не получилось. Он тогда с досадой мне заявил:

— Вы свободны.

Этим пока мои мытарства последнего времени и закончились. С благодарностью Господу я возвратился домой, к семье.

(Г. И. Мазаев. Воспоминания)

Известно, что Гаврил Иванович участвовал на пленуме союза в декабре 1925 года. В июне этого года он трудился в Москве и провел там шестнадцать собраний. Трудился он благовестником от союза и в следующем году, но на XXVI съезде по неизвестной нам причине не участвовал.

В начале тридцатых годов Г. И. Мазаев трудился в Алма-Атинской церкви. В 1934 году переехал в Джамбул.

О последних годах его жизни пишет Н. П. Храпов:

Последние дни своей жизни Гаврил Иванович провел в тюрьме вместе с братьями-мучениками за имя Иисуса.

В середине 1937 года проповедник Ташкентской общины Николай Александрович Коротков, будучи юным узником за слово Божье и работу среди христианской молодежи, проходил по коридору Ташкентской пересыльной тюрьмы и в одной из камер заметил старца, украшенного белой бородой. Брат остановился и, к своему удивлению и восторгу, узнал в нем Гаврила Ивановича Мазаева. Открыто, посреди камеры он с прежним неугасимым огнем проповедовал среди арестантов Евангелие Иисуса Христа, будучи в возрасте семидесяти девяти лет.

Из-за его старости за ним с нескрываемым усердием ухаживал один из преступников – «урка» по тюремному выражению.

В это время в той же тюрьме находились пресвитер Ташкентской общины брат Феофанов и служитель общины, друг молодежи, старец Дубинин.

В великой радости и со слезами братья обняли дорогого брата Гаврила Ивановича. Не без труда отняли они у арестантов-преступников их любимца и поместили его в свою камеру.

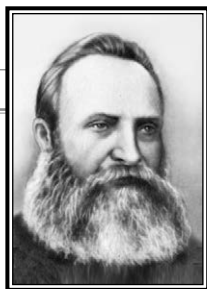
Десять дней брат Г. И. Мазаев пробыл вместе с братьями в одной камере. В течение этого времени было проведено много бесед, от чего братья ободрились. И здесь Гаврил Иванович, встав среди камеры, произнес благословенную проповедь. Все очевидцы выразили единое мнение, что у брата Мазаева была большая сила в жестах руки.

За все эти дни никто не слышал от него никакой жалобы. Он был бодр духом и телом. Его заветной мечтой было: «Если еще Бог даст и я выйду на свободу, то издам календарь для пробуждения среди мусульман». Но, увы, сбыться этой мечте не было суждено.

По прошествии десяти дней Гаврила Ивановича увезли в Кустанайскую тюрьму-изолятор.

Глубокой осенью 1937 года Н. А. Короткову на Колыму поступило скорбное, облитое слезами сообщение, что осенью в Кустанайском изоляторе Гаврил Иванович Мазаев отошел в вечность мучеником за свидетельство Иисусово, в уповании на своего Искупителя.

КАЛЬВЕЙТ МАРТИН КАРЛОВИЧ

Этот многолетний труженик на ниве Божьей особенно известен тем, что крестил Никиту Исаевича Воронина, который считается первым русским баптистом.

Родился Мартин Карлович 4 ноября 1833 года в деревне Шикшин Ковенской губернии у самой границы с Пруссией. Родители его были лютеранами, жили в большой бедности. Мать умерла, когда Мартину было около года. Воспитанием Мартина занималась в основном его сестра Генриетта, которая была всего на одиннадцать лет старше своего братишки.

В тринадцать лет Мартина отдали в люди, чтобы к пятнадцати годам он заработал 1,5 рубля, необходимые для принятия конфирмации. Но после двух лет пребывания в услужении Мартин не получил ожидаемых денег, и это очень огорчило его. Уйдя в лес, он в молитве излил свое горе Господу. Он просил, чтобы Бог помог ему принять конфирмацию. Своим горем Мартин поделился также с учителем, проводившим занятия по подготовке подростков к конфирмации. Учитель исполнился состраданием к мальчику и сам внес необходимую сумму. Это укрепило веру мальчика в то, что Бог слышит молитвы.

Когда Мартину исполнилось двадцать два года, он нанялся на мельницу. Жил он в семье мельника, которая состояла из родителей, двух дочерей и сына Фердинанда с женой. Жена Фердинанда Каролина была баптисткой. Через нее уверовала младшая дочь мельника Генриетта. Вскоре она стала женой Мартина. Две молодые семьи — Фердинанд с Каролиной и Мартин с Генриеттой — очень подружились и часто собирались для изучения Слова Божьего.

22 мая 1858 года Мартин и Генриетта приняли крещение. Крестил их баптистский проповедник Ленкет.

По совету дяди Кальвейты решили переехать на Кавказ и

прибыли в Тифлис 11 октября 1863 года. В своих воспоминаниях Мартин Карлович писал:

Мы твердо держались того, чему были научены, то есть всегда читали Слово Божье, молились и не оставляли нашего собрания. Хотя нас было только четыре души — я, жена и две сестры, — но мы собирались регулярно. Господь благословил нас, и, к нашей великой радости, наш кружок стал увеличиваться. Скоро нас в Тифлисе стало пятнадцать верующих, все немцы.

В сентябре 1871 года у Мартина Карловича умерла жена, оставив ему сына и двух дочерей. Через некоторое время Мартин Карлович женился на Марии Ивановне, сестре из Одессы.

Мартин Карлович горел желанием возвещать евангельскую истину и среди русских, но плохо знал русский язык. Желание служить Богу побудило его изучить русскую азбуку. В автобиографии Мартин Карлович писал:

Сношение с русскими в Тифлисе началось спустя несколько лет после прибытия в Тифлис через брата Я. Д. Делякова. Он привел к нам первого из молокан, тщательно исследующего Писание и желающего креститься. Это был Никита Исаевич Воронин, который после принятия от меня крещения стал проповедовать слово Божье в молоканском собрании. Но скоро ему пришлось уйти оттуда, а с ним пошло еще шесть человек, среди которых был талантливый юноша Василий Павлов.

Вышедшие образовали отдельное собрание. Это была первая русская община на всем Кавказе. Наше же немецкое собрание в то время расстроилось, так как многие разъехались. Тогда я сказал своей жене Марии Ивановне: «Пойдем посмотрим, что делают наши русские братья!» Мы пошли и сейчас же всецело примкнули к ним. Мы стали служить им в деле пения.

В декабре 1879 года Тифлисская церковь избрала Мартина Карловича на служение дьякона. Для рукоположения пригласили пресвитера Одесской церкви Августа Либига. Вместе с ним прибыл и И. В. Каргель из Петербурга.

Рукоположение состоялось на вечернем собрании 17 августа 1880 года. Вместе с Мартином Карловичем на дьяконское служение был рукоположен известный труженик в русском братстве баптистов А. М. Мазаев. Рукоположили также на служение учителя С. Г. Родионова, а на пресвитерское служение — В. Г. Павлова.

В 1891 году Мартин Карлович был арестован и сослан в глухое селение Герюсы. Вместе с ним арестовали и мужа его дочери Оттилии — Сумбата Гаспаровича Багдасарянца, которого сослали на турецкую границу в с. Ахалкалаки. Вот что пишет о своих скитаниях сам Мартин Карлович:

Господу угодно было провести меня через страдания. В 1891 г. я был сослан административным порядком на пять лет в Герюсы, маленькое и глухое местечко Зангезурского уезда. Сюда были сосланы и другие верующие, около пятидесяти человек. Господь побуждал детей Божьих присылать нам на пропитание деньги, так как у нас не было возможности зарабатывать. Деньги шли через мои руки. За это я был сослан под жандармский надзор в г. Эривань. Когда первоначально назначенные пять лет истекли, мне прибавили еще три года.

Особенно трудно было в Герюсах, где нам не позволяли собираться. Для чтения Слова Божьего и молитвы приходилось искать убежище в скалах и пещерах. Приходилось плакать, но в утешении нам Бог никогда не отказывал.

Я особенно помню один случай. Сатана сильно смущал меня мыслью, что я теперь, как мертвец, всеми забыт и покинут. Никто из братьев не писал мне. Но тут я вдруг получил письмо от моей старшей дочери, которая между прочим писала, что мое письмо, посланное ей, она отдала пресвитеру общины и тот призвал всю общину для молитвы за меня, чтобы вера моя не оскудела. Я не могу передать, сколько утешения доставили мне эти слова. Слезы радости обливали письмо и мешали мне читать его.

Семья Мартина Карловича также переживала большие скорби. Жена писала:

За мной был учрежден надзор. Однажды жандарм Медведев явился на мою квартиру и приготовился занести кое-что из моей

жизни в протокол. Но не успел он начать работу, как внезапно ослеп. Испугавшись, он уничтожил все бумаги, касающиеся Мартина Карловича и меня.

Мы всегда жили в страхе, с часу на час ожидая, что у нас отнимут детей, так как подобные случаи бывали часто.

В 1900 году Мартин Карлович вернулся из ссылки в Тифлис. Он ревностно продолжал служение дьякона и проповедника. Христиане свидетельствовали о нем: «Мартин Карлович был любим всеми за доброту и отзывчивость. Он был как дитя во всем — и в делах, и в словах. Он не обладал красноречием, однако его проповеди производили сильное впечатление».

22 мая сего года Тифлисская община чествовала вечерей любви своего старейшего проповедника М. К. Кальвейта по случаю пятидесятилетия его служения Господу. Чествование превзошло ожидания: молитвенный зал не мог вместить всех желавших присутствовать, и многим пришлось уйти.

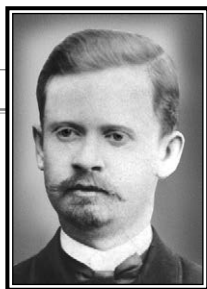
(Баптист, № 8, 1908)

В августе 1900 года М. К. Кальвейт в составе делегации от русского братства принял участие на Европейском конгрессе баптистов, проходившем в Берлине.

Закончилась жизнь этого многолетнего служителя Божьего в 1918 году. Он жил в то время на хуторе около станции Прохладной у своей старшей дочери Эммы, которая была замужем за Абрамом Реймером. Шла гражданская война. Всюду подстерегала опасность. Семья Реймер перебралась в другое местечко, а Мартин Карлович остался в доме один. Когда в ту местность пришли красноармейцы, он свидетельствовал им о Христе и уговаривал не делать зла. Один из красноармейцев выстрелил и убил восьмидесятилетнего старца.

Проходивший мимо дома мальчик, сын верующих родителей, увидел открытый дом и вошел. Дедушка Мартин лежал мертвый. Разыскав семью Реймер, верующие сообщили о смерти Мартина Карловича и узнали, что совсем недавно был расстрелян и Абрам Реймер, а также его сын Яков, внук Мартина Карловича.

РЕЙМЕР АДОЛЬФ АБРАМОВИЧ

Адо́льф Абра́мович — сын Абрама и Эммы Реймер, внук Мартина Карловича Кальвейта. Он был одаренным проповедником и миссионером среди русских и состоял членом в общине братских меннонитов.

Родился Адо́льф Абра́мович 1 октября 1881 года в селе Визенфельд Екатеринославского уезда на Украине. Адо́льф рано обратился к Господу. В пятнадцатилетнем возрасте он уже произнес первую проповедь.

Выходцу из бедной семьи стоило больших усилий закончить педагогическое училище. Товарищи по учебе не скупились на насмешки, когда Адо́льф, желая заработать немного денег, собирал на улице спичечные коробки и сдавал их по копейке.

Во время учебы в училище Адо́льф уже заботился о спасении своих товарищей, и некоторые из них преклонили колени перед Господом. По окончании училища он работал учителем в сельской школе.

С 1902 года Адо́льф Абра́мович начал проповедовать Евангелие среди русских, работающих у зажиточных немцев. Некоторые из них обратились к Господу и пожелали принять водное крещение. В то время строго запрещалось «сворачивать» православных в иную веру, и крестить таковых было опасно. Однако в мае 1905 года в помещении школы, ночью, собрались молодые братья и сестры из общины братских меннонитов и провели испытание четверем русским работникам и служанке школьного учителя. Этой же ночью их крестили в реке на расстоянии двух миль от школы. Потом все возвратились в школу, совершили вечерю Господню и в пять часов утра поспешили разойтись по домам.

Осенью 1905 года Адо́льф Абра́мович оставил службу в школе и полностью посвятил себя труду среди русских.

Странствуя по стране с юга на север, он проповедовал Слово Божье в молитвенных домах, а где их не было — в разных помещениях, вплоть до театров. На курсах проповедников, организованных И. С. Прохановым в Петербурге, Адольф Абрамович принял участие в качестве преподавателя.

1 января 1905 года Адольф Абрамович вступил в брак с сестрой Зарой Госсен из Александртале. Господь благословил их брак пятью сыновьями и одной дочерью. Правда, дочь умерла в двухлетнем возрасте.

Во время Первой мировой войны Адольф Абрамович вместе с другими меннонитами, не бравшими оружие, служил санитаром. В это время его жена находилась в Петербурге. Однажды ее арестовали и посадили в тюрьму. Поводом к этому послужило ее письмо к родителям, в котором она писала: «Как печально в этом мире, где столько ненависти и вражды! Когда воцарится наш великий Царь, тогда это все прекратится, перекуют мечи на орала». Выражение «наш великий Царь» было истолковано полицией как относящееся к немецкому императору Вильгельму II. Это стоило сестре Заре месяца тюрьмы, пока разобрались.

По окончании службы Адольф Абрамович со своей семьей стал жить в Александртале.

После Октябрьской революции 1917 года началась Гражданская война со всеми ее ужасами. Особенно страдала Украина, где власть переходила то к белым, то к красным, то к различным анархистским бандам.

Адольф Абрамович усердно проповедовал среди солдат любой армии. Усадьбы в деревнях обычно были переполнены войсками. В воскресные дни он произносил до четырех проповедей.

В соседнем селе Мариенталь командир конного отряда дал Адольфу Абрамовичу пятнадцать минут для проповеди. Люди сидели на лошадях, готовые сразу после проповеди ринуться в кровавый бой. Как дорога в этот момент каждая минута и как ответственно дело проповедника!

После белогвардейцев пришли красные со своими карательными экспедициями. Все с ужасом ожидали, что будет, опасаясь каждый за свою жизнь. Но Адольф Абрамович сохранял мужество. У него не было страха перед людьми.

Он знал свою миссию — спасти людей от вечной гибели. На заседании совета общины братских меннонитов Адольф Абрамович от сердца говорил: «Братья, красные тоже имеют бессмертную душу. Они тоже нуждаются в спасении. Им тоже надо проповедовать Благоую весть!» Братья предупреждали его об опасности, но он отвечал: «Я должен!»

Генрих Госсен, шурин Адольфа Абрамовича, вызвался участвовать в евангелизации со своим хором. Собрание было назначено на семь часов вечера. Приглашались все военные, находящиеся в селе.

В назначенное время в молитвенном доме братских меннонитов собралось около трехсот слушателей. Впереди стоял суровый начальник отряда с кавалерийской плеткой в руках, предвещающая кровавую расправу. Обстановка была накаленной. В этот момент в здание вошли хористы. Внутренне молясь, они выстроились впереди, и зазвучало чудное пение: «О грешник, к Иисусу приди». В гимне так умоляюще звучал призыв к покаянию, что это подействовало на всех присутствующих. Все как-то успокоились, даже начальник отряда сел на свое место, ожидая, что будет дальше. Почва для слова была подготовлена, и Адольф Абрамович произнес серьезную проповедь. Все закончилось благополучно.

Во время голода в России Адольф Абрамович Реймер посещал русские общины. Это было связано со многими трудностями и опасностями, но ничто не могло удержать его. Им действительно двигала любовь Христова (2 Кор. 5, 14).

Четыре месяца Адольф Абрамович трудился в Киеве, где было несколько больших общин, а также в его окрестностях. Там он заболел сыпным тифом. Совершенно больного его привезли домой. После четырех тяжелых дней болезни он мирно ушел домой к своему Господу, Которому верно служил на земле. Перед переходом в вечность он произнес: «Господь Иисус, как проста Твоя благая весть и как велика Твоя благодать!» Он умер в мае 1921 года. Весть о его кончине была очень скорбной для множества его друзей.

После смерти Адольфа Абрамовича его семью постигли тяжелые переживания из-за материальной необеспеченности. Дети еще все были несовершеннолетние, и семья оказалась

в нужде, хотя общины и отдельные верующие поддерживали их чем могли. Но в то время из-за многолетних грабежей все обнищали. Для верующих большой поддержкой была помощь из Америки.

Особенно большие скорби переживала вдова Зара Реймер после 1929 года, когда начались гонения на верующих. Служители церкви и их семьи были лишены всех прав. Они не имели возможности приобретать даже хлебные карточки, им очень трудно было найти жилье и работу. Молитвенные дома закрывались, воскресные школы были запрещены. И все же Зара Реймер продолжала собирать детей и проводить с ними библейские беседы, за что ее сначала оштрафовали на 500 рублей, а потом присудили штраф 1000 рублей или тюремное заключение.

Два старших сына Реймеров — Даниил и Генрих, — как молодые проповедники, пошли по стопам отца. Их арестовали и посадили в тюрьму. Даниил как-то сумел передать домой записку: «Мама, эта ночь была так ужасна! Молите Господа, чтобы Он дал мне силы остаться верным». Его подвешивали на крючках, вдетых в ноздри, и требовали отречься от Христа. Но Господь дал ему силы остаться верным.

Даниила доставили в молочанскую тюрьму в начале 1935 года вместе с учителем и проповедником Иоанном Беккером. В мае их осудили на восемь лет лишения свободы и отправили в тюрьму г. Мелитополя.

Вскоре стало известно, что из этой тюрьмы должен отправиться большой этап на Север. Возле ворот тюрьмы собрались родные заключенных. Среди них была и молодая жена Даниила Реймера. Увидев своего мужа среди заключенных, она громко позвала его. Он увидел ее и внятно крикнул: «Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере ко спасению души!» Это были последние слова утешения любимой жене. Что еще он перенес и где закончилась его жизнь — неизвестно, но Господь знает Своих и собирает их к Себе на небеса.

Последнюю весть о жене Даниила Реймера сообщила жена Иоанна Фризена в письме в Канаду:

Осенью 1941 г. нас — женщин, детей и кто еще остался из старых людей немецкой национальности — погрузили в железнодорожные вагоны, чтобы отправить в Сибирь. Когда наш поезд медленно двигался по степи, он подвергся бомбардировке немецкими самолетами. Некоторые вагоны были разбиты, один горел. Мы все побежали в поле.

Когда вверху заметили, что в поезде одни дети и женщины, то прекратили бомбежку. Но какой ужас! Исковерканные тела, оторванные руки, ноги и другие части тела были разбросаны вокруг. Некоторые раненные бились в предсмертной агонии. Среди таковых была и сестра Тина Реймер, жена молодого проповедника Даниила Реймера. Осколок бомбы пробил ей грудную клетку. Сквозь зияющую рану было видно, как бьется сердце. Но это длилось недолго, жизнь ее оборвалась...

Недалеко от железной дороги выкопали могилу. Собрали части тел погибших в эту могилу. Одна сестра (насколько помню, жена Петра Реймера из села Штайнбах) предложила спеть гимн и после пения помолилась. Затем все засыпали землей.

Зара Реймер, лишенная двух старших сыновей, приговоренная к огромному штрафу или к тюремному заключению, в глубокой скорби оставила родной дом и отправилась в небольшой городок Гуляй-Поле. Там ее приютили русские баптисты, и она прожила у них один год, после чего ее выдворили из города как лишенную всех прав.

После долгих скитаний Зара Реймер нашла пристанище в доме своей младшей сестры в селе Вальдхайм. Недолго длилась уютная жизнь, и от Генриха Дридигера, мужа сестры, потребовали, чтобы он выдворил из своего дома свояченицу. Он не согласился сделать это, и его с семьей лишили прав. Но и это не заставило христианина отказать в приюте бездомной. Тогда его самого с семьей выгнали из дома, унаследованного от отца. Пришлось им отправиться на Кавказ и искать пристанище у родственников.

Вдова Адольфа Реймера опять пошла скитаться со своим младшим десятилетним сыном. В Елизабеттале она нашла комнату в общежитии. Когда ее и оттуда выселили, она за присланные ей из Канады деньги купила маленькую гли-

няную мазанку. Но недолго прожили в ней Реймеры. Как лишенных всех прав, их выгнали из собственного дома, решив взять с собой только то, что они могли унести с малолетним сыном.

В это же время выселили из своего дома вдову благовестника Генриха Эннс с пятью малолетними детьми. Две вдовы вместе со своими детьми пешком, неся свои немногие вещи, прошли шестьдесят пять верст до Мелитополя. Здесь их приютили русские баптисты, буквально исполняя слово нашего Господа: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня» (Матф. 25, 35). У брата с сестрой, приютивших Зару Реймер, было всего две комнатухи, так что она в течение года спала на кухне. Кроватью для матери с сыном служила ванна, на которую на ночь клали доски.

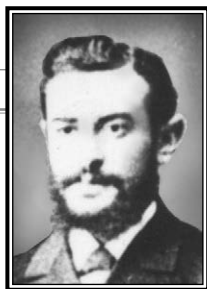
Но и отсюда ей пришлось удалиться, чтобы снова скитаться отверженной в этом мире.

В этот раз она пошла в сторону Кавказа. Своему брату в Канаду она писала: «Свой день рождения я каждый раз праздную на новом месте».

В ноябре 1948 года Мария Регер, приемная дочь Адольфа и Зары, сообщала: «Наша мама, Зара Реймер, пришла к нам на Кавказ. Оттуда нас вместе с другими немцами вывезли в Сибирь. Четыре года мама жила со мной — один год на Кавказе и три года здесь, в Сибири. В мае 1946 года она умерла от тифа».

Там, в Сибири, и похоронена эта многострадальная спутница благословенного труженика Адольфа Реймера, мать верных свидетелей Христа — Даниила и Генриха. Она дополнила число тех, о ком сказано: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались...» (Евр. 11, 38). Сколько было таких искренних Божьих свидетелей в недалеком прошлом в нашей стране! Они совершили великий подвиг страданий и оставили для нас добрый пример верности. Нам нельзя забывать их!

БАГДАСАРЯНЦ СУМБАТ ГАСПАРОВИЧ

Сумбат Гаспарович (или Сергей Гаспарович, как его часто звали) родился в 1860 году во Владикавказе в армянской семье. Он рано остался без отца, и в семь лет матери пришлось отправить его на работу к дяде в обувной магазин.

В юношеском возрасте Сумбат стал посещать собрания баптистов и искренне обратился к Господу. Молодого человека, вступившего в завет с Богом, направили учиться в Библейскую семинарию в Базеле. Там он изучил немецкий язык. Вернувшись в Россию, Сумбат ревностно трудился на обширной ниве Божьей. Женился он на Оттилии Кальвейт, дочери известного труженика Мартина Карловича Кальвейта.

В 1891 году Сумбата вместе с тестем арестовали и отправили на пять лет в ссылку. Местом ссылки было село Ахалкалаки, расположенное на границе с Турцией. Оттилия с тремя детьми поехала к Сумбату на место ссылки. Трудные условия жизни отразились на ее здоровье, и после рождения четвертого ребенка она отошла в вечность. Затем умер месячный сын, вслед за ним умерла и двухлетняя дочь. Хоронить умерших не позволили ни на русском, ни на армянском кладбище. Пришлось Сумбату хоронить жену и двоих детей за деревней, на склоне горы.

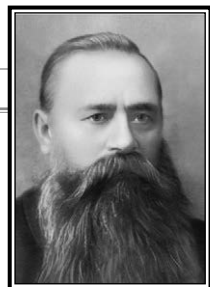
В 1895 году император Николай II в честь своей коронации издал манифест об амнистии заключенных. Но верующие не попадали под эту амнистию. Напротив, вскоре почти всем осужденным за веру увеличили срок на три года.

В то время сосланным за убеждения стали разрешать выезд за границу, но с условием, что они никогда не получат право возвратиться в Россию. Сумбат Гаспарович воспользовался этим и переехал в Румынию. Там он трудился три с половиной года, посещая города и деревни, где проживали

немцы. Затем он переехал в Швейцарию и продолжал трудиться, посещая с проповедью Евангелия многие страны Европы. Впоследствии он трудился в Палаточной миссии по Европе.

На восемьдесят втором году жизни Сумбат Гаспарович отошел к Господу.

ПАВЛОВ ВАСИЛИЙ ГУРЬЕВИЧ

Павлов – тип баптиста-великоруса: приземистый, плотный, бородатый, с веселым юмором. «В школах никола не учився» по его словам, а сам говорит по-немецки, по-английски, прекрасно осведомлен о положении баптизма за границей и за океаном.

«Что знаю – обязан Богу да своему терпению»,– объясняет он с улыбкой. «Мужчина себе на уме»,– создается первое впечатление. Среди баптистов пользуется, по всему видно, большим влиянием.

(Современное слово, 1910)

Василий Гурьевич Павлов был одним из самых видных тружеников своего времени в братстве баптистов в России. Обратившись к Богу в шестнадцать лет, он неутомимо служил Ему на евангельской ниве до самого перехода в вечность, который произошел на семьдесят первом году его жизни.

Родился Василий Гурьевич в 1854 году недалеко от Тифлиса, в селе Воронцовка, в семье молокан. Отец его был извозчиком и зарабатывал немного, так что учиться грамоте Василию Гурьевичу пришлось недолго. В раннем возрасте он пошел в чайный магазин служить мальчиком, затем там же стал работать приказчиком.

В детстве Василий Гурьевич посещал собрания молокан и проявлял интерес к чтению Библии. В то время известный среди молокан купец Н. И. Воронин принял водное крещение от баптиста М. К. Кальвейта и образовалась маленькая

группа баптистов. К ним на собрание стал ходить и Василий Гурьевич. Вскоре он уверовал в Господа и 9 апреля 1871 года принял водное крещение, которое совершил Н. И. Воронин.

Родители Василия Гурьевича сначала были против такой перемены в убеждениях шестнадцатилетнего сына и притесняли его. Но постепенно они убедились в истинности того, что он говорил им из Писания, и стали посещать собрания баптистов. Несмотря на молодость, Василий Гурьевич старался передавать благую весть другим. На собраниях братья ставили его на проповедь. Вскоре через его труд обратилась к Господу одна семья.

У Василия Гурьевича очень рано проявился интерес к разным языкам. Еще юношей, желая проповедовать слово Божье евреям, он поступил в хедер (еврейская начальная религиозная школа для мальчиков) и изучил древнееврейский язык.

В течение жизни Василий Гурьевич изучил более двадцати пяти языков. Он знал сирийско-халдейский, ассирио-вавилонский, арабский, осетинский, грузинский, армянский, персидский, татарский, турецкий, шведский, французский, немецкий, английский, эсперанто, румынский, латинский, греческий, чешский, польский, болгарский, сербский, финский, самаритянский.

21 февраля 1875 года Василий Гурьевич крестил Андрея Марковича Мазаева, впоследствии известного труженика в баптистском братстве. В том же году, по предложению и содействию М. К. Кальвейта, община направила В. Г. Павлова на учебу в Германию, в Библейскую школу. В своей речи на Всемирном конгрессе баптистов в июне 1911 года Василий Гурьевич говорит об этом так:

В 1875 году я отправился в Гамбург, чтобы более получить познания в Слове Божьем и о церковных порядках баптистов. Пробыл там около года. В то время там была лишь миссионерская школа с шестимесячным курсом. Но, прибыв в Гамбург, я больше не нашел ее там, потому что было разделение между церквями Гамбурга и Альтены.

Я имел преимущество познакомиться с основателем германских баптистских общин, ныне покойным, И. Г. Онкеном, который принял

участие в моей нужде и поручил одному проповеднику, Вильрату, преподавать мне немецкий язык и богословие. В 1876 году я был рукоположен И. Г. Онкеном на служение миссионера и возвратился домой в Тифлис.

(Баптист, № 31, 1911)

Когда Василий Гурьевич возвратился в Тифлис, в общине было уже около сорока членов, среди которых находились и его родители. Они присоединились к церкви в его отсутствие.

Осенью 1876 года Василий Гурьевич вместе с братом С. Г. Родионовым предпринял длительное путешествие по Закавказью и посетил молоканские селения. Молоканские старцы относились к братьям в основном враждебно.

Пробираясь через горы и долины на лошадях, а иногда и на волах, братья проводили собрания в тех селениях и городах, через которые пролегал их путь. Многие люди каялись, некоторым благовестники преподавали крещение.

Братья В. Г. Павлов и С. Г. Родионов дошли до подошвы горы Арарат. Оттуда они проехали до г. Ленкорани, по дороге посетив Баязет, Михайловку, Ново-Ивановку, станцию Дзедгат, г. Шемаху, Чухур-Юрт, Пришиб.

В Ленкорани братья провели ряд благословенных собраний, на которых несколько душ обратилось к Господу. В этом городе на В. Г. Павлова и С. Г. Родионова донесли в полицию, вследствие чего их арестовали и, отняв у них паспорта, отправили домой, предписав по прибытии явиться в полицию.

В конце 1876 года Василий Гурьевич женился.

В 1879 году он посетил Владикавказ. Там уже несколько лет жил брат Е. М. Богданов, переселившийся из Тифлиса, и с группой уверовавших в Господа проводил собрания.

Во Владикавказе при большом стечении народа Василий Гурьевич крестил в Тереке семь душ. Об этом стало известно полиции, и Василия Гурьевича арестовали. Продержав три дня под арестом, его освободили.

В этом же году братья-баптисты предприняли попытку объединить все баптистские общины в союз. Для этого

в Тифлисе была созвана конференция. Председательствовал на ней В. Г. Павлов. Хотя поставленная цель не была достигнута из-за недостаточной подготовленности вопроса, но братья, собравшиеся из разных мест, могли познакомиться друг с другом и пообщаться.

В октябре 1879 года Тифлисская община избрала Василия Гурьевича на служение пресвитера. Для совершения рукоположения решили пригласить пресвитера Одесской общины Августа Либига.

В августе 1880 года братья А. Либиг из Одессы и И. В. Каргель из Петербурга рукоположили Василия Гурьевича на пресвитерское служение в Тифлисской общине. В этом же году власти признали его духовным наставником баптистской общины. Это способствовало тому, что верующие в Тифлисе не подвергались преследованию. Свободой они пользовались до 1887 года. В этот период Василий Гурьевич предпринимал длительные миссионерские путешествия в разные местности России.

Осенью 1880 года Василий Гурьевич посетил молоканские села Ново-Васильевку и Астраханку в Таврической губернии. Там прошли многолюдные собрания, немало бесед было по домам. Многие молокане убеждались, что необходимо принять водное крещение, и переходили к баптистам. Среди них был и Ф. П. Балихин — очень известный впоследствии труженик.

В 1882 году состоялась совместная конференция братских меннонитов и русских баптистов, на которой Василия Гурьевича избрали благовестником.

В апреле 1884 года Василий Гурьевич участвовал на съезде, созванном В. А. Пашковым и М. М. Корфом в Петербурге. На съезд были приглашены представители разных евангельских течений. Целью съезда являлось объединение всех возрожденных христиан в один союз. Но разные взгляды на некоторые вопросы, например на крещение младенцев, делали поставленную цель неосуществимой.

В течение шести дней братские общения проходили мирно, но потом вмешалась полиция. Василий Гурьевич писал в своих воспоминаниях:

Когда мы однажды возвратились в свою гостиницу на Выборгской стороне, то увидели, что наши номера атакованы полицией, которая отворила двери, раскрыла наши чемоданы и производила обыск. Когда мы явились, то полиция обыскала нас и арестовала. Сначала нас, тринадцать человек, одних русских, отвели в участок, а потом отправили в Казанскую часть, в тайную полицию, где подвергли допросу, и мы провели там ночь. На короткое время нас освободили, потом снова арестовали. На первый день Пасхи явился к нам градоначальник и поздравил с праздником Воскресения Христова.

Вскоре жандарм проводил нас на вокзал, взял с нас деньги и купил каждому билет до места его жительства. Он наблюдал за нами, пока мы не сели в поезд и пока он не тронулся.

Повод к обвинению был вымышлен: будто в гостинице, где мы остановились, найден был типографский шрифт, что послужило благовидным предлогом к обыску.

(В. Д. Бонч-Бруевич. Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола, 1908)

В этом же месяце по инициативе И. И. Вилера был созван первый съезд русских баптистов в селе Ново-Васильевке Таврической губернии. В работе съезда принимал участие и Василий Гурьевич. На нем он был избран благовестником организованного здесь же Русского союза баптистов.

В 1885 году Василий Гурьевич побывал в заволжских степях: в селах Малый Узек и Куриловка. В эту местность из Тифлиса переехала одна сестра. Она некоторое время рассказывала людям об истинной вере. Когда почва была подготовлена, сестра пригласила Василия Гурьевича. За время его посещения многие обратились к Господу и образовались христианские общины.

Примерно в то время Василий Гурьевич побывал еще в Белоруссии, куда пригласил его Л. Д. Приймаченко. Вот что рассказывает А. Л. Евстратенко о посещении Павловым села Усохи Гомельского уезда Могилевской губернии:

Во время этих гонений нас посетил В. Г. Павлов, но посещение сделал очень осторожно. На станции встретили его посланные нами братья. Подъезжая к нашему селу, он слез с лошадей, чтобы

не вызвать подозрения у жителей, и поздно вечером задом прошел в дом брата. Ночью сделали молитвенное собрание, на котором приняли пять новых членов и окрестили их в реке. Ночью же, прямо с реки, Василия Гурьевича благополучно отправили на станцию.

(Слово истины, № 9–12, 1918)

Сам Василий Гурьевич пишет о себе следующее:

В 1885 году я опять посетил Самарскую, Киевскую, Могилевскую и Херсонскую губернии, где проповедовал слово Божье. Несколько человек присоединились к церкви.

По пути из Киева заехал в село Любомирку, где жил брат Иван Рябошапка. Когда мы собрались в клуне и я стоял на проповеди, явился урядник, переписал всех присутствующих, а меня посадил под арест при сельском правлении. На другой день братья на своих лошадях доставили меня с бумагой в г. Ольвиополь, где я еще сутки пробыл под арестом. Затем меня с пакетом бумаг обо мне передали брату Рябошапке для доставления в Елизаветград. Там я еще одну ночь ночевал в квартире сторожа. Жена его уверяла меня, что штундисты, собираясь вместе, ставят кадку с водой и ходят вокруг нее, а из кадки выходит сатана и наделяет их деньгами. Подобные нелепые рассказы весьма распространены в народе.

Исправник не возвратил мне паспорта, а сказал, чтобы я ехал в Одессу, потому что мое дело передано туда. Я отправился в Одессу и целую неделю каждый день ходил в консисторию. Мне давали один ответ: «Приди завтра». Не имея возможности жить там без средств, я бросил все, сел на пароход и уехал домой в Тифлис, думая, что если буду надобен, то консистория знает, где искать меня. Дело это пока не имело для меня никаких видимых последствий. Вероятно, консистория донесла на меня кому следует, но это остается неизвестным для меня.

В июле 1886 года я был вытребован покойным ныне братом Андреем Савиным на диспут со священником Рудневым и профессором Кутеповым в Ростов-на-Дону. Предметами собеседования были: крещение младенцев и миропомазание. Народу собралось на площади около собора – тысячи. Самый диспут происходил за оградой собора, в школьном здании, которое могло вместить лишь несколько сот человек. По окончании собеседования толпа начала кричать на меня

и хотела бить, и я едва успел спастись от побоев, сев на дрожки и скрывшись. В тот же день я уехал из города.

По моем отъезде перед лавкой Савиных собралась тысячная толпа, ругая их и спрашивая, где я. Но все обошлось благополучно, и я возвратился домой. В этом же году правительство взяло назад мое утверждение и запретило нам собираться для молитвы. Но мы нашли себе другой зал, в более глухой части города, и продолжали собираться.

Первая ссылка

Утром 26 марта 1887 года ко мне в квартиру явился городской и пригласил меня в участок. Когда я пришел туда, то пристав спросил, знаю ли я, где живет А. Амирханянц. На мой утвердительный ответ он дал мне околоточного и приказал привести брата сюда. Когда мы с А. Амирханянцем явились в участок, то пристав прочел нам бумагу, в которой сказано было, что мы трое — я, Амирханянц и Воронин — по распоряжению высшей власти посылаемся за распространение штундизма-баптизма под надзор полиции на четыре года в распоряжение оренбургского губернатора. Пристав не позволил нам с Амирханянцем даже проститься с нашими семьями и отправил нас в тюрьму. Воронина в это время не было дома.

Когда нас привели в тюрьму, то приказали снять всю нашу одежду, обувь и белье и надеть грубое арестантское платье. Никакого матраца не было, и приходилось спать на голых досках. Мы сняли арестантские башмаки и положили их в изголовье вместо подушки.

Арестанты спрашивали, за что нас посадили в тюрьму. Когда мы объяснили, что заключены за проповедь слова Божия, то они никак не могли понять этого. Русских арестантов было мало, а большей частью туземцы, и мы говорили с ними о Христе.

Через два дня по ходатайству наших друзей нам позволили надеть свою одежду и перевели в лучшее помещение. Наши домашние и друзья посещали нас. Нам позволяли говорить с ними в присутствии тюремных надзирателей, протянув цепь между нами и родными.

По истечении десяти дней нас освободили по ходатайству некоторых лиц и позволили отправиться в ссылку за свой счет, в сопровождении одного полицейского.

В назначенное время мы, три семьи (Воронин прибыл к этому времени), сели на почтовые экипажи и распростились с нашими

родными по духу братьями, сестрами и друзьями. Когда мы уезжали, на площади перед залом нашего собрания собралась огромная толпа, человек в тысячу. Затем наши друзья сели в фаэтоны и провожали нас за город. Таким образом сам собой образовался внушительный поезд, растянувшийся на расстояние более километра. Возбуждение в городе было громадное. За городом мы преклонили колени, помолились и простились со всеми...

Нам нужно было ехать более двух тысяч километров до Оренбурга. Наш путь лежал через Кавказский хребет и Владикавказ. Владикавказские братья выехали к нам навстречу за город. При переезде через горы один мой ребенок простудился, у него началась лихорадка и воспаление глаз. Но останавливаться на долгое время было невозможно, и мы должны были взять больного ребенка с собой. Из Владикавказа мы поехали по железной дороге до Ростова, откуда поднялись пароходами вверх по Дону до Калача; потом доехали по железной дороге до Волги, опять сели на пароход и поднялись вверх по Волге до Самары; оттуда по железной дороге в конце апреля прибыли наконец в Оренбург.

Вскоре по прибытии нашем в Оренбург молокане, живущие в селе Гумбет, услышали о нашем приезде и человек двадцать приехали побеседовать. По окончании беседы, которая длилась целый день, двое убедились в истинности крещения водою.

Амирханянец беседовал с магометанскими муллами. Я знал немного по-турецки и принялся за изучение туземного татарского языка в надежде говорить с татарами о Христе. Мы имели между собой маленькое собрание, которое посещали несколько друзей.

Так прошло четыре года нашей ссылки. Амирханянец еще до окончания своего срока получил позволение и посетил конгресс ориенталистов, бывший в 1890 году в Копенгагене, и затем переселился с семейством в Финляндию. А мы с Н. И. Ворониным по окончании срока, в 1891 году, были отпущены и возвратились из Оренбурга на родину, в окрестности Тифлиса. Н. И. Воронин прибыл раньше, а я с семьей — в апреле.

Краткое пребывание на родине

Вскоре по прибытии на родину я явился со своим проходным свидетельством к полицмейстеру, который дал понять мне, что

если я опять буду проповедовать, то со мной церемониться не станут. Через два-три дня пристав потребовал, чтобы я дал подписку не производить более сектантской пропаганды. Я наотрез отказался дать такую подписку, хотя хорошо понимал, что за это могут снова послать меня в ссылку. Пристав сказал мне, что он все же должен иметь письменное изложение моего мнения, и я написал приблизительно такую записку: «Господин пристав восьмого участка предложил мне дать ему подписку, что я не буду больше производить сектантской пропаганды, но я отказался дать таковую, потому что это противоречит убеждению моей совести». Затем полиция оставила меня пока в покое.

Арест и отправка во вторую ссылку

В одно прекрасное утро, когда мы еще спали, сельский староста постучался в дверь моей квартиры и пригласил меня к приставу. Тот объявил мне, что Тифлисский губернатор приказал арестовать меня и доставить в Тифлис, чтобы оттуда опять отправить меня в Оренбург под надзор полиции на четыре года. С этой вестью я воротился домой и объявил ее своей жене. Мои слова произвели на нее удручающее впечатление. Это было 5 августа 1891 года.

Итак, я был арестован. Староста наблюдал за нами, пока мы собрали свои вещи и я нанял подводу, которая должна была доставить нас в Тифлис. Нам дали одного сапара (конного всадника), который проводил нас до ближайшей станции, затем сменился, передал нас другому, и так далее, пока не приехали в Тифлис. Я слез с повозки, простился с семейством, и сапар сдал меня в полицию.

Ночевал я при полиции, под арестом, в душной комнате на голых нарах в летнем костюме.

На другой день братья и жена моя с трудом разыскали меня и принесли мне пищу, но поговорить со мною никого не допустили. Здесь один из дежурных оказался моим знакомым. У другого полицейского оказалась Библия, и мы поговорили с ним о вере.

Из пятого участка, где я ночевал, меня на другой день отправили в Метехский замок, находящийся на обрывистом и скалистом берегу реки Куры. В этом замке я тоже ночевал одну ночь в одиночной камере. Помещение здесь было лучше. В обед подали хлеб и суп из фасоли.

На другой день, 8 августа, мне дали на дорогу до Батуми 10 копеек, в получении которых я расписался. Двое городских посадили меня в фэзтон и повезли глухими улицами на вокзал, чтобы никто из братьев не увидел меня.

Однако на пути я мог увидеть свою жену и сказать ей «Прощай!». Была также возможность получить денег на дорогу от одного из братьев, иначе мне было бы плохо. По прибытии на вокзал меня взяли в жандармскую комнату и заперли на ключ, пока поезд не был приготовлен к отбытию. Затем меня окружили пять или шесть полицейских и жандармов, и отвели на противоположную сторону поезда, откуда не садится публика, и посадили в вагон среди двух полицейских, назначенных сопровождать меня.

Я думал, что меня отправят в арестантском вагоне, но меня посадили в обыкновенный пассажирский вагон, и так тайно, что никто из собравшихся братьев не видел меня, хотя они узнали о моем отправлении. Окно, возле которого я сел, сейчас же было закрыто жалюзи, и я мог видеть, как братья бегали взад и вперед, а они не могли меня видеть. Пристав, отправляющий меня, зашел в вагон с двумя дамами и, смеясь, указал на меня. Они тоже смеялись, но я был совсем в ином настроении. Жена моя тоже прибежала на вокзал, но, конечно, не могла видеть меня и после отбытия поезда лишилась чувств...

В поезд со мною сел проповедник Богдасаров и еще два брата, которые провожали меня несколько станций. А Богдасаров проводил меня до Батуми и много служил мне, пока меня не взяли в батумскую тюрьму. Господь да воздаст ему за его любовь!

В этой тюрьме я просидел десять дней. Я находился в одиночном заключении, и в моей келье не было никого. Только раз, вероятно за недостатком места, ко мне впустили переночевать несколько пересыльных арестантов. День и ночь моя келья была заперта, и воздух в ней был отвратительный. Одно окно находилось в тюремной стене, и из него видно было голубое море, по которому мелькали суда с белыми парусами. Один раз нас выпустили погулять во двор. Книг со мною не было никаких, достать их было нельзя, а проводить целые дни в бездеятельности — это телесная пытка. В этом случае память много помогала мне и заменяла отчасти книгу: я припоминал целые главы из Нового Завета, мысленно читая их и размышляя об их содержании. Брат Федор Мазаев, живший тогда с семьей

в Батуми, присылал мне всякий день свежую пищу, за что Господь да вознаградит его с семьей.

17 августа меня вызвали из моей кельи, и я увидел на дворе мою жену с двумя детьми (троих она оставила дома) и с сестрой Агафьей Мазаевой. Жена приехала проститься и получила здесь разрешение поговорить со мной, потому что в Тифлисе ей не дозволили сделать это.

В тот же день, после обеда, нас вызвали во двор, тщательно обыскиали; у кого находили табак – отбирали, как предмет недозволенный. Наконец всех поставили по четыре в ряд, а потом scomандовали: «Вперед!» – и мы тронулись к пристани, чтобы сесть на пароход «Великий князь Михаил», который должен был доставить нас в Новороссийск.

На пристани, когда нас вели на палубу парохода, жена еще раз поговорила со мной. Между тем начинало темнеть. На пристани зажгли фонари. Заблестел огонь и на батумском маяке. Жена стояла на пристани. Пароход запыхтел и стал отчаливать от берега. Я крикнул жене и детям (с нею был один грудной мальчик, а другой – пятилетний): «Прощайте!» – и мало-помалу все скрылось во тьме.

На третий день рано утром мы пристали в Новороссийск, и нас снова заперли в тюрьму, где мы тоже несколько дней дожидались этапа. Наконец пришел этап, нас сковали железными наручниками по двое и посадили в арестантский вагон. На другой день прибыли в Ростов-на-Дону. Было бы утомительно описывать все путешествие по тюрьмам от Тифлиса до Оренбурга, упомяну только города, в которых я сидел в тюрьме, дожидаясь этапа. Из Ростова по железной дороге проходили через Новочеркасск, Козлов, Рязск, Пензу, пока 16 сентября рано утром не прибыли в Оренбург, где я пробыл один день в тюрьме и затем был освобожден.

Нигде не было такой худой пищи для арестантов, как в новороссийской тюрьме, хотя вообще в тюрьме пища была очень плохая, и если бы я не имел с собой денег, то было бы очень плохо. В новороссийской тюрьме, например, варили одну бычью голову на семьдесят человек, и суп был так постен и жидок, что его невозможно было есть. Здесь я спал вместе с убийцами и каторжниками, бежавшими из Сибири и снова взятыми под арест. Они хладнокровно рассказывали о своих убийствах и воровстве. Но ко мне относились все с уважением, и я не терпел никаких насмешек.

Опять в Оренбурге

По прибытии моем в Оренбург я поселился у одного знакомого в подвальном этаже. Семья моя осталась на зиму в Тифлисе. Зимой в Оренбурге стоят большие холода. Ртуть, по Реомюру, падает до 40 градусов ниже нуля [-50°C]. Уже в октябре было сильно холодно.

Как только я прибыл сюда, мои друзья очень обрадовались, и в течение октября я крестил несколько душ, потому что почва была подготовлена. Эту зиму я занимался хлебной торговлей, продавая хлеб зерном, которое доставлялось с Кавказа и других мест.

Меня отыскал в моей хижине православный миссионер Головкин, поговорил со мной об истинах веры, а потом сказал, что со мной желает побеседовать местный архиерей Макарий.

3 декабря мы с миссионером посетили архиерея. Он принял меня любезно, расспросил о моем положении, о семье и прочем. Я сказал, что во второй раз сослан сюда. Он предложил побеседовать с миссионером Головкиным публично. Я сказал, что если начальство разрешит мне, то я охотно вступлю в собеседование.

Прибытие и смерть семьи

Зиму я пробыл один, без семьи. Наконец в 1892 году, в конце марта, прибыла моя жена с пятью детьми. Я встретил их на вокзале. Сын Паша был с подвязанной рукой, потому что он поскользнулся и переломил себе руку. Доктор перевязал руку, и все обошлось хорошо.

Велика была радость нашего свидания, но недолго суждено было наслаждаться общением. Голод сильно тяготел над всем населением. Правительство выдавало пособие населению хлебом. Петербургские братья прислали один вагон кукурузной муки, которую я и раздал братьям.

В июле заболели двое из моих детей – дочка Надежда и грудной сын Миша. Я отправил семью в ближайшую деревню Благословенку, верстах в двенадцати от Оренбурга, а сам остался жить в городе, потому что не мог жить там без особого разрешения.

12 июля, в сумерках, я сидел один за чаем. Вдруг по лестнице раздался топот и вбежала моя старшая дочка Вера. Рыдая, она

бросилась в мои объятия. Долго она не могла ничего сказать на мои расспросы, наконец сказала: «Надя утонула!» Конечно, это известие потрясло меня, и я тотчас отправился с ней в Благословенку.

Жена прислала Веру известить меня, что наша вторая дочь Надежда (двенадцати лет) пошла с сестрой купаться, попала в глубокое место и, так как не умела плавать, утонула, труп не найден. Прибыв туда и переночевав, я на следующий день нанял людей, и мы целый день провели в поисках трупа. Наконец мы с женой прекратили поиски и сели на берегу Урала. Когда мы так сидели, уже при захождении солнца, вдруг увидели, что по течению плывет труп. Тотчас один человек бросился в реку, поймал и притащил его к берегу. Это было тело нашей Нади. На православном кладбище нам не позволили похоронить ее, потому что мы сектанты, и она покойтся одиноко в чистом поле.

В это время в городе свирепствовала холера, и мы решили быть вместе, чтобы если кому придется умереть, то умереть на глазах друг у друга. Вечерами по улицам ходили магометане, евреи, православные и раскольники и взывали к Богу о помиловании и прекращении холеры. Город принял унылый вид. Крики, песни и пьянство в трактирах прекратились. Оренбург был похож на кающуюся Ниневию, но как скоро все это кончилось! Куда ни пойдешь, повсюду встречаешь гробы с покойниками. По соседству с нами люди умирали от холеры, и мы готовились умереть.

В воскресенье, 26 июля, мы все встали благополучно и напились чаю. Жена и старшая дочка жаловались на головную боль. Жене сделалось хуже, я позвал доктора. Он холеры не нашел, но на всякий случай прописал лекарство от холеры, и я сходил за ним в аптеку. После обеда у детей появился понос, и всем стало хуже. Я запряг повозку и повез их на свежий воздух в рощу. Но это нисколько не помогло им. У жены появились судороги, и я поспешил привезти всех домой. Не было сомнения, что смерть бросила свою черную тень и на наше семейство. Позвал другого доктора. Он покачал головой и посоветовал отправить всех в больницу, так как я один ничего не могу сделать. Я возразил, что не могу доверить их уходу других людей, потому что больницы переполнены. Он сказал, что я сам могу ухаживать за ними в больнице. Подошли городские повозки, обитые жестью, и я положил своих родных туда, привез их в больницу. Доктора сначала не хотели, но потом допустили меня к уходу за родными.

Страшная жара мучила всех. Впрочем, грудной ребенок еще не показывал признаков холеры. В двенадцать часов ночи жена не стала уже открывать уст и оставила этот мир. К утру в понедельник второй сын Петр (шести лет) пошел за матерью.

В понедельник на телеге, полной гробов, находились в двух гробах и останки дорогих мне существ. Я проводил их один на дрожках и посмотрел, где зарыли их в землю. Только к концу погребения подоспели девицы, сестры Живульт.

Мне нужно было спешить к тем, кто еще боролся со смертью.

30 июля смерть унесла еще двоих детей: старшую дочь Веру и маленького Мишу (полутора лет). Вера умирала в полном сознании, и я молился с ней и указывал ей на Спасителя. Эти дети были похоронены таким же образом.

Во дворе больницы плотники едва успевали делать гробы. Умерших вывозили десятками, и на их место прибывали новые больные. Очень немногие выздоравливали. Я находился в долине смертной тени, но Господь был со мной. Я спрашивал себя, для чего теперь жить, потеряв всех близких? Но внутренний голос говорил: «Есть смысл еще жить, жить для Иисуса, Который искупил тебя». Я приво-дил себе на память слова: «Живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем».

У меня еще оставался в живых сын Паша (девять лет). Он едва дышал, но доктора уверяли, что он останется жив. Я пробыл с ним до субботы, и доктор сказал, чтобы я взял его домой.

Я оставил больницу, но, увы, как оказался пуст наш дом! Все вещи остались на месте, но не было тех, которым они принадлежали: они ушли отсюда и оставили нас двоих странствовать здесь! Господь помиловал меня, и недели через две Павел постепенно выздоровел.

Вскоре приехал с Кавказа мой отец, но он нашел лишь одного из своих внуков. Пока была семья со мною, моя ссылка не была столь тягостна для меня.

В октябре меня посетили проповедники, братья Четверкин и Балихин, которые предприняли большое путешествие, чтобы утешить меня.

Второй брак

Оставаться нам троим без хозяйки в доме я находил неудобным и просил Господа даровать мне помощницу. Через пять

месяцев после смерти жены по моему письму приехала сестра из Петербурга, бывшая раньше экономкою в народной столовой у В. А. Пашкова. 2 января 1893 года состоялось наше бракосочетание, которое совершал один из местных наших пресвитеров из селения Гумбет, где уже образовалась к этому времени община (там было душ около сорока).

Диспуты со священником

Еще до моего бракосочетания, 22 ноября 1892 года состоялся первый публичный диспут с миссионером Головкиным в семинарской церкви. Головкин несколько раз приглашал меня на публичное собеседование, но я отказывался, говоря, что не имею позволения от начальства. В означенный день он объявил, что будет беседа с нами, а я не пошел и спокойно оставался дома.

Когда собралась публика и он стал вызывать меня, то меня там, конечно, не оказалось. Тогда он стал бросать в нас громы, говоря, что мы совращаем простодушных за углом, а выступать на публичных собеседованиях боимся и т. д. Он был остановлен одним из своих слушателей, который возразил ему, что Павлов не против явиться на собеседование, но желает, чтобы его пригласили. Тогда Головкин в присутствии публики написал мне пригласительную записку и послал за мной. Ко мне прискакал некто Богдан Колостов, по происхождению армянин, принявший православие, и мы отправились с ним на дрожках в семинарскую церковь. В Оренбургской семинарии обучаются триста воспитанников — сыновья священников. Они все со своими учителями были налицо и посторонней публики было душ двести, так что всего было не менее пятисот слушателей.

Прибыв туда, я нашел, что Головкин уже состязался с молоканами об иконопочитании. Я говорил с ним о том же предмете и доказывал, что воздавать почитание иконам противно Священному Писанию.

Эти публичные прения продолжались три зимы. Предметы для собеседования назначались самим миссионером, потому что он занимал господствующее положение. Говорили о предании, о крещении, о причастии, о священстве и прочем... Последняя беседа в 1895 году была о почитании креста.

На двух из таких диспутов присутствовал и местный архиерей Макарий. Он публично заявил, что доволен моим способом ведения

бесед, спросил о моем имени и сказал, чтоб православные молились о моем обращении. Когда собеседования не произвели на меня желаемого действия, то он обратился к содействию полиции, чтобы гнать меня, о чем мы скажем ниже.

Приведенный выше отзыв передает взгляд интеллигентной публики на наши прения, но таковой было очень мало на наших беседах. Большая часть присутствовавших слушателей состояла из простого рабочего класса, среди которого многие никогда в своей жизни не читали Библию. Такие слушатели, как мне после приходилось слышать, после прений выносили впечатление, что противники, как две чаши весов, оба равны и никто никого не победил. Но и такое суждение было в нашу пользу. По крайней мере, православный миссионер не мог хвалиться, что он победил своих противников. Нравственные последствия таких собеседований пока ограничились тем, что возбудили в массе сильный религиозный интерес и стремление к разумному усвоению религиозных понятий. Не редкость было встретить после этого на оренбургском толчке (базаре) группы людей, спорящих и рассуждающих между собою о религиозных предметах. Многие бросили пить крепкие напитки и курить и занялись чтением Нового Завета.

Гонение

С наступлением нового, 1895 года полиция стала сильно наблюдать за мною, чтобы в моем доме не было никаких религиозных собраний. А до сего времени мы всегда имели небольшое собрание из десяти-одиннадцати душ братьев и сестер и собирались для молитвы то в моей квартире, то за городом на ветряной мельнице брата Живульта. А чаще всего, с наступлением теплой погоды, мы собирались в роще за рекою Урал. Я обыкновенно запрягал свою лошадь в тарантас, брал с собою самовар и закуски и отправлялся на целый день с семьей в рощу, куда потом приходили братья и сестры. Там, на ковре зелени, под величественным сводом небес, мы прославляли нашего Небесного Отца, не будучи стесняемы людьми. Когда нам мешал дождь, то мы собирались в квартире брата Живульта, на его ветряной мельнице. Однажды мы ехали на санях туда, и один из наших предупредил нас, что в доме Живульта полиция произвела обыск, забрала некоторые книги, но так как не было собрания, то никого не могли предать суду за совершение молитвы.

22 января вечером, когда мы кончили богослужение, явился полицмейстер Доброхотов в сопровождении пристава и других служителей полиции. Он взял и посмотрел несколько книг, потом затеял разговор о повиновении властям, причем настаивал, что мы должны повиноваться властям безусловно. Я оспаривал, доказывая, что христиане должны повиноваться властям лишь тогда, когда это не противно заповедям Божиим. Чтобы убедить его в этом, я задал ему такой вопрос: «Представьте себе, господин полицмейстер, что мы находимся под властью турецкого султана. Султан потребовал от нас, чтобы мы отказались от Христа и приняли магометанство. Должны ли мы в таком случае повиноваться правительству?» – «Нет», – должен был ответить полицмейстер. Затем я вручил ему наше рукописное исповедание веры, и он изъявил желание видеть на деле совершение нашего богослужения, для чего назначил его на вечер 24 января.

Мы собрались в этот вечер, и действительно явился полицмейстер, опять в сопровождении полиции. Я руководил собранием, сказал проповедь на текст из 1 Кор. 2, 2: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». Полиция внимательно слушала все наше богослужение до конца, которое длилось один час. По окончании богослужения полицмейстер поговорил еще немного с нами и вежливо распрощился, подав мне руку.

Сыщики некоторое время после этого не являлись. Но местный архиерей, услышав, что полиция не очень преследует нас, обратился с формальной просьбой к прокурору, прося его применить к нам закон о штундистах.

Высшее духовенство православной церкви находит удобнее бороться с так называемыми сектантами полицейскими мерами, нежели духовными орудиями. Макарий сам присутствовал на беседе и хорошо знает, что мы баптисты, но так как баптисты терпимы государством, а штундисты нетерпимы, то он и просит властей, заведомо употребляя ложь, преследовать нас как штундистов, хотя и последние вовсе не так вредны, как их изображает духовенство, будто они отвергают властей и прочее.

Искушение

12 марта 1895 года состоялось наше последнее собеседование в семинарской церкви с миссионером Головкиным о почитании

креста. Причем он силился доказать, что следует воздавать почитание кресту, потому что он был орудием страдания и казни Господа Иисуса. Я возражал: в таком случае следует воздавать такое же почитание терновому венцу, копыю и гвоздям, потому что они тоже были орудиями казни и страданий Христовых.

Через два-три дня после этого собеседования Головкин через одного человека пригласил меня прийти к нему и поговорить с ним наедине. Такое приглашение немало удивило меня.

Когда я пришел к нему и мы были наедине, он спросил, убедился ли я в истине православия? Когда я ответил отрицательно, то он сделал вид, что сомневается в этом, и намекнул, что для меня было бы лучше присоединиться к православной церкви. Я возразил, что если бы не был убежден в истинности исповедуемой мной вести, то не стал бы страдать и не пошел бы во второй раз в ссылку. На это он возразил, сказав, что я получаю деньги от своих братьев, слышу за мученика между ними. Я опять сказал, что не желал бы ему той чести от людей, какой я пользуюсь, если бы это было все, ради чего я страдаю. На это он ответил: «Если вы искренне убеждены, то Бог с вами!» На этом у нас кончился разговор, и я распростился с ним.

Освобождение и переселение в Румынию

19 июня 1895 года истек срок моей вторичной четырехлетней ссылки, и я подал прошение о дозволении возвратиться на родину, в Тифлис.

В последние дни моего пребывания в Оренбурге я получил приглашение из Румынии от русско-немецкой общины баптистов прибыть туда и быть проповедником этой общины... Я принял этот призыв как голос Божий, призывающий меня трудиться на другом поле в проповеди Евангелия. Наконец 8 июля мною было получено дозволение вернуться на родину. Я распростился с братьями, сестрами и друзьями, сел с женой и сыном в вагон и тронулся в путь.

За несколько дней до нашего отбытия из Оренбурга приехали избранные братья от двух общин вне Оренбурга, и я рукоположил их на служение пресвитера и диакона. При моем отъезде из Оренбурга в самом городе было десять душ членов и в окрестности до ста сорока...

...25 августа наконец мы прибыли в Тифлис. Братья очень рады были видеть нас, но оставаться долго было невозможно. Я беспрепятственно получил внутренний паспорт, и мы уехали в Одессу, где прожили еще две недели, пока не получили заграничный паспорт. Из Одессы всего лишь 20 часов езды до Тулчи.

14 октября мы благополучно прибыли в Тулчу. Население здесь весьма разнообразное... Здесь я тружусь уже почти четыре года. Хотя здесь и свобода, но народ далеко не так восприимчив, как в России, очень холоден и равнодушен к вере. Местная община имеет свой молитвенный дом, в котором я проповедую Евангелие на русском и немецком языках.

9 июня 1899 года, В. Павлов

(В. Д. Бонч-Бруевич. Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола, 1908)

В Румынии Василий Гурьевич провел около шести лет. В это время он иногда посещал с проповедью и Болгарию. Когда гонение в России несколько утихло, Тифлисская община пригласила Василия Гурьевича вернуться на родину. Он принял это приглашение и в 1901 году возвратился в Тифлис. Родную общину он застал разделенной. Многими трудами и усилиями Василий Гурьевич достиг соединения общины.

В 1905 году Василий Гурьевич участвовал на I Всемирном конгрессе баптистов в Лондоне и там произнес речь на английском языке.

В этот период император издал манифест о веротерпимости, что принесло верующим значительное облегчение. Стали возможны большие собрания. Василий Гурьевич смог прочитать в здании Тифлисского театра доклад на тему: «Кто такие баптисты и к чему они стремятся». Речь Василия Гурьевича чередовалась с пением хора. Зал был переполнен, несмотря на то что предварительно об этом мероприятии не объявляли.

Но законодательство не давало истинным верующим полной свободы вероисповедания. Чтобы обсудить это и совместно написать в правительство докладную записку о необходимых изменениях, в 1907 году был созван в Петербурге съезд. В нем наряду с баптистами участвовали евангельские

христиане, новомолокане-захаровцы. В работе этого съезда принимал участие и Василий Гурьевич.

В этом же году на съезде баптистов было образовано Баптистское миссионерское общество. С 29 июня по 2 июля 1907 года в Балашове проходили заседания этого общества. Василий Гурьевич был избран председателем общества. После деловых заседаний, в субботу и воскресенье, состоялось три очень многолюдных собрания (до полутора тысяч человек), на которых Василий Гурьевич знакомил слушателей с историей баптизма в России.

В 1907 году, прямо со съезда в Ростове-на-Дону, братья поехали на освящение большого молитвенного дома в Пятигорске. Съехалось не менее полутора тысяч человек. Василий Гурьевич говорил слово о значении дома Божьего, основываясь на тексте, записанном в книге Бытие (28, 17).

В этом же году Василий Гурьевич переселился в Одессу и принял там пресвитерское служение. В августе 1908 года он участвовал в Европейском конгрессе баптистов в Берлине и читал доклад на тему: «О возникновении и развитии баптизма в России». В этом же году на Всероссийском съезде баптистов Василий Гурьевич был избран товарищем председателя союза.

В 1909 году съезд должен был проходить в Одессе, но провести его благополучно не удалось из-за вмешательства властей. Василий Гурьевич по распоряжению генерала Толмачева отсидел два месяца в тюрьме. Съезд был перенесен на более позднее время в Ростов-на-Дону. На этом съезде Дей Иванович Мазаев категорически отказался быть председателем союза, и на это служение был избран В. Г. Павлов.

Журнал «Баптист» в 1910 году издавался в Одессе, и его редактором был В. Г. Павлов. Помогал ему М. Тимошенко. Градоначальник дважды штрафовал Василия Гурьевича по 350 рублей за публикацию просьбы о помощи для строительства молитвенных домов.

В декабре 1910 года В. Г. Павлов участвовал в съезде Сибирского отдела союза в Омске. Там он провел диспут с православными священниками и миссионерами на тему: «Крещение младенцев». Присутствовало до пятисот душ. Состоялись

также многолюдные собрания в большом молитвенном доме баптистов, на которых проповедовал и Василий Гурьевич.

В 1910 году В. Г. Павлов председательствовал на Всероссийском съезде баптистов.

На съезде в 1911 году Василий Гурьевич попросил освободить его от редакции журнала «Баптист», и эту просьбу удовлетворили.

В начале 1913 года суд в Одессе приговорил Василия Гурьевича к одному месяцу заключения в крепости за совращение православных. Вместе с ним судили братьев Кравченко и Шмакова. Они подали кассационную жалобу в сенат, который утвердил этот приговор. Пока разбиралась кассационная жалоба, Василий Гурьевич отправился посетить общины Дальнего Востока. По пути он посетил Царицын, Самару, хутор Усов, на котором жили переселенцы из Белоруссии, переехавшие когда-то вместе с Евстратенко сначала на Кубань, потом в Сибирь. Посещая братьев и сестер, В. Г. Павлов везде проводил собрания.

По прибытии Василия Гурьевича в Благовещенск, 15 января 1914 года его арестовали и заключили в тюрьму на двадцать дней по приговору Одесского окружного суда. Ему присудили месяц заключения, но одна треть срока была снята по амнистии. Павлов свидетельствовал друзьям и супруге, которые посещали его три раза в неделю, что здание тюрьмы новое, сухое, пища сносная, обращение хорошее.

После освобождения Василий Гурьевич посещал церкви Дальнего Востока, оказывал помощь в устройении их внутренней жизни.

При посещении В. Г. Павловым братских общин на Дальнем Востоке, весной сего года в г. Никольске-Уссурийском в его присутствии и под его председательством образовалась община русских баптистов, отделившись от евангельских христиан, которые все время тянули на сторону Петроградского союза и таким образом вносили взаимные споры и наветы в смешанной общине. Хотя тамошняя община и была основана баптистскими благовестниками с Амура, но вследствие редкости посещений, в зимнее время в особенности, со стороны Амурских братьев и благодаря частым и продолжительным

посещениям проповедников евангельского наименования возникло такое недоразумение в Никольской общине, которое разделило ее членов на два противоположных лагеря.

В. Г. Павлов прибыл туда в самое критическое для тамошней общины время и после усиленных, но тщетных попыток примирить спорящих, дал наставление тем братьям, которые желали сохранить «единство духа в союзе мира», дабы они, называясь баптистами, не пренебрегали и не унижали называющихся евангельскими христианами, снисходя к их немощи названия ради. Тем не менее часть братьев, протестуя против захвата насиденных баптистами гнезд со стороны евангельских христиан, отделилась от них и через В. Г. Павлова прислала правлению Дальневосточного отдела союза протокол о солидарности Никольской общины русских христиан-баптистов с Всероссийским союзом баптистов...

(Баптист, № 13-14, 1914)

В начале 1916 года Василий Гурьевич был приговорен к восьми месяцам заключения в крепости за издание брошюры «Возрождение через крещение». После освобождения, вследствие кончины С. П. Степанова, пресвитера Московской общины баптистов, Василий Гурьевич принял служение пресвитера Московской церкви.

3 апреля 1917 года Василий Гурьевич прочитал в Москве лекцию об отделении церкви от государства. Он говорил:

Я поставил себе задачею быть истолкователем взглядов баптистов на союз церкви с государством и уже наперед должен сказать вам, что мы, баптисты, считаем союз церкви с государством ненормальным, вредным для обеих сторон и решительно требуем отделения церкви от государства.

(Слово истины, № 1, 1917)

В 1918 году Василий Гурьевич провел в Самаре библейские курсы. Во время гражданской войны, когда сообщение между разными местностями было очень затруднительно и проводить съезды стало невозможно, братья, члены правления Союза баптистов, составили в Москве Временное правление союза. В его работе участвовал и Василий Гурьевич вме-

сте с сыном. Это было смутное время со многими переменами в жизни. Надо было решать множество непривычных вопросов, и потому участие в правлении умудренного опытом старца было очень полезным.

На съезде в 1920 году Василию Гурьевичу поручили написать подробную историю братства России. Но выполнить это поручение он не успел.

В 1923 году Василий Гурьевич еще провел библейские курсы в Москве и Самаре. В этом же году он был на IX съезде евангельских христиан в качестве представителя Совета Союза баптистов.

Съезд баптистов в 1923 году в Москве был для Василия Гурьевича последним.

Возвращаясь со съезда совместно с С. Белоусовым, Василий Гурьевич подвергся ограблению близ Моздока 16 декабря 1923 г. на разъезде Черноморском.

Грабители, по-видимому чеченцы, окружили поезд в количестве около сорока человек, ворвались в вагоны, требуя золото и червонцы. Два последних червонца Василий Гурьевич передал грабителю, заявив при этом: «Я баптистский проповедник, у меня нет больше». Сейчас же после этого Василий Гурьевич лег на сиденье, почувствовав сердечную боль. На следующий день он еле дошел с вокзала до своей квартиры и больше не встал. Четыре месяца он был прикован к постели, страшно тяготился ничегонеделанием, надеялся подняться и вновь ринуться в бой. Были приняты всевозможные меры к его выздоровлению. Помимо медицинской помощи, бакинская и закавказская общины усердно молились об исцелении...

Говоря о своем отшествии в вечность, он сиял от радости и говорил как о чем-то обыденном, что мы переживаем каждый день. Лишь за два часа до кончины сознание покинуло его. Господу было угодно устроить так, что находившийся вдали от него сын Павел Васильевич в день кончины был около него.

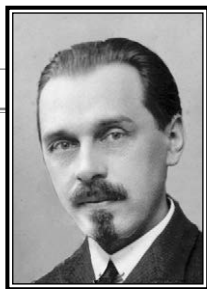
(Баптист, № 1, 1925)

Кончина Василия Гурьевича Павлова наступила 15 апреля 1924 года в два часа ночи. По его просьбе его похоронили на кладбище в Тифлисе рядом с отцом.

Кончилась жизнь верного труженика, богатая трудами и страданиями. За время своего служения он посетил общины от Белоруссии до Дальнего Востока, от Закавказья до северных областей России. Он посещал всемирные и европейские конгрессы баптистов, участвовал почти во всех съездах баптистов, его постоянно назначали союзным благовестником. Он помещал свои статьи в союзных журналах, выступал на диспутах с православными миссионерами. За верность Богу он два раза отбывал ссылку по четыре года, кроме этого, его неоднократно арестовывали, и он по несколько месяцев был в заключении.

В этой биографии отмечены лишь отдельные эпизоды богатой жизни известного труженика, но и это немного проливает свет на историю братства русских баптистов.

ПАВЛОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Павел Васильевич — сын Василия Гурьевича Павлова — родился в 1883 году в Тифлисе. Еще мальчиком он дважды был в ссылке с отцом в Оренбурге. Когда они во второй раз были в ссылке, умерла от холеры мать Павлика, а также старшая сестра и два брата, одна сестра утонула в реке Урале. После смерти жены отец малолетнего Павлика женился второй раз. По возвращении из ссылки, в 1895 году, Павловы уехали в Румынию, где жили до 1901 года.

Павел Васильевич обратился к Господу в Румынии. Возвратившись в Тифлис, он организовал в церкви хор и руководил им в течение тринадцати лет. На съезде 1910 года он вошел в комиссию по подготовке к изданию сборника духовных песен.

В мае 1913 года Павел Васильевич переехал в Москву и в 1916 году был рукоположен известным тружеником В. В. Ивановым на служение пресвитера.

В 1917 году, по возвращении М. Д. Тимошенко из ссылки, Павел Васильевич совместно с ним возобновил издание журнала «Слово истины».

В этом же году на Всероссийском съезде во Владикавказе Павел Васильевич был избран в члены правления союза. В числе других представителей от Союза баптистов Павел Васильевич участвовал в съезде евангельских христиан в Петрограде.

В 1918 году П. В. Павлов принял пресвитерское служение во второй Московской церкви баптистов. При этом он был руководителем Союза баптистов с 1919 года по 1924 год.

Во время гражданской войны сообщение между верующими разных местностей было затруднено и проведение всероссийских съездов стало невозможным. Ревнуя о том, чтобы дела союза не были в запустении, братья П. В. Павлов и М. Д. Тимошенко образовали в Москве Временное правление для руководства союзом. В работе правления участвовали также В. Г. Павлов и И. Н. Шилов (пресвитер Петроградской общины баптистов).

В это время особенно серьезно поднимался вопрос объединения двух евангельских союзов. Был образован Временный всероссийский общий совет евангельских христиан и баптистов, в который вошел и Павел Васильевич. Этот Совет подготавливал вопрос слияния двух союзов, чтобы предложить его совместному съезду евангельских христиан и баптистов. Съезд этот состоялся в мае — июне 1920 года, где товарищем председателя был П. В. Павлов. Но слияние не было достигнуто.

Для руководства Союзом баптистов была избрана коллегия из трех братьев, в число которых вошел и Павел Васильевич. Он председательствовал также на съезде баптистов, проходившем в 1921 году.

Вопрос соединения союзов все же не был отложен окончательно. Для возобновления обсуждения этого вопроса по договоренности с И. С. Прохановым в октябре 1922 года в Петроград от баптистов прибыл Павел Васильевич. Встреча состоялась, но для детального обсуждения вопроса не хватило времени, потому что И. С. Проханов в это время был увлечен

переговорами с православными. Это привело к огорчению, и объединение двух союзов было надолго отложено.

На съезде в 1923 году Павел Васильевич был избран председателем Коллегии Союза баптистов. В июле этого же года он участвовал в III Всемирном конгрессе баптистов в Стокгольме. Он говорил приветственное слово от имени российских верующих, после которого российская делегация пела гимн «Страшно бушует житейское море». Пение этого гимна произвело сильное впечатление на присутствующих.

На пленуме Совета Союза баптистов в декабре 1924 года председателем союза был избран И. А. Голяев. Павел Васильевич был избран одним из двух его помощников.

В 1925 году Павел Васильевич участвовал в IV Всеукраинском съезде в Харькове как представитель Всероссийского совета. Там он сделал доклад о прошедшем в Москве пленуме в декабре 1924 года.

На следующем пленуме, в декабре 1925 года, Павел Васильевич устно заявил об отказе быть членом Правления союза. Об этом Н. В. Одинцов на XXVI съезде сказал: «Крупным обстоятельством, имевшим место на созванном в Москве 5–12 декабря 1925 года пленуме Совета, был выход из числа членов Правления по разным причинам, формально „по состоянию здоровья и необходимости отдыха“, а не на основании „принципиальных расхождений с председателем И. А. Голяевым в методах и тактике работы“, брата П. В. Павлова».

На этом же съезде было зачитано письмо от Павла Васильевича, адресованное съезду. Оно было «принято к сведению». К сожалению, содержание этого письма нам неизвестно.

С 15 по 20 декабря 1927 года в Москве проходил первый съезд Союза баптистов центральных губерний, входящих в состав Федеративного союза баптистов. Павел Васильевич был избран товарищем председателя этого съезда. А при избрании руководства вновь организованного союза Павел Васильевич вошел в его исполнительный комитет.

Все это время Павел Васильевич оставался пресвитером второй Московской церкви баптистов. 4 марта 1933 года община отметила пятидесятилетие Павла Васильевича, а 31 мар-

та, по свидетельству его жены Веры Васильевны, он был арестован. Вместе с ним были арестованы М. Д. Тимошенко и И. Г. Довгалюк.

Через два месяца Вера Васильевна получила записку:

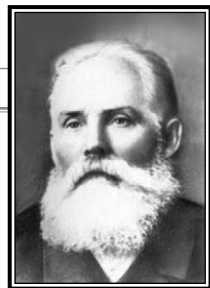
Бутырская тюрьма ОГПУ, 25 мая 1933 г.

Дорогая Вера! Здесь нахожусь с 23 мая. Согласно объявленному мне сегодня приговору, по обвинению по ст. 58, п. 10, 11 УК подлежу высылке в концлагерь. Куда, пока неизвестно, на пять лет. Приходи на свидание. Принеси не громоздкое необходимое количество вещей и продовольствие. Со дня ареста и сейчас здоров. Целую. Твой Павел.

Павел Васильевич отбывал заключение в концлагере Арлюк. В 1936 году, 25 или 26 апреля он был убит уголовником в ларьке, в котором его поставили продавцом. Такого официального сообщения. Вера Васильевна ездила в лагерь, но могла ли она достоверно узнать, кто и как в действительности убил ее дорогого друга жизни?! Не дело ли это рук гонителей Церкви Христовой, заинтересованных в том, чтобы уничтожить благословенных тружеников Господних? Бог знает это. «Внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его» (Мал. 3, 16).

ИВАНОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Известный всему нашему братству Василий Васильевич Иванов родился 13 августа 1846 года в благочестивой молоканской семье. Его дед и отец приобрели большую славу среди молокан Закавказья за свое благочестие и знание Священного Писания. Отец его в 1852 году основал в Елизаветпольской губернии село Ново-Ивановку, где Василий

провел детство и немалую часть жизни. Василий был старшим из шести детей, которые рано остались сиротами — отец умер, когда первенцу исполнилось семнадцать лет.

От отца и деда Василий унаследовал все лучшие стороны их духовной природы — глубокое религиозное чувство, любовь к Богу и Его слову, нравственную чистоту и поражающую всех кротость в обращении со всеми при любых обстоятельствах. Эти высокие духовные качества позволили ему занять после смерти отца видное положение в Ново-Ивановской молоканской общине, несмотря на молодость, что в среде молокан было большой редкостью.

В 1866 году, посещая родственников в Бакинской губернии, Василий Васильевич встретился с одним молоканином, который сообщил ему, что во исполнение воли Господней необходимо принять водное крещение. Эти слова встревожили любящую Бога душу и заставили Василия Васильевича ступить на путь исканий и более усердно исследовать Писание. Побуждаемый страстным желанием во что бы то ни стало найти разрешение сильно встревожившего его вопроса о крещении, Василий Васильевич начал обширную переписку с проживающим в Таврии детокрещенцем А. Стояловым, а также с другими верующими.

В результате напряженных духовных исканий Василий Васильевич убедился в необходимости крещения и в 1870 году направился в Тифлис, чтобы исполнить эту заповедь. Там его вначале постигло горькое разочарование. Тифлисская община, состоящая всего из десяти членов, должна была испытать его в вере. В результате испытания выяснилось, что желающему креститься недостает личного общения с Богом и уверенности в прощении грехов через Иисуса Христа.

Покорно приняв указания братьев, Василий Васильевич с еще большей ревностью стал искать в молитве соединения с Христом посредством живой веры в Него. Верный в воздаянии ищущим Его, Господь по действию Своей державной силы открыл ему дивную тайну спасения во Христе. Когда Василий Васильевич вторично посетил Тифлис, церковь вновь испытала его и с радостью приняла в свою среду. Вечером 31 октября 1871 года Василий Васильевич принял крещение

в реке Куре. Ему в то время исполнилось двадцать пять лет.

С этого незабвенного момента Василий Васильевич, не щадя своих сил, средств и времени, ревностно проповедовал Евангелие благодати Божьей, привлекая погибших грешников ко Христу, к единственному Спасителю. Он положил прочное основание многим церквям в России, начиная со второй по времени образования русской общины баптистов в родной ему Ново-Ивановке. На славном поприще служения Христу и Его делу Василий Васильевич особенно близко сошелся с братом В. Г. Павловым. Трогательная дружба этих добрых воинов рати Христовой, несмотря ни на какие обстоятельства, не прерывалась в течение полувековой совместной деятельности на ниве Господней.

В 1873 году Василий Васильевич посетил молоканские селения Чухур-Юрт и Джебаны в Шемахинском уезде, Ново-Ивановку, Андреевку, Пришиб и Ленкорань в Ленкоранском уезде. После его посещения среди молокан стали появляться баптисты. Они доказывали молоканам, что необходимо исполнять заповедь крещения и преломления хлеба.

В апреле 1879 года Тифлисская община направила Василия Васильевича в Бакинскую губернию с тем, чтобы, если обстоятельства позволят, он переехал туда на жительство. Благодаря труду Василия Васильевича люди стали обращаться к Господу. В 1880 году Василий Васильевич переселился в Баку и был пресвитером церкви до 1917 года.

Энергичный и ревностный в служении Богу, Василий Васильевич не ограничивался трудом в своей церкви. Он посещал не только близлежащие общины, но и церкви в Приволжском крае, Могилевской губернии и в других местах.

В съезде 1884 года Василий Васильевич не участвовал, но по просьбе ТифлиССкой церкви был назначен благовестником по Закавказью.

Многие годы Василий Васильевич трудился благовестником, посещая деревни и города обширной России. Осенью 1893 года он приезжал в Харьков и крестил там семь душ.

Василия Васильевича многократно арестовывали. В январе 1895 года он был заключен в елизаветпольскую тюрьму и приговорен к пяти годам ссылки. Его заковали в кандалы,

обрили половину головы и отправили этапами в Польшу, в г. Слудск.

Преследования не могли охладить ревности стойкого борца за истину. Возвратившись из ссылки в 1900 году, он снова включился в труд.

В 1903 году Василий Васильевич вместе с Д. И. Мазаевым рукоположил В. П. Степанова на пресвитерское служение в Песковской церкви.

В следующем году Василий Васильевич трудился в Сибири. Вот что рассказывает о нем А. Л. Евстратенко:

Для ознакомления с сибирскими братьями и избрания пресвитера для Сибири был послан в 1904 г. В. В. Иванов, который объехал маленькие зарождавшиеся общины со мной и А. Романтеевым.

Во время посещения В. В. Иванов посредством записок в закрытых конвертах собирал мнения о желательном лице для избрания пресвитера. По объезде общин сделали съезд сибирских братьев на хуторе Усовом, во время которого были распечатаны конверты и меня единогласно, посредством записок, избрали районным пресвитером. Тут же, в присутствии всех братьев, с участием пресвитера Я. Я. Винса и В. В. Иванова было совершено надо мной рукоположение на служение пресвитера. С этого дня положено было начало духовной организации сибирских церквей.

(Слово истины, № 9-12, 1918)

Василий Васильевич входил в состав делегации российских баптистов на Всемирном конгрессе баптистов в 1905 году в Лондоне. На обратном пути Василий Васильевич с Д. И. Мазаевым посетили Рим. У них была возможность попасть на прием к папе. Узнав о том, что перед ним надо преклониться и поцеловать туфель, они от этой встречи отказались.

В 1907 году Василий Васильевич участвовал в объединенном съезде в Петербурге, на котором обсуждался закон о веротерпимости. А в следующем году В. В. Иванов участвовал в работе Европейского конгресса баптистов в Берлине.

На съезде баптистов в 1908 году и последующих съездах в России Василия Васильевича избирали в члены правления Русского союза баптистов.

Из отчета правления союза, прозвучавшего на съезде в 1911 году, известно следующее:

Брат Василий Васильевич Иванов большею частью работал в назначенном для него пункте, в Саратове, где его труды Господь благословил. Из тесного помещения братья перешли с собранием в центр города, и собрания весьма увеличились. Кроме того, Василием Васильевичем было посещено с целью благовестия пятнадцать городов и восемь селений.

На пути со съезда баптистов из Москвы в Одессу я остановился в г. Курске, чтобы восстановить прежнюю дружбу с любезным в Господе братом Ф. Е. Цимбалом, и был принят им и его семьею с неопишуемой радостью. Пробыл я у них два дня, и вечером в субботу, 8 октября, мы в числе семи душ совершили преломление хлеба. Воспомянув смерть Господню, братья проводили меня на вокзал.

В воскресенье утром я был в Киеве и проповедовал слово Господне в братском и призывном собраниях. Там брат Д. А. Правозеров рассказал собранию верующих о Всероссийском съезде баптистов в Москве, и о бывших там собраниях, и о действиях православных священников и миссионеров против нас. Братья были в великом священном восторге и готовы были от радости, как американцы, рукоплескать. В Киевской церкви царит в полной мере дух мира и любви в Христовой простоте. Я был там как в маленькой Филадельфии, и с радостью благодарю за них Бога моего в молитвах моих.

Сообщая эти радостные вести, я считаю своим долгом заявить всем церквам Христовым, что все бывшие недоразумения между мною и братьями Ф. Е. Цимбалом и Н. Ф. Савельевым, имевшие место в баптистской общине, ныне по милости Господа окончены полным братским примирением со мною и с баптистскою церковью. За все слава Господу Иисусу!

В. В. Иванов
(Баптист, № 43, 1911)

В 1911 году Василий Васильевич сообщил из Баку, что получено разрешение на постройку молитвенного дома для Бакинской церкви, составлен проект дома и получен участок земли для постройки. Он сообщил также, что есть брат,

который берется оплатить все расходы на строительство молитвенного дома.

Василий Васильевич был участником встречи представителей евангельских христиан и баптистов во Владикавказе в 1912 году. В этом же году в Москве, в окружном суде, слушалось дело по обвинению В. В. Иванова, В. А. Фетлера и Н. Я. Яковлева в том, что они «сворачивали из православия и произносили речи против православия». Дело было закрыто.

В конце 1913 года правление союза поручило Василию Васильевичу редактирование и выпуск журнала «Баптист». По поводу этого Василий Васильевич писал:

Духовно-нравственный журнал «Баптист» появился в свет в 1907 г. и издавался в Ростове-на-Дону под редакцией Д. И. Мазаева. В 1910 г. и 1911 г. журнал издавался в Одессе под редакцией В. Г. Павлова, а в 1912 г. журнал перешел опять в Ростов-на-Дону и выходил снова под редакцией Мазаева. С начала 1913 г. журнал временно перестал издаваться.

Журнал «Баптист» – союзный орган русских баптистов. За короткое время своего существования он завоевал симпатии читателей и приобрел немало подписчиков, во многих пробудил духовную жажду к религиозным вопросам и чтению духовной литературы. «Баптист» есть прямой и яркий выразитель баптистского вероучения и целей высоких духовных стремлений баптистов: проповедовать Евангелие всей твари (Матф. 28, 19–20; Марк. 16, 15–16) и жить во Христе Иисусе для устроения Царства Божия на земле. Читатели журнала «Баптист» могут сами узнать о баптистах и увидеть, что «в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства; но, как Бог удостоил нас того, чтобы верить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши» (1 Фес. 2, 3–4).

Журнал «Баптист» есть орган, через который все верующие в Господа Иисуса Христа могут иметь обмен мыслями друг с другом, общение в любви и назидание в вере. Он приносит на своих страницах известие о радостях и скорбях народа Божия и дает нам возможность исполнить повеление апостола: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12, 15). При всем этом «Баптист» есть боевой журнал – на страницах его всегда будет раздаваться смелый

голос против всякого заблуждения и уклонения от прямых путей Господних. «Баптист» никогда не отступит от Божественного авторитета Библии и твердо будет стоять за истину Божию: «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2 Кор. 10, 3–5).

Временная приостановка издания журнала вызвала во многих глубокое сожаление, и каждый видел в этом большое унижение для русских баптистов, и братья молились Господу о возобновлении издания журнала. При этом они не теряли надежды на брата Мазаева, думая, что он, оправившись от постигшей его скорби (смерти жены), снова возьмется за издание журнала. Но когда он категорически отказался от этого, тогда правление Союза баптистов возложило на меня труд издания журнала, и я с надеждою на помощь Господа и на сочувствие братьев решился принять на себя издательство и редактирование журнала «Баптист».

Принимая на себя этот тяжелый труд, я глубоко сознаю всю свою неспособность и слабые свои старческие силы и убедительно прошу всех моих друзей во Христе прийти мне на помощь во имя Господне, кто чем может. Один пусть пишет для журнала назидательные статьи, повести, рассказы и стихотворения, другой приобретает подписчиков и читателей для журнала, а все пусть молятся, чтобы Бог благословил всех подвигающихся на духовно-литературном и общественном поприще, чтобы как наш журнал «Баптист», так и все другие религиозно-нравственные журналы стояли на своей высоте и были бы древом жизни, стоящим по ту и другую сторону реки и двенадцать раз приносящим плоды, дающим на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов (Откр. 22, 1–2).

Временная остановка издания журнала должна послужить для всех любящих дело Божие внушительным уроком в том, что, как всякий труд, труд литературный никто не в состоянии нести без помощи. Даже такой редактор, как брат Д. И. Мазаев, получивший от Господа «десять талантов», не мог продолжать нести это бремя. Если мои любезные братья и друзья не будут поддерживать руки мои, как Аарон и Ор поддерживали руки Моисея (Исх. 17, 12), то я скоро могу ослабеть и упасть под этой ношей. Но я буду верить в лучшее,

что Господь мне будет в помощь и все друзья мои придут «на помощь Господу с храбрыми» (Суд. 5, 23).

И пусть нашим девизом будут слова богодухновенного пророка: «Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдет, как свет, правда его и спасение его как горящий светильник. И увидят народы правду твою и все цари славу твою, и назовут тебя новым именем, которое нарекут уста Господа» (Ис. 62, 1-2).

В. В. Иванов

(Баптист, № 2-4, 1914)

В 1916 году Василий Васильевич совершил рукоположение П. В. Павлова на пресвитерское служение в Московской церкви.

В 1917 году ушла в вечность подруга жизни Василия Васильевича. По этому поводу он писал своему давнему другу и сорботнику на ниве Божьей В. Г. Павлову:

Дорогой в Господе брат Василий Гурьевич! Мир тебе!

С глубокой скорбью извещаю тебя и супругу твою Александру Егоровну и всех братьев в Москве о смерти моей дорогой супруги Ирины Гавриловны.

15 мая утром она встала здоровой и радостной. Но после чаю, в 10-м часу, почувствовала боль внутри. Эта болезнь нередко повторялась в ее жизни, но скоро проходила, а на этот раз появилась сильная и резкая боль в животе. Никакие усилия врачей не помогли. 24 мая по ее желанию брат совершил над ней молитву и помазание елеем во имя Господне; после этого она пришла в большой восторг и сказала: «Мой дух ушел к Богу». 24 мая в 5 часов 20 минут вечера она тихо отошла к Отцу в лучший мир, оставила меня одного, и я теперь сижу, как филин на развалинах!

Теперь я очень нуждаюсь в молитвах святых и в утешении и укреплении от Господа.

В. В. Иванов

(Слово истины, № 2-3, 1917)

Василий Васильевич заботился о духовном благополучии церкви. Он делал все, что было в его силах, для духовного возрастания членов церкви.

Посетил три села – Шавкай, Ново-Васильевку и Астраханку, – где пробыл около трех недель, и почти каждый вечер были собрания, а по воскресным дням – по три собрания. В этих селах общины ни холодны, ни горячи и дух молитвы совершенно отсутствует. В особенности Ново-Васильевская община находится в жалком состоянии, где братья отделились современному течению и сильно увлекаются социальными вопросами, о чем только и говорят при всякой встрече. Уж слишком оземленились, и слово Божие перестало действовать на их сердца.

С 20 по 26 октября я был шесть дней в Севастополе. Там вместе со мною были братья Костюков и Ильин, и мы проповедовали в собраниях. В Севастополе последовало соединение двух общин – евангельских христиан и баптистов – в одну общину. И братья этому весьма радуются, ибо ясно видят особенное Божие благословение и успех в деле Господнем. Община со дня соединения дивно оживилась и, исполненная духа силы, мира и любви, стоит на высоте своего призвания, неутомимо работает, и Бог благословляет ее труд. Каждое воскресенье присоединяются к церкви новые души.

Братья Севастопольской церкви заявляют, что они увидели в соединении великую пользу для Царствия Божия и хотят сказать всем общинам, чтобы поспешили с помощью Господа скорее соединиться между собою и не стоять в двух лагерях. Они с нетерпением ожидают соединения двух союзов – евангельских христиан и баптистов – в один союз. В нынешнем году они даже не хотели посылать деньги, собранные на миссию, до тех пор, пока не последует соединение; но потом решили послать в оба союза по равной части – по 300 руб. каждому.

Дай Бог, чтобы все указанные хорошие примеры поощрили все другие общины к более смелой и усердной деятельности на пользу Царствия Божия, для спасения грешников, которые во многих тысячах ожидают услышать благую весть о спасении.

В. В. Иванов

(Слово истины, № 13-14, 1917)

О последних днях жизни Василия Васильевича пишет его сын Павел Васильевич.

Только теперь предоставилась возможность рассказать о последних днях жизни, о переселении в лучший край, пред лицо Господа, моего дорогого отца – Василия Васильевича Иванова.

27 мая 1917 г. в Баку скончалась моя мама Ирина Гавриловна, верная спутница и безропотная, неустанная сотрудница моего отца, в течение пятидесяти трех лет шедшая рядом с ним по его много-страдальному и вместе с тем радостному пути. Похоронив ее, отец мой навсегда покинул город, в котором семнадцать лет раздавалось его призывное слово, и приехал ко мне в Таврическую губернию и уже до самой смерти не расставался со мной.

Сначала мы жили в Евпатории, а в 1918 г., в августе, переселились в село Ново-Васильевку Мелитопольского уезда. Все это время отец имел прекрасное здоровье, был бодрый, деятельный. Ни одного дня не оставался он без дела: работал в местной общине, постоянно разъезжал по городам и селам Крыма, Мелитопольского, Бердянского и Днепровского уездов, по соседним уездам Екатеринославской губернии. Дальше уезжать нельзя было из-за расстрой-ства путей сообщения. Как при разъездах, так и дома отец все свободное время посвящал литературной работе – писал проповеди и размышления, особенно много времени отдавал последней своей большой работе – исследованию «О знамениях последнего времени». Это исследование он пять раз дополнял и исправлял, переписывая его всякий раз своей рукой. Работоспособность его в последние месяцы жизни была поразительной; проповеднический дар его на за-кате дней расцвел с необычайной силой, проповеди его были на-столько же красивы и сильны по форме, насколько глубоки по содер-жанию; голос поправился и окреп.

Но Бог уже начертал предел его земной работе, и предел этот был очень близок. 26 декабря 1918 г., на второй день Рождества, отец произнес свою последнюю проповедь – спел свою лебединую песню. И знаменательно, что его последняя проповедь была произ-несена в объединенном общем собрании всех религиозных общин Ново-Васильевки при громадном стечении народа в молитвенном до-ме «Тамбовской» общины духовных христиан. Речь его была сильная, вдохновенная и красивая и посвящена была выяснению сущности хри-стианства. Основной мыслью его речи было то, что сущность христи-анства заключается не в нравственном учении Иисуса Христа, а в великом таинстве искупления человечества страданиями и Кровью Его и в победе воскресшего Спасителя над грехом и смертью.

На второй день после этого, а именно 27 декабря 1918 г., отец мой слег. У него приключилось воспаление почек. Я сначала и мысли

не допускал, что приблизился конец земного пути его — таким здоровым и бодрым был он, несмотря на свои семьдесят пять лет. Болезнь, однако, развилась. В середине января мы решили отвезти его в больницу в немецкую колонию Мунтау (рядом с Гальбштадтом). Там прекрасная меннонитская больница и хорошие врачи. Когда я привез его туда и врач Тавоянус осмотрел его, то и без слов врача мои глаза открылись — я вдруг увидел, что мой милый отец у дверей гроба. Увидел это и он сам.

В больнице, сидя у его изголовья, я горько оплакивал его. Плакал и он и много говорил мне, давал свои последние наставления, вспоминая о родных, оставшихся в Закавказье, и о некоторых своих друзьях-соратниках. При этом он заботился о судьбе своих рукописей, говорил, что в них заключается много важных христианских истин, которые открыл ему Бог, до которых не все христиане духовно доросли. Просил меня издать их, как только настанет благоприятное время.

Через несколько дней выяснилось, что смерть приближается — болезнь отца осложнилась склерозом сердца. Довольно билось оно. С большим трудом, по зимней выюжной дороге, я привез отца из больницы домой. Дорогой он постоянно впадал в бред. Когда, прибыв в Ново-Васильевку, мы снимали его с фургона и вносили в комнату, то вместе с нами (со мной и моей женой) его встретил еще кто-то. Третий, весь в белом, вместе с нами сидел у его кровати. Так казалось ему. И так, конечно, оно и было на самом деле: Ангел Божий, охранявший последние минуты жизни отца, становился видимым для угасающих его очей.

Дома отец почти не впадал в бред и много говорил со мной. На другой день по приезде домой, приняв ванну, отец освежился, ободрился и велел собрать братьев, членов местной общины баптистов, чтобы проститься с ними и перед смертью примирить две враждовавшие между собой партии. Все собрались, и отец, уже шепотом, говорил им о Христе, о Боге, о высоких наших задачах на земле и о вечности. Он так проникновенно и с такою кротостью и любовью просил их примириться между собой, что его слова могли бы расплавить самое бесчувственное сердце. Никогда не забудутся эти его предсмертные поучения. Казалось, что это говорил не человек. Казалось, что Ангел Божий в образе святого старца говорил с нами...

Еще три дня отец мог говорить, угасая с каждым днем. Постепенно ноги и руки его охлаждавали. Он же сохранял полное сознание

и спокойствие и кротость духа. В воскресенье, 27 января 1919 г., после утреннего собрания все присутствующие зашли вместе с хором к нам на квартиру. Спели несколько песен. Отец поблагодарил всех за посещение, а когда все ушли, он в последний раз обнял и поцеловал меня, а затем и мою жену, и еле внятно сказал: «Иду домой», при этом показал руками вверх. Это были его последние слова. Язык его отяжелел, и он не мог более выговаривать слов, но сознание не покидало его. Весь этот день и следующий отец дышал предсмертным дыханием, медленно умирая. В понедельник, 28 января (9 февраля по нов. стилю) 1919 г., в 9 часов вечера прекратилось его дыхание, сердце остановилось, и чудная душа его возвратилась к Богу.

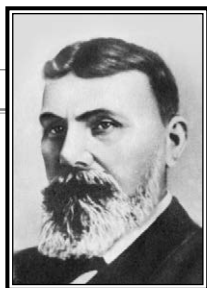
В полной красоте и силе закончил отец свое земное поприще. Мы одели его в его сюртучный костюм, и в гробу отец лежал таким же красивым, каким был и в жизни,— смерть наложила на лицо его лишь печать величавости и торжественного покоя.

30 января мы похоронили его в селе Ново-Васильевке. Проводили его многие, с искренней любовью. Вокруг могилы его соорудили деревянную ограду, в изголовье могилы, на столбике, прикрепили деревянную дощечку с надписью: «Василий Васильевич Иванов скончался 28 января 1919 г. на семьдесят пятом году жизни. „Ныне же к Тебе иду“ (Иоан. 17, 13). Побеждающий облечется в белые одежды, и не изгладится имя его из книги жизни».

П. В. Иванов-Клышников
(Слово истины, № 5-6, 1921)

БАЛИХИН ФЕДОР ПРОХОРОВИЧ

Федор Прохорович Балихин от юности до самой старости трудился в русском братстве. Родился он в 1854 году в селе Астраханке Таврической губернии.

...Мое детство, отрочество и юность протекли в бедном семействе моих родителей, которые занимались крестьянским хозяйством,

с трудом доставляя своей семье содержание, а потому и естественно, что они не могли дать мне хоть какое-нибудь образование. Кое-как умевшие читать молоканские женщины Кудиновы учили меня грамоте по славянской азбуке и славянскому Псалтырю, и то лишь только чтению, так как писать они и сами не умели. В последние две зимы моего учения я получил возможность посещать земское народное училище, так как в то время от земства был прислан учитель. В земском училище я немного научился писать, и тем закончилось мое образование.

На девятнадцатом году я женился. На двадцать втором году у меня появилось непреодолимое влечение к чтению Библии. Я стал ревностно изучать наизусть все молитвы и псалмы царя Давида, которые обыкновенно употреблялись в домах и общественных богослужебных собраниях духовных христиан, или молокан. Так как я родился и вырос в молоканской семье, то и изучение всего этого давалось мне легко и скоро; я усвоил все, что тогда считалось необходимым. Это обстоятельство имело сильное влияние вообще на склад моих мыслей и на образ моей жизни: я порвал всякую связь с товарищами юности и стал льнуть к людям передовым, религиозным старикам, и особенно полюбил уединение, так что даже жена моя мешала мне. В уединении проводил время в чтении Слова Божия и в молитвах, иногда и в посте. Уста мои постоянно шептали молитву: «Боже! Приди на помощь мне, вразуми и научи меня в прочтении и поучении сего в память вечную».

Занимался я также переписыванием молитв по уставу молоканских «обрядов веры». С этого времени старцы стали приглашать меня на свои собрания, на чтения Слова Божия, что у них обыкновенно считалось проповедью, и нередко приглашали руководить общей молитвой. Старцы и все собрание имели ко мне большое уважение и любовь.

В 1879 г., когда мне было двадцать пять лет, я поехал в Харьков, где случайно встретился с книгоношами Библейского общества, беседа с которыми имела для моих молоканских убеждений решающее значение. Эти искренние христиане сразу отстранили меня от моих наследственных убеждений, открыли мне неведомую доселе истину духовного возрождения и примирения с Богом через веру в Кровь Господа Иисуса Христа.

В это же приблизительно время в наши таврические селения

приезжали проповедники-баптисты: Воронин, Богданов, Павлов и Вилер,— которые произвели окончательный разлад в моих молоканских убеждениях и настолько сильно повлияли на меня, что я всею силою души моей отдался Господу, и очи моего сердца ясно увидели искупление моих грехов, совершенное вознесением Тела Христова на крестное древо. Я стал благодарить Господа, что Он, Чудный, снял с меня вину и гнет греха моего и дал в Нем иметь непрестанную, неизреченную радость, так что, вкусив сладость любви Божией, нового бытия и ощущая блаженство усыновления, сердце мое, объятное радостью, пело:

Сняв с нас закона порабощенье,
Кровь Христос пролил — вот в чем прощенье!
Мучим, истерзан, в язвах Он был,
Раз навсегда нас искупил.

В мае месяце 1882 г. я был крещен во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Господь ввел меня в «овчий двор» и сопричислил к детям Божиим, искупленным драгоценной Кровью Агнца. Церковь, к которой я тогда присоединился, была немногочисленна и находилась под временным управлением брата И. Л. Матвеева, который всегда приглашал меня говорить слово Божие в баптистских собраниях, и я с радостью делился с моими братьями опытом моей новой духовной христианской жизни во Христе Иисусе. Мне было тогда двадцать восемь лет.

В 1883 г. я начал возвещать истину Евангелия Христова за пределами моего постоянного местожительства и за чертой моей всегдашней деятельности. Я впервые посетил Херсонскую губернию, Петербург, Владикавказ. Так прошло года три. Я испытывал непередаваемое на человеческом языке обновление моей юности, духовного оперения для высшего полета во славу Господа...

(Ф. П. Балихин. Автобиография, 1908)

В апреле 1884 года Ф. П. Балихин участвовал в работе конференции, созванной В. А. Пашковым и М. М. Корфом в Петербурге. Федор Прохорович вместе с другими делегатами был арестован на шестой день съезда и отправлен в Петропавловскую крепость. После тщательного обыска, не имея основания обвинить в преступлении, власти высла-

ли братьев из Петербурга и отправили по месту жительства.

Федор Прохорович участвовал в конференции баптистов в селе Ново-Васильевке, состоявшейся в конце апреля 1884 года, на которой был организован Русский союз баптистов. Был он также на конференции 1885 года во Владикавказе.

В 1886 году община баптистов села Астраханки избрала Ф. П. Балихина пресвитером. Вскоре после избрания он был рукоположен на это служение председателем Русского союза баптистов И. И. Вилером.

Федор Прохорович — не оратор, речь его не обработана по правилам техники и искусства, но он всегда «брал» искренностью тона и сердечною простотою. Видно было, что он говорит то, что пережил. Всегда спокойный и немного медлительный, он поступал по пословице: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Представительный собою, с ясным лицом и спокойной речью, он внушал к себе доверие. Твердый и стойкий в своих убеждениях, Федор Прохорович неуклонно шел по определенному пути.

(Слово истины, № 5–6, 1917)

Начиная с 1887 года, на каждом съезде Ф. П. Балихина избирали благовестником союза. Первые годы он трудился в основном в Таврической губернии, затем ему вменили в обязанность три четверти рабочего времени совершать труд за ее пределами. Годовые благовестники должны были в течение года восемь месяцев работать вне дома. Они получали содержание из кассы союза — 500 рублей в год.

Осенью 1891 года Ф. П. Балихин посетил с проповедью Евангелия Харьков и крестил там трех братьев и одну сестру. В июне следующего года он вновь посетил этот город и крестил еще семь душ. После этого на собрании, которое из-за притеснений со стороны властей проходило в Григоровском лесу, он образовал общину баптистов, в которую вошло пятнадцать членов. Руководящим общины был назначен И. И. Жидков.

В 1903 году Ф. П. Балихин побывал за границей на трех конференциях и посетил многие собрания в Германии и Англии, на которых ему всюду предоставляли слово. Он

проповедовал, а также рассказывал о жизни русских баптистов.

Первая конференция, которую посетил Ф. П. Балихин, проходила в г. Бланкенбурге (Германия). Проводил ее «Альянс», то есть союз разных деноминаций. Участвовали в этой конференции баптисты, методисты, дарбисты, лютеране и даже некоторые из католиков — в общей сложности до тысячи человек. «Цель конференции — объединить всех христиан различных наименований, причем каждый может оставаться при своем убеждении и названии».

Вот свидетельство самого Федора Прохоровича об этой конференции:

Бланкенбургская конференция произвела на меня впечатление крайне неблагоприятное... Союз «Альянс» ставит своей целью единение всех христиан не в учении Иисуса Христа, а в Самом Христе. Они не только допускают полнейшую свободу мнений, а даже считают предосудительным говорить о предметах разделения. Эта мысль и эта работа мне показалась новозаветным столпотворением: они будут долго и очень усердно трудиться, наносят много камней и других даже горючих материалов, сложат все это в бесформенные массы, но никогда не увенчают своей постройки тем славным венцом, которым был увенчан святой труд апостолов: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5).

(Баптист, № 1, 1907)

Затем Ф. П. Балихин побывал на баптистских конференциях в Берлине и в Дерби (Англия). Вот его свидетельство о них:

Девятнадцатая баптистская конференция в Берлине произвела на меня довольно приятное впечатление, и я увидел здесь не искусственное соединение разнородных элементов, созданное на принципе замалчивания различных повелений нашего Господа, а увидел Церковь Господа, соединенную Духом Святым в полном единомыслии по учению Христа Иисуса.

Что же касается английской баптистской конференции в Дерби, то я был в своем роде «восхищен до третьего неба» и слышал именно «неизреченные слова». Здесь я увидел общество детей Божиих, облеченных во всеоружие Божие: они были извне соединены прекрас-

ной организацией, не имеющей сравнения с апостольской, а внутри были исполнены всею полнотою Божией.

(Баптист, № 1, 1907)

На конференции английских баптистов Ф. П. Балихин говорил:

Господин председатель и все собрание! Сердечно приветствую вас, и очень рад, что Господь позволил мне быть здесь, среди великого и торжественного собрания братьев. Передаю привет от всего Русского баптистского союза. Я проповедник и пресвитер Баптистского союза уже семнадцать лет; посетил двадцать восемь губерний и в пятнадцати губерниях крестил тысячу тридцать три души, все более по ночам, и Господь хранил меня...

(Баптист, № 1, 1907)

В конце своих сообщений о поездке за границу Федор Прохорович отметил, что все расходы были восполнены братом И. Ф. Изааком и другими, так что из союзной кассы он не взял ничего.

В январе 1907 года в Петербурге состоялся объединенный съезд церквей евангельского исповедания. Целью съезда было обсуждение манифеста о веротерпимости и составление докладной записки в правительство. В записке указывалось, какие необходимо внести изменения в манифест, чтобы евангельские церкви могли свободно совершать служение по заветам Христа. В работе съезда принимал участие и Ф. П. Балихин.

В конце этого же года Федор Прохорович посетил ряд церквей Херсонской и Киевской губерний с целью организации новых церквей и рукоположения служителей.

В августе 1908 года Ф. П. Балихин вторично побывал за границей и участвовал в Европейском конгрессе баптистов, проходившем в Берлине.

В. Г. Павлов в своей речи на конгрессе говорил:

С объявлением манифеста о религиозной свободе баптисты сейчас же... проявили оживленную миссионерскую деятельность. Они

начали устраивать публичные собрания в театрах, аудиториях и трактирах. Особую ревность в устройстве таких собраний проявил наш брат проповедник Федор Прохорович Балихин. С этой целью он посетил города: Борисоглебск, Евпаторию, Бердянск, Харьков, Елизаветград и Мелитополь.

О своем служении Федор Прохорович в 1908 году писал:

За все время при благословении Божиим посетил в России более тридцати пяти губерний. Кроме того, в 1897 г. посетил Румынию и Болгарию, а в 1903 г. посетил Германию и Англию.

В баптистский христианский союз в России принято через крещение верующих более тысячи трехсот членов. Рукоположил на служение пресвитера двадцать два брата, диакона — двадцать четыре и проповедника — двенадцать.

Со дня объявления свободы вероисповедания с разрешения начальства и по благословению Господа были устроены в городах губернских и уездных более сорока публичных религиозных собраний баптистов в театральные и общественных городских залах, из которых иные получал бесплатно, а за некоторые платил большие деньги.

В 90-х годах посещал в тюрьмах и ссылках, в отдаленных губерниях многих братьев по вере в Господа, сосланных за распространение и чтение Слова Божия. Посещение мое приносило им большое утешение в Господе. Многих неимущих снабжал я средствами, многих подсудимых и осужденных через поверенных освобождал, на что было потрачено немало братских общественных средств, пожертвованных во имя Господа на благо меньших братьев.

Все время хранимый милостью Бога, я 15 июля сего 1908 г. губернатором Таврической губернии был утвержден в сане пресвитера русских евангельских христиан-баптистов. В августе сего же года вторично побывал на Европейском баптистском конгрессе в Берлине, где получил много назидательных поучений, слушая опытных высокообразованных проповедников. Возвратился на родину с новыми силами, с новым желанием трудиться в Господнем винограднике, поднять знамя Его Божественной любви ко всему человечеству не воинством и не силою, но Духом Божиим, возвещать мир и спасение Божие, указывать всем на начальника и совершителя веры Иисуса Христа, Который вместо предлежащей Ему радости претерпел крест. Он есть Вождь наш

во веки веков. Пойдем за Ним, как овцы, за любящим и добрым Пастырем, умершим и воскресшим и находящимся перед престолом Бога Отца, и будем слушать Его слова: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино,— да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино» (Иоан. 17, 21-22).

...Слово Божие как меч обоюдоострый; этим мечом апостолы сражались со всяким неверием и невежеством; они победили имидолопоклонство и языческую культуру. Будем и мы побеждать мир, если будем едины со Христом и друг с другом... Слово Божие должно быть нашей дисциплиной. Наше единство только: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5). Мы имеем единство с теми детьми Божиими, у которых один Бог, одна вера, одно крещение...
(Ф. П. Балихин. Автобиография, 1908)

5 июля 1909 года Федор Прохорович рукоположил в Харьковской общине на пресвитерское служение Андрея Кузьмича Диденко.

В 1910 году Ф. П. Балихин был на съезде сибирских братьев в г. Омске и участвовал в благовестии по Сибири.

Федор Прохорович вместе с тридцатью двумя представителями Русского баптистского братства участвовал во II Всемирном конгрессе баптистов, проходившем в 1911 году в Филадельфии (США).

В отчете правления Союза баптистов на съезде в 1911 году по поводу служения Ф. П. Балихина говорилось следующее:

...Брату Балихину пришлось работать некоторое время с большим усилием и преодолевать препятствия в г. Полтаве, где он снял хороший зал у общества приказчиков и имел шесть благословенных собраний. А затем, несмотря на то что более тридцати человек подписали заявление о желании иметь молитвенные собрания, власти не разрешили их проводить. Подали жалобу Министерству внутренних дел, и оно отказало...

Кроме этого брат Балихин посетил семь городов и девять селений. Работал девяносто дней, имел шестьдесят одно собрание. Крестил двадцать одну душу...

(Баптист, № 43, 1911)

В 1915 году по постановлению начальника Одесского военного округа генерал-губернатора Эбелова Федор Прохорович Балихин вместе с десятью братьями был сослан за проповедь Евангелия в Нарымский край, село Колпашево. Вследствие высылки у Ф. П. Балихина погиб весь скошенный им хлеб — около полутора тысяч пудов, так как некому было убрать его: сына взяли на военную службу в обоз, а жена от потрясения заболела.

После Февральской революции 1917 года Временное правительство постановило освободить всех осужденных за религиозные убеждения. Вернулся из двухлетней ссылки и Федор Прохорович и сразу же приступил к служению. Посетив ряд церквей в Крыму, он крестил двадцать новообращенных.

Затем Федор Прохорович посетил Харьковскую общину баптистов, где имел благословенные собрания, и 3 сентября рукоположил на пресвитерское служение брата П. Е. Коплиенко и нескольких диаконов.

Посетил Федор Прохорович и Курскую общину, где совершил рукоположение избранного на служение благовестника брата Караулова.

В январе 1918 года Федор Прохорович посетил г. Бердянск. Об этой поездке он писал:

Братья отпечатали объявления, и следующие собрания были многолюдны, благословенны и радостны. Хор отлично исполнял гимны. Затем мы устроили собрания в двух театрах. К этому времени приехал брат А. А. Реймер, и Господь обильно благословил наш труд. Многие заявляли нам потом: «До сего времени попы держали нас в темноте, теперь нам открывают глаза».

По вечерам собрания проходили в молитвенном зале общины. Всего мы устроили десять собраний. Это всполющило священников, которые стали в своих церквях предупреждать народ остерегаться нас...

На обратном пути я узнал, что в Гальбштадт явились матросы с пулеметами и расстреляли пятерых немцев-колонистов, в числе их брата Я. Я. Зудермана, одного русского и одного еврея. Ужасные события последних дней заставляют сидеть дома и ожидать милости от Господа. Можно только свободно молиться...

(Слово истины, № 5-6, 1918)

Но верующие не сидели дома. Они благовествовали, совершали дело Божье. Для этой цели братья собрали в Киеве Первый всеукраинский съезд баптистов. Председательствовал на этом съезде, проходившем с 1 по 8 октября 1918 года, Ф. П. Балихин. А в следующем году, на шестьдесят пятом году жизни, Федор Прохорович отошел к Господу.

ЦИМБАЛ ЕФИМ

Очень мало информации сохранилось о Ефиме Цимбале, неизвестно даже его отчество. Ввиду того что он занимает важное место в зарождении баптизма на Украине, хочется поместить то малое, что есть.

Родился Ефим около 1830 года в деревне Карловке Елизаветградского уезда Херсонской губернии.

Благая весть пришла в Карловку из колонии Старый Данциг, которую отделяла от Карловки небольшая речка Сукакля.

Неизвестно, когда именно здесь пробудились от греховного сна первые души, но из литературы православных авторов видно, что в 1865–1866 годах православное духовенство било тревогу: в Карловке появилась новая вера — штундизм и баптизм.

Восьмидесятипятилетний брат Алейников Дмитрий Иванович, член Карловской общины, обратившийся к Богу в двадцать лет, свидетельствовал, что с некоторыми уже умершими братьями он посещал в Старом Данциге немецкие собрания по квартирам.

В то время, в 60-х годах, в Зиновьевск приехал из Персии проповедник пресвитерианской церкви Яков Делякович Деляков. В течение двух лет он изучал русский язык и знакомился с религиозными убеждениями окружающих его людей, но в душе его горело одно желание — проповедовать людям Христа и Его Евангелие. Яков Делякович познакомился с немецкими баптистами, лютеранами и с православным

духовенством. Один из православных священников, ничего не подозревая, жаловался Делякову на то, что в Карловке появляется новая вера. Яков Делякович незамедлительно поехал в Карловку и попал на сход. Узнав о приезде Делякова в Карловку, на сход пришли и немецкие братья. Попросив разрешения, Деляков проповедовал на текст: «Се, Человек».

«Яков Делякович,— пишет И. Прицкау в одной из своих книг,— говорил с жаром и глубоким убеждением. Он указал на дивное рождение Богочеловека, на Его святую жизнь, на тот потрясающий момент, когда Он стоял перед Пилатом и народом в пурпуровой мантии и терновом венце, указал, наконец, на страдание Его на кресте и закончил словами: „Посмотрите, друзья и братья, была ли боль сильнее Его боли? Солнце не могло смотреть, оно закрыло глаза и плакало большими слезами“».

Многочисленные слушатели не могли сдержать слез, слушая эту проповедь.

Яков Делякович побывал в доме у Цимбала и Хлыстуна и, посоветовав крепко держаться пути Господнего и иметь тесную связь с братьями-немцами, уехал.

В 1867 году в Карловке организовалась небольшая община детей Божьих. Они были глубоко убеждены в необходимости водного крещения и преломления хлеба, но лишены всякой возможности это исполнить. Немецкие баптисты были очень осторожны, так как за совращение православных им грозила тюрьма и Сибирь.

Собрания проходили в доме Цимбала. Начались жестокие преследования, братьев избивали. 7 апреля 1868 года сельское общество составило приговор о выселении из Карловки сектантов-баптистов и послало его губернатору.

Чтение Слова Божьего и общение с верующими немцами из соседней колонии привело многих к спасительной вере во Христа и к убеждению, что крещение в детском возрасте не соответствует учению Христа и апостолов. Многие были готовы принять крещение по вере, но как это осуществить?

11 июня 1869 года около колонии Старый Данциг в реке Сугаклее брат Абрам Унгер совершал крещение при большом стечении народа. Крещаемых из немцев было тридцать

человек. Неожиданно для всех вместе с другими крещаемыми в воду вошел и Ефим Цимбал. Когда он подошел к крестителю, тот не хотел преподавать ему крещение, боясь ответственности. Тогда Ефим дерзновенно сказал, что Господь научит его, через кого и как исполнить заповедь крещения, а сам Абрам Унгер за отказ крестить ответит перед Богом. После такого заявления Унгер крестил Цимбала.

Вскоре Ефим Цимбал крестил в Карловке Василия Листуна, Федора и Якова Гавриленко, Царенко с женой и некоторых других. Дело Божье быстро расширялось, и к октябрю 1869 года община насчитывала пятьдесят четыре члена. В этом же году Цимбал крестил в Любомирке И. Г. Рябошапку.

Выдающимися работниками на ниве Божьей в Карловке были: Ефим Цимбал, Федор Павлович Гавриленко, Трифон Осипович Хлыстун и Федор Федорович Игнатьев. 2 июля 1870 года И. Прицкау писал А. Либигу: «Наша русская община увеличилась, и мы насчитываем до семидесяти членов».

Уверовал Ефим Цимбал в тридцать пять лет, был страшным борцом за истину и преданным делу Божьему работником. В 1866 году он побывал на допросах у духовенства, искренне доказывая евангельскую истину и правоту своих убеждений. Приняв крещение, он первый в деревне стал открыто исповедовать свою веру, за что на второй день жители Карловки подали губернатору донесение за подписью сорока семи человек. Губернатор передал дело архиепископу Дмитрию, а тот послал в Карловку миссионеров и благочинного. Побывав на увещании, благочинный писал Дмитрию:

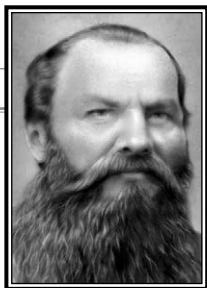
Увещание не имело успеха; сектанты умножаются. Архиепископ просит губернатора предать Цимбала суду.

(Дело Херсонской духовной консистории, 1869)

Православное духовенство видело в Цимбале сильного деятеля. Он проповедовал во многих селах Зиновьевского округа. Благодаря трудам Ефима и еще некоторых братьев, слово Божье к 1870 году было распространено и принято верою в одиннадцати селах.

В 1880 году Ефим Цимбал отошел в вечность.

РЯБОШАПКА ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

Одним из первых работников Божьих на юге России был крестьянин из деревни Любомирки Александрийского уезда Херсонской губернии — Иван Григорьевич Рябошапка. К этому простому крестьянину, который никогда не посещал школу, была проявлена величайшая милость Божья.

Невзрачный на вид, сутуловатый, среднего роста, рябоватый, волосы на голове темно-русые, лицо круглое, носит бороду, голос приятно тембра, с протяжной речью.

Рябошапка отличался большими способностями. В молодости — пастух, потом — кузнец, слесарь и мельник. В своей деревне он арендовал у помещика мельницу. Он был женат и имел троих детей, которые умерли еще маленькими. До обращения он жил как и все другие крестьяне, хотя всегда держал себя прилично и был трудолюбивым человеком. Трактиры посещал очень редко. Еще до женитьбы Иван выучился у одного солдата читать и писать. Чтобы разгонять скуку во время молотбы, он читал различные сказки.

В том же селении проживал немец-баптист из селения Старый Данциг по имени Мартин Гюбнер. Как-то раз Рябошапка вместе с ним исправлял в кузнице насечки на жерновах. Гюбнер завел с ним религиозный разговор. Говорил о необходимости обращения к Богу, чтения Слова Божьего и указывал на противоречия учения православной церкви с Евангелием. Рябошапка возражал Гюбнеру. При расставании Гюбнер сказал:

— Смотри, Иван, когда-нибудь вспомнишь мои слова!

После этого Рябошапка стал размышлять о том, что говорил ему Гюбнер. При следующей встрече с Гюбнером Рябошапка высказал ему свое желание читать Новый Завет. По данному Гюбнером адресу Рябошапка поехал в немецкую колонию Старый Данциг, где и достал Новый Завет. Оттуда он поехал в Одессу, где купил себе еще один экземпляр Нового Завета. Домой он возвратился ра-

достным, с большим богатством — два Евангелия на русском языке.

Книга очень заинтересовала его, и хотя он вначале мало понимал ее содержание, все-таки продолжал читать днем в мельнице, а вечером — дома. Когда крестьяне приносили ему зерно, то часто заставляли его за чтением Нового Завета.

Как-то привез к Ивану зерно один немец из соседней колонии Старый Данциг и тоже застал его за чтением Евангелия. Он посмотрел книгу и сказал:

— Эта книга наставит вас и приведет к блаженству.

— Но я почти ничего там не понимаю,— ответил мельник. — Я охотно бы послушал, если бы кто-нибудь разъяснил мне ее.

Колонист посоветовал ему обратиться к священнику:

— Ваш священник — образованный человек, посещал семинарию и обязан разъяснить Писание. Ведь не даром же вы носите ему масло, яйца, кур и прочее.

Деревенский священник не всегда знал меру в выпивке, и все-таки Иван обратился к нему с просьбой разъяснить ему немного из Евангелия.

— Новый Завет — очень хорошая книга,— сказал тот,— но тебе, простому мужику, не совсем безопасно читать его, твой ум может потревожиться. Эту книгу имеет право читать только духовенство, ибо оно на то поставлено. Для тебя же довольно, если ты будешь всегда посещать церковь и смотреть, что там делается.

Этот разговор не удовлетворил Рябошапку. Он загорелся еще большим желанием научиться понимать Евангелие. Когда тот немец опять пришел к нему, Иван рассказал, что посоветовал священник. Колонист покачал головой:

— Новый Завет не может быть опасной книгой, как раз наоборот. Сам Господь повелел не только читать, но и старательно исследовать Писание.

Он указал на некоторые места и Рябошапка убедился, что чтение Евангелия очень даже полезно. Уходя из мельницы, немец пригласил:

— Приходи, Иван, ко мне в воскресенье, тогда и поговорим об этой дорогой книге. Только не забудь свое Евангелие, потому что у меня нет на русском языке.

Через несколько недель, вскоре после Пасхи, Рябошапка отправился в колонию к своему новому другу. Придя в воскресенье утром к немцу, он не застал его дома, потому что тот ушел в кирху

(молитвенный дом). До кирхи было недалеко. Иван еще ни разу не видел внутренней обстановки немецкой кирхи, и любопытство повлекло его туда. Хотя он не понял из проповеди ни слова, но порядок в кирхе и в особенности простота богослужения произвели на него глубокое впечатление.

После собрания колонист взял Рябошапку к себе. Они горячо беседовали, и предметом беседы было Евангелие. Они проговорили до пяти часов вечера.

— Ну, теперь пойдем на молитвенный час, или штунде, как у нас говорят,— предложил хозяин. — Там мы встретим немцев и русских, которым пастор разъясняет Слово Божье на русском языке.

Когда они вошли в зал школы, там уже собрались многие немцы и их русские работники. Вскоре пришел и пастор. Перед началом собрания пропели немецкий псалом, потом пастор помолился, причем все встали. После молитвы опять сели, пастор занял свое место, и «штунде» началось.

Пастор хорошо говорил по-русски. Он объяснял прочитанную главу, и все слушали с большим вниманием. Потом слушатели ставили вопросы, и он отвечал на них коротко и ясно. Так пробеседовали два часа. В конце спели псалом по-немецки и все поднялись к молитве. Многие присутствующие молились, кто по-немецки, а кто по-русски. В заключение молился пастор.

Этот молитвенный час очень понравился Рябошапке:

— Пастор объясняет так просто, что маленький ребенок поймет! Иван стал постоянным посетителем этих собраний.

Так прошло лето. Осенью из-за плохой погоды ему часто приходилось оставаться дома. Тогда он садился за чтение Евангелия и особенно любил повторять те места, которые разъяснял пастор, причем старался восстановить в памяти его объяснения.

Однажды осенью Ивану снова пришлось призвать на мельницу кузнеца Гюбнера. В разговоре с ним тот сказал:

— Если ты, Иван, не родишься свыше, то не увидишь Царствие Божье.

— Ты говоришь очень странные слова,— возразил Рябошапка. — Как я могу еще раз родиться?

— Ты должен покаяться перед Богом, открыть Ему свое сердце и просить Его, чтобы Он дал тебе жизнь вечную!

— Я никак не пойму тебя!

— Может быть, ты теперь и не понимаешь меня, но заметь себе, Иван: или ты упадешь на камень, или камень упадет на тебя. Ты не найдешь покоя до тех пор, пока не примиришься с Богом через Иисуса Христа.

Эти слова кузнеца врезались в сердце Рябошапки. Всю дорогу он думал, что это за новое рождение или перерождение. Дома он не находил покоя.

В следующее воскресенье Иван опять пошел в школу. С собой он взял своего соседа Рыбалко, которому часто передавал хорошие разъяснения пастора.

На этот раз пастор говорил об обращении Савла. Его слова произвели глубокое впечатление на обоих русских крестьян. Всю дорогу и дома до поздней ночи они говорили об услышанном.

На следующий день Рябошапка сидел на мельнице и читал Евангелие, открыв 7 главу Матфея. Он прочитал всю главу до конца и первый раз в жизни преклонил колени перед Богом. Из глубины сердца он просил у Него прощения грехов во имя Иисуса.

— О чем я молился, что говорил — теперь не знаю,— рассказывал он после. — Но когда поднялся с колен, во мне сиял яркий свет. Мне стало так легко, будто с моих плеч свалился большой мешок с зерном. От радости я кричал на мельнице и славил Бога.

Жена его сразу заметила происшедшую перемену в муже и первая дала ему название «штундист». Она еще не понимала того большого значения этого названия, которое давалось многим последователям Иисуса Христа и вызывало большие и ужасные гонения.

Через некоторое время уверовала и жена, а также Рыбалко примирился с Богом и с ним несколько жителей деревни. Так в Любомирке образовался маленький кружок верующих, которые по вечерам сходились в доме Рыбалко. Они читали Евангелие, молились вместе, а по воскресеньям посещали собрания в Старом Данциге.

В первый год их никто не преследовал. Хотя и давали прозвище «немецкая вера» или «штунда», но всегда добродушно. Деревенский священник иногда посещал их, но не преследовал. Наоборот, он радовался, что они читают Евангелие, и часто ставил их в пример другим как честных и набожных последователей Христа. Дьякон часто приходил к ним и заставлял их изучать некоторые духовные стихотворения.

В своих собраниях они читали Слово Божье, молились и пели

духовные псалмы. Кружок их становился все больше и больше, так что нужно было позаботиться о большем помещении для собраний. Для этой цели они выбрали большую клуню, в которой потом и собирались многие годы.

Такое положение тревожило властей. Местный священник начал увещавать их, но это не оказало на них влияния. Тогда сельская власть перешла к репрессивным мерам.

В 1867 г. Рябошапка и Кравченко с еще некоторыми уверовавшими были подвергнуты аресту и отосланы в г. Вознесенск к судебному следователю, который, взяв показания, отпустил их.

В 1868 г. их опять арестовали. Рябошапку отправили в Ольшанское волостное правление, где он содержался под арестом семь недель. Кроме этого, крестьяне села Любомирки составили приговор об удалении их из общества, но он не был утвержден надлежащими властями из-за несоблюдения формальностей при его составлении.

Немного позже у Рябошапки созрело решение отправиться для проповеди Евангелия в соседнюю деревню. Он всегда носил в кармане Евангелие и при удобном случае старался прочитать из него своим русским соседям, особенно на ярмарках.

Еще и теперь на юге на ярмарках можно наблюдать следующую картину. На какую-нибудь телегу взбирается крестьянин, снимает шапку, одевает ее на палку, машет ею и кричит:

— Слушайте вы, торговцы, вы, барышники, господа и общественные люди! Собирайтесь! Подойдите! Я хочу вам что-то сказать!

Сбегается народ, и стоящий на возу рассказывает им, что у него украли лошадь или корову, подробно описывает украденное и спрашивает, не видел ли кто таковую. Почти всегда найдется кто-нибудь, который потом и рассказывает о том, что знает.

Рябошапка делал точно так же. Он созывал людей, потом вынимал Евангелие и говорил, что у него ничего не пропало, но он хочет поговорить с ними о их душах, о Спасителе и о Евангелии. Русский народ очень восприимчив к беседам на религиозную тему. Народу все прибавлялось, чтобы послушать простого крестьянина, говорящего о Слове Божьем. Таким образом многие уносили с собой посеянное в сердце семя Евангелия. Если же у кого не было Нового Завета, тот старался приобрести его при первой возможности. Так в темной массе народа загорался свет Евангелия.

(Баптист, № 6, 1908)

Братья И. Рябошапка, М. Кравченко, Е. Цимбал и Витряченко успешно распространяли Благую весть, и к 1870 году верующие были уже в одиннадцать селениях Елизаветградского уезда.

Когда Цимбал из Карловки принял крещение, об этом узнали и в Любомирке. Цимбала пригласили в Любомирку, и он крестил там Ивана Рябошапку, Петра Гриву и Якова Тарана. Это было в апреле 1870 года.

В 1871 году Рябошапку пригласили штундисты деревни Основы Одесского уезда, чтобы он совершил там крещение. Восьмого июня было крещено сорок восемь человек, среди них был и Михаил Ратушный.

В мае 1882 года в колонии Рюкенау Таврической губернии состоялась конференция немецких и русских баптистов. Участвовал в ней и Иван Григорьевич. Он сообщил конференции, что у них долгое время были ужасные гонения. Но в течение последних двух лет нет преследований. В Любомирку приезжали двенадцать душ из Каменец-Подольской губернии Балтского уезда и приняли крещение. Они много потерпели от своих односельчан, которые однажды бесчеловечно избили их во время собрания. В самой Любомирке в этом году принято через крещение двенадцать душ. Далее Рябошапка сообщил, что посещал братьев в Киевской губернии, где нашел до ста душ, крещенных по вере.

На конференции вместе с другими братьями был избран для благовестия среди русских и Иван Григорьевич.

Рябошапка участвовал в съезде, созванном в Петербурге В. А. Пашковым и М. М. Корфом, а затем в съезде баптистов, проходившем с 30 апреля по 1 мая 1884 года в с. Ново-Васильевке. На этом съезде был образован Русский союз баптистов. Ивана Григорьевича избрали благовестником на год. Ему поручили работать в Киевской губернии, так как он неоднократно бывал там и знаком с киевскими братьями.

На следующем съезде, который состоялся во Владикавказе с 3 по 6 апреля 1885 года, Ивана Григорьевича снова избрали благовестником. На съезде он был только один день и ночью уехал с председателем союза И. И. Вилером.

В 1886 году Иван Григорьевич не участвовал в работе

съезда. Братья сообщили, что Рябошапка и Ратушный находятся под строгим надзором без права выезда с места жительства. Власти намеревались сослать в административном порядке всех видных работников братства.

В 1892 году Рябошапка был сослан в суровые места Закавказья на пять лет. По истечении этих пяти лет страданий ему не разрешили вернуться в родные места. Ссылным верующим предлагался выезд из России без права возвращения на родину. Иван Григорьевич воспользовался этим и вместе с женой выехал сначала в Турцию, затем в Болгарию.

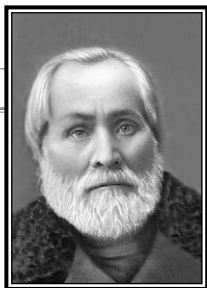
В дневнике В. Г. Павлова имеется такая запись:

30 апреля 1899 г. был на конференции в Рушукe, в Болгарии, и вечером увиделся с братом И. Рябошапкой, который приехал сюда, чтобы повидаться со мной и побывать на конференции. В этот вечер мы совместно руководили собранием.

Недолго Иван Григорьевич жил на чужбине. 5 февраля 1900 года Господь отозвал его в Свои обители.

Аксиния Рябошапка — жена Ивана Григорьевича — после его смерти добилась разрешения возвратиться на родину. Последние годы своей жизни она провела в родной деревне Любомирке и была настолько бедной, что находилась на содержании братства. Они с мужем потеряли все ради Господа. Но у Него отмечены страдания верных, и все они получают от Него полную награду.

РАТУШНЫЙ МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ

Зарождение баптизма в южных губерниях Украины тесно связано с именем Михаила Тимофеевича Ратушного, жителя деревни Основы Одесского уезда Херсонской губернии. Родился он в 1830 году в бедной крестьянской семье.

По соседству с Ратушными жил Федор Онищенко, которого считают первым из украинцев, воспринявших учение штундистов. Онищенко многие годы работал батраком у немецких колонистов и от них воспринял живую веру. Возвращаясь с работы, он встречался со своим соседом Михаилом Ратушным и вместе с ним читал Библию. Они подолгу вели оживленные беседы по вопросам веры. Таким образом в сердце Михаила Тимофеевича упало живое семя. Обратился он к Господу в начале шестидесятых годов девятнадцатого столетия.

Деревня Основа находилась в двенадцати верстах от колонии Рорбах, в которой реформистским пастором был Бонекемпер. Он же проводил библейские часы с возрожденными христианами, то есть со штундистами. Эти собрания иногда посещал Ратушный и другие крестьяне из Основы. Когда Михаил Тимофеевич обратился к Господу, он стал в своем доме проводить подобные собрания, на которых читал Евангелие, объяснял его и пел вместе со всеми духовные песни.

В архивных документах имеются сообщения, что уже в начале 1865 года в Основе появились штундисты, которые собирались в доме своего предводителя Михаила Ратушного. Собрания стали запрещать, но верующие продолжали собираться.

Михаила Тимофеевича трижды арестовывали: в 1865, 1867 и 1868 годах. Недруги свидетельствовали о нем так:

Человек недюжинных способностей и по природе склонный к религиозным увлечениям, предан братству людей Божьих с истинным фанатизмом. Весьма желательно, конечно, чтобы возможность проповедовать была у него отнята, но нет сомнений, что где бы он ни был, он ни убеждений своих не изменит, ни деятельности не прекратит.
(Рождественский. Южнорусский штундизм, 1889)

23 мая 1870 года верующие Основы отнесли свои иконы в православную церковь, чтобы их не обвиняли в надругательстве над ними. Михаил Тимофеевич сделал это первым. Видя такую решительность христиан, власти попытались возвратить Ратушного в православие, предлагая ему сан

священника, но он остался твердым в своих убеждениях. Верующие в Основе продолжали собираться, их насчитывалось уже около ста человек.

В конце 1870 года было возбуждено уголовное дело на Михаила Ратушного, Александра Капустяна, Герасима Балабана и Родиона Архипова с женой. Но разбирательство дела откладывалось.

Между тем многие уверовавшие, читая Новый Завет и беседуя друг с другом, пришли к убеждению, что им необходимо принять водное крещение. Правда, не все так понимали. По этому вопросу передовые братья разошлись во мнениях. Балабан отвергал необходимость водного крещения, а Ратушный отстаивал истину по Писанию. Община разделилась почти пополам.

Ратушный со своими сторонниками пригласил в Основу И. Г. Рябошапку, который 8 июня 1871 года крестил сорок восемь душ. Среди крещенных был и Михаил Тимофеевич. Его избрали пресвитером общины.

В 1876 году в Основу из Киевской губернии приехал уверовавший там Иван Лясоцкий. Он пожелал принять крещение, и Михаил Тимофеевич крестил его. Вернувшись в свою деревню, Иван Лясоцкий крестил там обращенных к Богу.

Уголовное дело, заведенное в 1870 году на Михаила Тимофеевича и других верующих, разбиралось в суде только в 1878 году. Желание православного духовенства осудить братьев не исполнилось — присяжные вынесли оправдательный вердикт.

В мае 1882 года в колонии Рюкенау Таврической губернии проходила совместная конференция русских и немецких баптистов. Участвовал в ней и Михаил Тимофеевич. Рассказывая о своей работе на ниве Божьей, он сообщил, что посещал окрестные места, где живут братья, и нашел между ними разногласия по некоторым мелочам. Поэтому он видит насущную потребность в более частом посещении этих братьев, чтобы «соединить их в одни мысли, согласно учению Евангелия». Посещал он также братьев в Бессарабской и Киевской губерниях. Еще он сообщил, что у них в Основе, в Игнатовке и в примыкающих к ним деревнях насчитывается сто двадцать членов. На этой конференции Михаил Тимофеевич

был избран благовестником для работы в русских общинах.

В начале апреля 1884 года Михаил Тимофеевич участвовал в работе съезда, созванного В. А. Пашковым и М. М. Корфом в Петербурге. Съезд продолжался несколько дней. Затем полиция арестовала приезжих участников съезда и, допросив каждого, отправила их по месту жительства.

В конце апреля 1884 года в селе Ново-Васильевке Таврической губернии состоялся первый съезд русских баптистов, на котором был образован Русский союз баптистов. Михаил Тимофеевич также участвовал в нем и был утвержден благовестником. В своем отчете о совершенном труде он сообщил, что объездил окрестности своего края, был в Елизаветградском уезде, в Киевской губернии. Вместе с братом Рябошапкой два раза был в Киеве, Москве и Петербурге и много хлопотал о свободе богослужений. За год он крестил три души.

На съезде баптистов в декабре 1886 года Михаил Тимофеевич не присутствовал. Он в это время находился под строгим надзором полиции без права выезда с места жительства.

В 1911 году Михаил Тимофеевич участвовал в съезде евангельских христиан в Петербурге. Ему в то время было уже восемьдесят лет.

В вечность Михаил Тимофеевич Ратушный отошел примерно в 1915 году в родной деревне Основе. Точная дата его смерти неизвестна. Через многолетний труд этого верного служителя многие обратились к Иисусу Христу.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГУЛЯЕВСКОЙ ОБЩИНЫ

Василий Чабарь и Иван Довгань – крестьяне деревни Гуляевки – первыми пробудились, услышав слово Евангелия от пастуха Самуила Кищенко, который жил вблизи Михаила Ратушного и был знаком со Словом Божиим. Чабарь был немного грамотен и мог читать Евангелие, а Довгань был неграмотен. Последний был соседом Безродного и звал его на евангельский путь. Безродный, как более грамотный, считал Довганя человеком малоопытным. Он решил

со своим родственником поехать на собрание, где проповедует Михаил Ратушный. Услышав слово Евангелия о спасении, они уверовали. Это было 1 января 1882 года. Когда уверовал Безродный, то вслед за ним уверовало в Гуляевке еще десять семейств и пять семейств в Софиевке, откуда был родственник Безродного – Алексей Михненко, ездивший с ним на собрание.

С тех пор начались у нас собрания, образовалась община из членов, живущих в двух деревнях. Вскоре, в том же году, уверовали еще братья в деревне Донская Балка. Слух об этом дошел до приходского священника, и он приехал с приставом на увещание. Видя отрицательные результаты своих стараний, приходский священник возбуждал гонение. Собрался сельский сход и сделали приговор – подвергнуть первых двух уверовавших братьев телесному наказанию. Секли их розгами до крови, а остальных братьев заперли в холодную... Тогда братья пожаловались уездному неперемемному члену комиссии. Телесное наказание прекратили и начали составлять протоколы и предавать суду, который присуждал каждого к 15 или к 20 руб. штрафа и к месяцу-два заключения в арестном доме. Братья же более укреплялись в вере и умножались. Брата Безродного избрали руководящим, и 12 декабря 1884 года он был рукоположен братом Вилером.

В дальнейшем еще более начали преследовать за похороны и за браки. Если невеста сочитана в общине баптистов и выйдет за пределы своей волости, то ее отбирают у мужа и отправляют к ее отцу, или же она должна иметь определенный документ на право жительства. Затем задумали отбирать детей у родных и воспитывать их в духе православия, но это не осуществилось. Господь сохранил нас, и церковь возросла до ста шестидесяти членов с тремя отделениями. Теперь для удобства одно отделение в Софиевке с шестьюдесятью членами отделилось в самостоятельную общину.

Много претерпела Гуляевская община и духовно, и материально. Пусть Господь сохранит братьев и сестер, среди которых еще живы те, кого везли на суд через глубокие воды на опасном каючке, а они смело и бодро, без страха пели:

В ладье спасенья безопасно ты плыви,
Не жалея корабль разбитый, вперед гляди!

А. Безродный
(Баптист Украины, № 10, 1927)

В 1870 году в Одессе проживали два русских чернорабочих – Гребенюк Козьма Иванович и Левицкий Степан Захарович. Они были некнижные, подобно тем рыбакам, которые стали учениками Христа. В Бога они верили, как верили и первосвященники Анна и Каиафа, но не знали, что ожидает их после смерти. Этот вопрос волновал их, и они отправились к священнику своего прихода, чтобы поведать ему о болезни своей души.

– Нас беспокоит вопрос вечности. Мы верим в Бога, ходим в церковь, соблюдаем пост и все таинства веры, но душа болит. Мы не знаем, что ожидает нас за гробом. Как бы выйти из этого состояния?

Священник спросил их повышенным тоном:

– Вы в штунды задумали идти? Где вы достали эту заразу?

От неожиданности Козьма и Степан оторопели.

– Что значит «штунда»? Мы первый раз это слово слышим.

– Знаю, знаю! – ответил священник. – Я по словам вашим чувствую, что вы задумали изменить православной вере. Разве я, десять лет учившись, мало штундов малограмотных знаю?

– Батюшка, – говорит Козьма, – мы знаем, что вы много знаете, вот поэтому и пришли к вам с этим важным вопросом.

– Этот вопрос неразрешим. Нам, грешным людям, не дано это знать на земле, умрешь – тогда увидишь. А если хочешь быть угодным Богу – ходи в церковь, будь ее верным сыном, и она после твоей смерти будет о тебе молиться.

– Батюшка, церковь молится за умерших? – спросил Степан.

– Конечно, молится о тех, кто заказывает, – ответил священник.

Так ни с чем Козьма и Степан ушли от своего пастыря. Священник взял их на заметку как подозрительных.

А они шли и рассуждали:

– Какие-то штунды есть. Что это за люди? Хоть бы с ними познакомиться! Ведь священник, кроме грубости, ничего не сказал нам. У него на уме только принимать заказы на сорокоусты.

– Знаешь что? Нечего ходить нам к людям с этим вопросом, давай по вечерам читать Евангелие!

Они согласились и стали читать Евангелие на русском языке. Как-то прочитали текст 1 Иоанна 5, 13 и говорят:

— Вот видишь, здесь написано, что верующие должны знать, что ожидает их в вечности!

Спустя некоторое время они через Евангелие получили ответ на вопрос, который мучил их душу. От сердечной радости они стали говорить об этом другим. По вечерам в доме Левицкого Степана на слободке Романовке стали собираться по несколько душ для чтения Евангелия.

Священник подметил это и стал советоваться с другими священниками, что делать — в его приходе заводятся сектанты. Была принята тактика первосвященников Анны и Каиафы. Позвали Козьму и Степана и настрого приказали не собираться для чтения Евангелия. Один из них говорит:

— Почему же вы раньше не запрещали, когда в моей квартире пьянство с дракой бывало?

Послышался ответ:

— Не послушаете, посмотрите, что вам будет.

Козьма и Степан были уже крещены по вере, называли себя евангельскими христианами-баптистами. Не обращая ни на что внимания, они устраивали у себя собрания, где собирался не один десяток людей.

В одно из таковых собраний пришел полицейский и забрал всех в участок. Вышли из дома десятка два людей, навстречу им идут в собрание братья и сестры. Видя, что их единомышленников уводят, некоторые подошли к полицейскому и заявили:

— Мы тоже христиане-баптисты.

Полицейский и их забрал. Таким образом в участок пришло около тридцати человек. Надзиратель, увидев такую толпу, спросил полицейского, как это он один справился с таким количеством преступников. Полицейский ответил:

— Это такие преступники, которых не приходится сторожить, чтобы не убежали, а половина из них по дороге сами навязались.

Надзиратель участка обратился к толпе и спросил:

— Кто из вас Козьма Гребенюк и Степан Левицкий?

Они подошли к столу.

— Остальные вон из помещения! — приказал надзиратель.

Затем он вынул папку, поискал в бумагах донос, развернул один лист, быстро пробежал глазами и обратился к арестованным:

– Что это за заговор устраивается вами?

Они с недоумением спросили:

– О чем вы спрашиваете?

Надзиратель повторил:

– Что за собрания проходят у вас на слободке?

Ребенок ответил:

– Собираемся читать Евангелие и больше ничего.

После продолжительного разговора Козьма и Степан вышли из участка с окровавленными лицами. Пришли домой, рассказали о всем своим братьям и по примеру первых христиан единодушно возвысили голос к Богу.

Открыто проводить собрания не представлялось возможным: приходила полиция и разгоняла всех, братья не раз были наказываемы. Устраивали собрания по ночам и в разных квартирах. Тогда надзор был усилен, и где бы ни собирались, везде находили. Ночью уходили в степь, на берег моря для крещения новых членов. Казалось, в полночь никто не видит, но наутро тянули в участок и того, кто крестил, и того, кто крестился. Братья уходили в подземелья, откуда извлекался строительный камень, и там молились Богу и вполголоса пели хвалебные духовные гимны, но и там зоркий глаз царской полиции находил их.

Братьев из деревень часто привозили в губернский окружной суд. На суде всегда фигурировали священники, у которых была одна просьба к судьям: сослать еретика в Герюсы (место под Персией). Из тех, кто туда попал, многие уже не возвратились и там закончили свое земное поприще. Туда выслали братьев Капустинского, Штаненко и много других, о которых после пришли письма, что они умерли. Герюсы было прозвано братским кладбищем.

Подпольные собрания, аресты, побои, высылки продолжались до 1905 года. Потом показалась заря свободы, и братья вышли из подполья. Несмотря на жесточайшее гонение, к 1905 году в Одессе была не одна сотня баптистов. Они вышли из катакомб и свободно вздохнули. Сняли они себе в центре города молитвенный зал, вмещающий до полутора тысяч душ.

Братья-работники Павлов, Назаренко, Тимошенко, Вильховский и другие, закаленные в борьбе, дружно выступили на работу. Дружный и стройный хор воспевал хвалебные гимны Господу. Собрания были переполнены. Братья радовались и торжествовали. Но этому

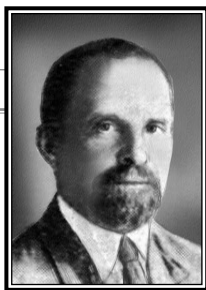
торжеству скоро пришел конец. Зарница свободы потухла, опять настала темная ночь всевозможных гонений.

Однажды вся община собралась для радостной беседы за чаем на Живаховой горе (место, где горожане проводят часы отдыха). Не успели братья расположиться, как вдруг налетела конная полиция, оцепила гору и арестовала всю гуляющую публику, в которой баптистов было около одной десятой части. Забили народом все участки города и начали награждать высылкой при полиции от двух месяцев и ниже. Начались новые гонения на баптистов.

Вскоре передовых братьев Л. П. Назаренко и М. Д. Тимошенко выслали в Нарымский край. Печальна была разлука с братьями, но Господь утешал детей Своих, в большом количестве пополняя ряды Своей рати, которая неутомимо вела борьбу с силой тьмы и не переставала возносить молитвы свои к престолу Всемогущего. Молитвы их были услышаны, и любвеобильный Отец посредством новой власти дал нам долгожданную свободу беспрепятственно славить Его!

(Баптист Украины, № 9, 1927)

СКАЛДИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился я от бедных крестьян Орловской губернии с. Алмазово. Родители мои были неграмотны и, кроме молитв: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...», «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас»,— не знали ничего. Мне все же, спасибо им, дали начальное образование. Окончив сельскую школу, я поступил в пастухи, чтобы скудным заработком восполнить, хотя отчасти, нужды нашего бедного семейства.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, отец отдал меня в учение к кузнецу в г. О., где я пробыл три года. Возвратясь в родное село, я поступил к местному кузнецу за двенадцать рублей в год. Тяжелая работа при столь плохом жалованьи заставляла меня пойти на сторону, где можно заработать гораздо больше (говорю «пойти», потому что не за что было ехать). Намерение мое осуществилось.

В один из хмурых осенних дней родные и знакомые, встав рано утром, собрались провожать меня на «чужую сторону». Отец и мать, взяв иконы, благословили меня в путь.

До самого Харькова большую часть пути пришлось совершить пешком, лишь изредка приходилось проехать несколько верст на лошадях со случайными спутниками за стакан водки.

Юзовские шахты

Из Харькова я поехал на шахты, где устроился работать уголем. Сначала зарабатывал мало, а потом больше и больше, но ни от малого, ни от большого заработка ничего не оставалось — все шло на водку и другие спиртные напитки. Шахта, как известно, рассадник всякого зла, она ведет в распутную жизнь; и то, что я приобрел здесь за два года, было не деньги, а лишь полное познание зла и разврата.

Военная служба

Принят был на военную службу в кавалерийский полк. Пристрастие к вину еще до военной службы развило во мне крайнюю испорченность и бесшабашность. Последняя, впрочем, содействовала мне на военной службе выдвинуться вперед. Военное начальство старается развить в каждом молодом солдате воинственный дух, и я для этого оказался способным. Через короткое время я попал в учебную команду и по окончании учебы был произведен в младшие унтер-офицеры, потом в старшие, а в последний год действительной службы был произведен в вахмистры. В этом чине я остался на сверхсрочную службу в моем полку и прослужил три года.

Пребывание в Одессе

Перед увольнением с военной службы женился. Прожив с женой несколько месяцев, я оставил ее у родных в г. Василькове Киевской губернии, а сам по совету моего бывшего военного начальства отправился для приискания должности в Тифлис.

Приехав в Одессу, я остановился в гостинице с товарищем, которого приобрел в пути. Пошли мы с ним, полюбовались морем,

а оттуда зашли в трактир, где под звуки шарманки изрядно выпили. По приезде в номер я сейчас же уснул крепким сном, а мой товарищ принялся за дело – очищать мои карманы – и исполнил свою задачу блестяще, оставив меня, что называется, без копейки. В чужом для меня городе, без знакомых и без копейки в кармане что я должен был делать? Пойти работать в нарядной военной одежде – некуда, никто не возьмет. Безвыходное положение повергнуло меня в отчаяние, и я бесповоротно решил умертвить себя, где и как – безразлично, лишь бы только представился удобный случай – или на рельсы положить голову, или броситься в море. Продав одну пару сапог, я стал с горя кутить на эти деньги, прощаясь со всеми родными и с этим миром. Но Господь не допустил меня до самоубийства. Посоветовали мне обратиться к градоначальнику с просьбой дать какое-нибудь место. Градоначальник, граф Шувалов, приказал дать мне должность городского. Полицейская служба мне сильно не понравилась – казарменная жизнь, отовсюду слова: крючок, хабарник и прочее,– но крайняя нужда заставила со всем этим мириться.

К этому времени у меня проснулась совесть, и я стал искать Бога всем сердцем. Стал перечитывать молитвенники, привезенные с военной службы, а главная молитва моя была к ангелу-хранителю.

Мой пост был у ворот Александровского парка, где я познакомился с людьми, которые старались втянуть меня в политику. Однажды я разговорился с извозчиком о религиозных вопросах. Он мне и говорит:

– А знаешь, что написано в 23 главе Евангелия Матфея?

– Нет,– говорю,– не знаю.

– Так прочитай или слушай, я прочту: «Горе вам... что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите, и желающих войти не допускаете». О ком здесь говорится, кто эти люди? – спросил он, на что я не мог дать ему ответа.

В казарме я все время размышлял об этом вопросе. Через несколько дней он опять начал со мною разговор на эту тему, говоря, что это сказано о законниках, против чего я сильно протестовал, утверждая, что они наместники Христа (это я вычитал из книги «Вразумитель в духе православия»). Спор окончился тем, что я признал его Евангелие неполным и для доказательства правоты моих слов обещал ему купить полное Евангелие.

Покупка полного Евангелия

За покупкой полного Евангелия я отправился на толкучий рынок.

– Дайте мне полное Евангелие, – обратился к продавцу.

Он подал мне большое Евангелие. Я с видом знатока посмотрел на обложку, перевернул несколько листов, взглянул на цензуру. Как узнать, полное оно или нет, ведь я никогда не читал его?!

– Ваше Евангелие неполное, – сказал я наконец продавцу.

– Как неполное? Извините, господин городской, самое полное Евангелие с Откровением, с Псалтирью, смотрите, все сто пятьдесят псалмов есть. Как же вы говорите «неполное»?

Мне стало стыдно за свое невежество, и я молча ушел к другому продавцу. Здесь я уже не спрашивал полного Евангелия, а просто: «Дайте мне Евангелие, в котором сто пятьдесят псалмов». Подали, купил. Дома я отыскал 23 главу Евангелия Матфея и стал читать. И что же? – Слово в слово в моем Евангелии, как в извозчиковом, написано: «Горе вам...» – и прочее.

Ежедневное чтение Евангелия

Я радовался, что наконец имею полное Евангелие. По возвращении с поста в казарму я всегда прочитывал одну или две главы, и хотя прочитанного не понимал, зато о себе начал думать больше, чем следует: «Вот, я читаю Евангелие, „Вразумитель“, молитвенник, значит, стал благочестивым человеком...» Мои сослуживцы уважали во мне это религиозное чувство, начали собираться около моей кровати, слушать чтение «Вразумителя», Евангелия. В казарме был небольшой иконостас с иконами, пред которыми я стал ежедневно зажигать лампадку. Когда масло сторало, я собирал деньги на покупку нового; вытирал полотенцем пыль с иконостаса. Некоторые из моих товарищей смеялись надо мной.

– У нас монах проявился, – говорили они.

Чтение Евангелия шло своим чередом, жизнь греховная – своим.

Встреча с продавцом пирожков

Без наставника мне не было пользы от чтения Евангелия (Д. Ап. 8, 30–34). Я увлекся духом революции, стал ярим ее

сторонником и ревностным пропагандистом. Прочитал книжку, заглавия которой не помню, не помню и ее автора, но содержание ее не забыл. Там было сказано о том, как раздавали землю помещикам и князьям, как отдавали крестьян в крепостные и прочее. Все это так вооружило меня против окружающих, что я, полицейский, на обязанности которого лежало подавлять такое антихристианское учение, старался распространять его, где только было возможно.

Стою однажды на посту, читаю запрещенную книжку. Она по формату похожа на Евангелие, что дало повод продавцу пирожков принять меня за своего. Он подходит ко мне:

— Здравствуйте!

— Здравствуй,— говорю,— что тебе нужно?

Он пугливыми глазами посмотрел на книжку, которая была у меня в руках, и говорит:

— Я думал, что вы читаете Евангелие, потому и подошел.

— Я читал и читаю Евангелие,— с достоинством ответил я,— а ты читаешь?

— Да, читаю.

— Ну, скажи же мне, кто это книжники и фарисеи, которые за-
творяют Царствие Божие людям?

Он уклонился от прямого ответа и в свою очередь спросил меня:

— Скажите, вы христианин?

Этот вопрос сильно озлобил меня.

— А кто же я, думаешь ты? Татарин что ли? — При этом выругал его отборной бранью. — Хочешь, я тебе и крест покажу,— возмущался я, стараясь при этом достать крест из-под шинели и рубашки, чтобы убедить этого «неверующего Фому».

— А позвольте задать вам еще один вопрос,— обратился ко мне пирожник,— вы спасены?

— А кто ж это может знать? — ответил я ему.

— Христианин должен это знать,— мягко ответил пирожник и вновь спросил: — Вы читаете символ веры?

— Читаю.

— А там сказано: «...распятого же за ны, при Понтийском Пилате, и страдавша, и погребенна». Что это значит?

Я никогда не размышлял об этих словах и их значении, поэтому смирился и попросил его растолковать мне. Он с радостью объяс-

нил мне, как мог, и я остался им доволен, негодуя на себя и свое неведение.

– Приходи сюда почаще, будем беседовать,— сказал я ему,— я плохо знаю Евангелие.

– А вы бы пошли на собрание, там есть люди, знающие Писание. Они бы вам все объяснили.

– Где же оно?

– На слободке Романовке.

– Так ты сведешь меня к ним?

– Хорошо, сведу.

Вечером, когда я сменяю пост, он обещал прийти за мною, чтобы идти на собрание.

Первый раз в собрании

Мой проводник пришел за мной в условленный час, и мы отправились в собрание. Вечер был темный, идти пришлось по тропкам и скалам. Я думал все время, куда он меня приведет, кто такие эти люди, что они делают?.. Наконец пришли к дому, где они собирались на молитву. Дом этот и теперь принадлежит верующей семье М-вых, гостеприимной, как Гаий. И теперь, когда я бываю в этом доме, то всегда вспоминаю мое первое посещение собрания и с любовью смотрю на него — колыбель моей души.

Вошедши в переднюю, я увидел несколько собравшихся мужчин и женщин, которые впоследствии стали моими дорогими братьями и сестрами. При появлении меня в полицейской одежде некоторые смутились, но мой проводник успокоил их, говоря, что я пришел послушать Евангелие, а не арестовать или разгонять их. Я снял шапку и сел на убогую скамью, которыми была уставлена комната собрания. Братья стали петь какую-то песнь, один даже подвинулся ко мне с книгой, желая, чтобы и я с ним пел, но мне было как-то не по себе, я искал что-нибудь для глаз, а не для сердца. Что читали — не помню. В числе участников собрания были братья Кошо, Бубес, Авраменко, Норченко, Николаев, сестра Стеблова и другие. По окончании собрания они дружески беседовали со мною. Узнав от них, когда будет еще собрание и в чьем доме, я ушел. Придя в казарму, я размышлял о том, что видел и слышал. Одно плохо — фамилию домовладельца никак не мог вспомнить.

Второй раз в собрании

В субботу вечером отправился искать собрание, улицу нашел, а дом — нет. Спрашиваю прохожих:

— Где здесь дом Ладыжкина?

— Никакого Ладыжкина тут нет,— говорят мне.

Оказывается, я спутал фамилию — вместо Маклакова спрашивал какого-то Ладыжкина. Со скорбью в сердце я объяснил себе сегодняшнее приключение тем, что эти люди праведные, хорошие, а я великий грешник, и Бог не допускает меня к общению с ними, потому я и заблудился. Иди, мол, к товарищам, подобным тебе!

Душа моя страдала. В моей памяти ожила в ярких картинах вся моя грязная, пошлая жизнь. Перед глазами стояли те лица, которых я обижал до смерти, особенно во время военной службы, где я имел власть над солдатами. Совесть села на судейское место во всем облачении неподкупного судьи и беспощадно стала обвинять меня.

Я во всем сознавал себя виновным. Гром правосудного Синая гремел над моей головой. Я искал помощи, защиты, но Защитника еще не знал. В ночь с субботы на воскресенье я совершенно не спал, потому что переживал адские мучения, если только можно выразить этими словами страдания моей души. Когда настало утро, я благодарил Бога. Пошел искать собрание. Прихожу на знакомую уже мне улицу, нашел дом. Несмелой, робкой поступью подошел я к нему, вошел во двор, в переднюю, сердце сильно стучало. Вот наконец и комната собрания, тихое пение духовных песен, милые лица... Я благодарил Бога, что Он позволил мне еще раз видеть этих людей.

Песни пелись из глубины души и потому невольно проникали в мою душу. После пения молились, читали Евангелие, потом молитвой и пением закончили собрание. После собрания подходили ко мне, расспрашивали меня, кто я, откуда. Они меня не узнали, так как на этот раз я был одет в штатское платье. Я объяснил, что я тот самый городской, которого они испугались в собрании. Стали спрашивать, как моя духовная жизнь, на что я не мог им сказать ничего — я плакал, и мои слезы громко говорили им, какова моя духовная жизнь.

— Молитесь, друг, Господь простит вам грехи,— так утешали меня эти милые души.

Кажется, с их словами рай входил в мою душу.

– Благодарю вас за ваши добрые советы!

«О, эти люди хотят, чтобы мне были прощены грехи!» – говорил я сам в себе и еще сильнее стал любить их.

Незадолго перед этим я ходил в Пантелеймоновский монастырь. Там я так усердно, так долго молился всем святым, стоя на коленях перед иконостасом. Когда встал с колен, ко мне подошел монах и сказал:

– Уйди отсюда. Что ты, лучше всех что ли – к самым иконам подлез?

Я и не думал считать себя лучше всех, я считал себя преступником и прибежал сюда, как в город убежища, в надежде найти здесь слово утешения. И что ж – меня принимают за фарисея, меня стыдят за мои слезы, гонят, и я ушел огорченный душою, недовольный на людей.

Жизнь и молитва в казарме

Хочется молиться Тому, Который может простить меня, но где и как? Мне кажется, что за мною все следят и все уже догадываются, что я изменник отеческих преданий и верований. Чтобы незаметно уединиться для молитвы, я иду к крану, где начинаю мыть свое полотенце, платки, и потом с этими мокрыми вещами иду по лестнице на чердак казармы развешивать их, чтобы каждый подумал, что я отправился на чердак именно для этого. Но у меня было желание уйти подальше от людей и быть поближе к Богу; найти потемней уголок не для того, чтобы творить грех, но чтобы открыть сотворенные грехи, ибо тяжки они мне. Становлюсь на колени, молюсь, прошу Господа, чтобы Он простил меня, но ответа нет! Я тогда употребляю новый механический прием: ложусь на землю ниц заплаканным лицом, прикладываюсь к грязным доскам пола, думая, что таким путем я расположу ко мне моего Спасителя. Наконец прошу Его:

– О Спаситель! Скажи мне, простил ли Ты мне мои грехи? А для удостоверения скажи мне громким голосом: «Василий, прощены тебе все твои грехи». Или же пошли одного из Ангелов в белой одежде, которого я увидел бы моими глазами и услышал бы от него, что мне прощены грехи...

Томительно, с болью проходит час, а Ангел не является ко мне и голоса Спасителя не слышу; все вокруг меня тихо, только в сердце

моем не утихает волнующееся море; волны, одна сильнее другой, набегают на мою душу, грозя гибелью.

С каждый днем я все хуже и преступнее становлюсь в своих глазах, отчего жизнь делается невыносимой. Одна еще надежда: пойду в собрание, буду там молиться, может быть, там получу прощение.

В собрании ни чтения, ни пения не слышал, я был занят одной мыслью – просить у Господа прощения, молиться. В это время, когда я сидел на скамье, у меня не только душа трепетала, но и шинель. Я трясся, как в лихорадке. Сидящие вблизи смотрели на меня с удивлением.

С нетерпением ожидаю окончания проповеди, какова бы она ни была. Был ли в этой проповеди призыв к покаянию таких грешников, как я, или нет – для меня было безразлично; так или иначе – нужно просить Бога о прощении. Оканчивается проповедь, преклоняют колени, начинают молиться. Я стараюсь уловить слово «аминь», чтобы мне начать мою молитву. Но, к несчастью, у меня язык не поворачивается, уста не открываются, и вместо меня молится кто-нибудь другой, третий, а я и на этот раз остался непокаянным и непомилованным. Таких собраний у меня прошло немало, и после каждого из них мне было очень тяжело.

День моего покаяния — день торжества для меня

Перед этим у меня была сплошная борьба плоти с духом. В субботу я просил надзирателя назначить меня на пост на всю ночь, чтобы в воскресенье мне быть свободным. На дежурство отправился в сад градоначальника графа Шувалова. Вступив на пост, я сейчас же снял фуражку, преклонил колени и стал учить молитву покаяния, которую завтра должен молиться в собрании. Пройдет час, я опять иду в кусты, снова становлюсь на колени и учу молитву. Это я повторял несколько раз за ночь. В одно время стою на коленях, вдруг над самым ухом раздается пронзительный свисток. Я вскочил на ноги, надел фуражку – передо мною стоит дежурный надзиратель. Я отпрапортовал ему о благополучии на посту...

– А где ты был? – спрашивает надзиратель. – Не спал ли в кустах?

– Никак нет, – отвечаю.

Надзиратель ушел, а я опять в кусты — учить молитву. Окончив смену, я отправился в казарму. Оделся в штатское и пошел в собрание, к месту покаяния. Как блудный сын, спешил я к своему Отцу, но тогда еще не знал этой дивной истории блудного сына и любви Божьей к нему, никто за всю мою жизнь не сказал мне об этом.

Будучи еще мальчиком и живя в деревне, я ожидал в великом посту день покаяния с радостью, потому что в этот день мог полакомиться белым калачом. На военной службе ожидал этого дня с радостью, надеясь за многословие в исповеди получить от священника похвалу как за себя, так и за солдат, которых я учил исповедоваться, а от высшего начальства — поздравление с принятием Святых Тайн.

Ожидая, когда начнется собрание. На этот раз я решил начать молитву первым, не ожидая «аминь», зная, что запас слов для молитвы у меня есть, не собоюсь, все грехи объясню Господу. Начали петь, молиться, но у меня и на этот раз уста оказались закрытыми. «Еще время не все утеряно,— успокаивал себя,— окончится проповедь, тогда и буду молиться». Окончили проповедь, началась молитва, думаю: «Сейчас моя очередь», но и на этот раз не хватило силы начать молиться. Встали братья с колен, а я один стою, дрожу от непонятного мне страха, заученная молитва забыта.

— О Господи! Я великий грешник, помилуй меня! — наконец вырвалось из моей наболевшей груди. — Братья, молитесь за меня! — просил я.

В. Бубес, Н. Заремба, Я. Вильховский и другие молились за меня, чтобы Господь дал мне уверенность в спасении и дар Святого Духа. Молитвы были вознесены от души, с верою.

Встав с колен, я плакал от великой радости. Братья и сестры пели со слезами на глазах:

О дивный день, о дивный час,
Когда Спаситель в первый раз
С душой моей в завет вступил
И мир мне в сердце подарил!

Выйдя из собрания, я видел природу как бы обновленной, как в день первоизданный. Гусеница превратилась в бабочку; кокон был разорван, бабочке не хочется уже сидеть на капустном листе; расправив крылышки, она уносится ввысь, купаясь в теплых лучах весеннего солнца. Так и моя душа в тот день рвалась к небу. Как хотел

бы я в тот час стоять у ног Спасителя, у ног Того, Кто очистил десять прокаженных... О, я еще громче прославил бы Господа, чем тот один из десяти: у него было очищено, исцелено тело, а мне Господь очистил душу от тяжких грехов и даровал жизнь вечную. Встречаясь со знакомыми, я рассказывал им, как Господь простил мне грехи. В тот день весь мир был в моих объятиях, всему творению, птицам, животным хотелось сказать:

– Птички, лошадки, радуйтесь со мною – мне прощены грехи!

Идя в казарму, я был так поглощен новыми мыслями и чувствами, что незаметно прошел мимо казарм, и, когда оглянулся, заметил, что прошел лишних квартала два. В казарме от обеда отказался. Пошел к своему товарищу по службе. Он спрашивает, почему я так рано пришел. Я рассказал ему все, что сделал Господь для моей души, думал, что он будет со мной радоваться, что он тоже покается. Смотрю, а он зеваает, не понял он меня, как и я раньше не понимал других. Наконец он спросил:

– Правда ли это? Как это было?

Я опять все подробно рассказал ему.

– Хочешь, – говорю, – я сведу тебя на собрание? Я буду молиться за тебя, чтобы и тебя Господь простил.

Стою на посту новым человеком

Не было ни одного человека из моих знакомых, кому бы я не говорил о своем счастье, и почти всем эта весть была одинаково непонятна. Вечером отправился на пост. Пришел ночной сторож, который дежурил на одном посту со мною, подает мне папиросу.

– Нет, – говорю, – я теперь не курю, потому что мне прощены грехи.

Он с удивлением смотрит на меня, даже немного попятился назад. Я стал объяснять ему все подробно, говоря, что и ему будут прощены грехи, если он будет с верою просить об этом Господа. В Александровском парке, где мы стояли на посту, до двух часов ночи гуляет публика. Когда публика разошлась, я подозвал к себе сторожа и снова начал говорить ему о том, как любит его Христос. Проходя по парку, я остановился в одном месте, чтобы помолиться, пригласил и его. Сняли фуражки, преклонили колени, я в молитве благодарил Спасителя за искупление моих грехов и просил, что-

бы Он обратился к свету Своему и этого сторожа. Я окончил молитву, а сторож почему-то не молится.

– Молись,— говорю ему,— Бог простит и тебя.

– Нет, я не могу, я не умею молиться,— отвечает сторож.

– Господи, научи его верить и молиться Тебе,— помолился я, после чего мы встали и пошли каждый на свое место.

В душе моей возникло сильное желание говорить всем кому возможно о Спасителе грешников. На посту, где я стоял, через несколько дней после моего обращения все узнали, что мне прощены грехи. Но так как эта весть не укладывалась в их уме правильно, духовно, то все, что я им говорил, было извращено и в таком изуродованном виде передавалось из уст в уста. Надо мной открыто стали ругаться, придумывали различные насмешки, провожали криками «сумасшедший». Сторож, которого я приглашал молиться, передал другим сторожам:

– У нас на посту городской с ума сошел, говорит, что ему прощены грехи.

Но Господь дал мне силу не смущаться и не стыдиться, нести поношение за Него. Через некоторое время Бог дал мне брата, дворника, который, как и я, нашел спасение во Христе. Жена его еще не верила. Теперь мы вдвоем днем и ночью говорили людям, что Господь сделал с душами нашими, убеждая всех покаяться. Господь услышал наши молитвы и исполнил наше желание: уверовала жена извозчика Д., которая, как и мы, начала ревностно свидетельствовать о Господе. Когда нас собралось несколько душ, мы начали устраивать маленькие собрания на квартире брата Дрипана, дворника. К нему приходили братья проповедники, начали посещать наше собрание и посторонние. Здесь мы, как могли, пели, молились, а проповедники говорили слово Божье. Уверовала жена дворника, после нее уверовали Шуйские, муж и жена. Обращение этих душ к Господу было нам лучшей наградой от Него за все невзгоды и скорби.

После этого начались дни еще больших испытаний. Обо мне кто-то доложил приставу Панасюку, что на таком-то посту городской «перешел в штунду и еще других сманул». Пристав приказал снять меня с поста, а брата дворника удалить от должности, им занимаемой. Было это так: однажды вечером стою я на посту, смотрю — подходит ко мне надзиратель Пузанов и говорит:

– Ты должен сдать пост, так приказал пристав, потому что ты здесь

проповедуешь какую-то штунду. Я лично против тебя ничего не имею, ты хороший человек, а вот за убеждения твои ты и пострадаешь.

На допросе у пристава

Сдав пост, я явился к приставу. Когда ему доложили о моем приходе, то он через дежурного городского передал мне приказание идти в казарму и не отлучаться никуда, пока не позовут. Я пошел. А в это время сообщали о мне разные сведения. Приходит городской:

– Иди,– говорит,– тебя требует пристав.

Войдя в кабинет пристава, я увидел и его двух помощников – Погребняка и Паращенко.

– Знаешь ли ты православную веру? – спросил меня пристав.

– Чему научили, то знаю,– отвечаю я.

– Так зачем же ты веру родителей оставил и иконам не поклоняешься?

На это я ответил, что поклоняться нужно только одному Богу, в духе и истине.

– Скажите, пожалуйста, Паращенко, как у Скалдина умственные способности? – спросил пристав своего помощника.

– Хорошо, он разумный человек,– ответил тот.

– А на военной службе ты кем был? – спрашивает меня.

– Вахмистром,– говорю.

– Ну, иди, с тобою будут беседовать еще православные миссионеры.

В казарме городские засыпали меня вопросами: за что тебя сняли с поста? Зачем требовал пристав? Что говорил? Когда я ожидал скорую беседу с миссионерами, меня стали пугать тем, что сошлют в ссылку или в крепость, если я во время собеседования не откажусь от своих убеждений.

Проходя по городу, я останавливался на мостах и, глядя вниз, испытывал себя, хватит ли у меня сил устоять и не отречься от своих убеждений, если бы за мои убеждения бросили меня отсюда вниз.

Миссионера я не дождался. Пристав назначил мне пост у ворот Бульварного участка – это был для нас самый трудный пост, сюда назначались лишь проштрафившиеся, опальные городские. В число таких попал и я. На этом посту я пробыл несколько дней, терпеливо ожидая помилования, но его не было. Тогда я обратился к приставу с вопросом:

– За что я наказан?

– Поляскаешь ты здесь зубами, тогда узнаешь! – был ответ.

Я стал ожидать, что будет дальше. Однажды пристав и полицеймейстер проходили мимо меня, когда я стоял на посту. Здесь они остановились, и пристав, указывая на меня, спросил полицмейстера:

– Что нам делать с этим городовым? Он сделался штундистом.

Какой был ответ полицмейстера и что они дальше говорили, я не знаю, но сердце мое было беспокойно, и я чего-то ожидал нового. Городовые, товарищи по службе и по казарме, сильно меня возненавидели, некоторые запрещали мне подходить близко к их кроватям. Всячески издевались надо мной. Бывало, прихожу со смены, лягу отдохнуть на своей кровати – они опрокинут меня вместе с нею. Я поднимусь, лягу – они опять, и так несколько раз. Тогда я сяду на кровати, а они со всех углов бросают на меня грязные тряпки, портянки. Я знал, что они делают это с тем, чтобы вызвать во мне раздражение и гнев, поэтому все время внутренне молился, просил Господа избавить меня от лукавого, и Господь хранил меня, я был совершенно спокоен. Мне было жаль их, как одержимых нечистым духом, духом вражды против человека, не причинившего им никакого зла. Терпением я многих победил, некоторые стали защищать меня, просили опять читать им Евангелие, купили и себе Евангелия, и в свободное от занятий время мы целыми часами просиживали, толкуя о том или другом стихе. Пошли опять доносы: «Скалдин совращает полицейских в штундисты или духоборы».

1 октября был молебен в казарме. После богослужения все стали подходить к батюшке, чтобы поцеловать крест, после чего он каждого окроплял водою. Я, по своему убеждению, участия в этом не принимал. Тогда несколько дюжих городских, соболезнуя о моей душе, пытались силою подвести меня к кресту, но после долгого сопротивления с моей стороны отстали, причем один громко заявил, что такого безбожника не грех выбросить в окно на мостовую, что и обещал привести в исполнение.

Опалы с меня не снимали, и я продолжал нести службу все на том же тяжелом посту. Тяжесть службы здесь состояла в том, что нельзя было сделать десяти шагов в сторону, стой, как на фронте. От этого ноги у меня стали отекают и пухнуть. Так как смены с этого поста мне все еще не назначали, то я решил подать прошение об увольнении из полиции, что и сделал.

Через несколько дней после подачи моего прошения был приказ по полиции: «Посадить Скалдина на пять суток в карцер за грубое обращение с публикой». На мой вопрос, когда и с кем я обратился грубо, мне ничего не сказали. На нашем пути всюду тернии. Такими трудностями был усыпан и мой путь в карцер: лишь только я собрался выходить из казармы, городовые подняли свист, крик, ругань, проклинали меня, начали барабанить кто в самоварную трубу, кто в ведро. Такова была и встреча в казарме.

– Штунду веду, господа, штунду веду! – кричал дежурный, конвоируя меня к карцеру.

В карцере

– Здравствуйте, господа,– войдя в карцер, приветствовал я городовых, которые отбывали наказание за упущения по службе.

– А, штундист к нам пришел, хорошо! – И тут же посыпались разные остроты, насмешки и даже пинки.

– Ладаном, ладаном накурить штунду! – говорили сослуживцы и тут же, обступив меня кольцом, старались пустить мне в рот табачный дым.

– Поборемся,– пришла им в голову следующая мысль, и они тут же навалились на меня, сбили с ног.

После каждой такой борьбы долго болели бока. Бывало, говорю:

– Господа, зачем же вы меня бьете?

– А ты что, жаловаться будешь на нас? Нет, брат, штунды так не делают, терпи.

Наконец или им стыдно стало издеваться надо мною, или неохота, но сделались тише, ласковее. Я воспользовался этим затишьем и стал проповедовать им Евангелие.

Когда я вышел из карцера, мне в тот же день объявили, что я увольняюсь со службы.

Отъезд из Одессы

Получив свои документы, я думал сейчас же отправиться к жене в г. Васильков, чтобы и там благовествовать о Христе, но, вспомнив, что еще не крестился, да и с Писанием мало знаком, решил несколько времени пробыть в Одессе. В это время я посещал

каждое собрание, бывал у братьев, лучше знающих Писание, спрашивал, чего не знаю, сам изучал Слово.

Когда-то давно слышал я от людей деревенских, что у штундистов нужно расписываться кровью безымянного пальца. Теперь я об этом вспомнил. Почему же мне об этом братья не говорят, неужели это лишь клевета? Пойду, спрошу проповедника. Если он мне докажет, что это необходимо, что ж, распишусь и кровью. Ближе всех знаком был мне брат Бубес, к нему я и пошел. Прихожу, поздравствовались.

– Что, брат, дело какое есть ко мне? Можешь спросить, что хочешь,— предложил Бубес.

– Да,— говорю,— есть.

Долго мы с ним сидели, читали Евангелие, а о крови все как-то не осмелюсь спросить.

– Может, ты еще что-нибудь спросишь? — говорит брат.

– Да вот, кровью когда я распишусь? — наконец сказал я.

Он с удивлением посмотрел на меня.

– Какою кровью? У нас никакой кровью не расписываются, все это клевета людская. Если кто и расписывается кровью, то это Христос Спаситель. Он расписался за нас Своею святою Кровью, пролитую на Голгофском кресте, и не кровью с пальца, а Кровью всего Своего пречистого Тела.

– Все же я должен был еще остаться здесь, чтобы изучить Библию и принять святое крещение,— сказал я.

На это брат Бубес ответил, что для изучения Библии потребуется не более и не менее как целая жизнь. Что же касается крещения, то это можно совершить летом, а зимою как в море, так и в реке креститься неудобно.

Простившись с братьями, я поехал в Васильков.

В Василькове

В Василькове все были очень рады видеть меня снова в их доме. Когда приготовили стол, тесть закурил папиросу и предложил мне следовать его примеру. Я сказал ему:

– Я теперь не курю.

Когда он услышал, что я не стал курить, то долго с изумлением смотрел на меня. Мне кажется, что у него в то время от сильного

изумления даже зрачки расширились. Да как же и не изумляться, когда зятек его курил беспрестанно, а теперь перед ужином отказывается. Мне предложили занять почетное место за столом, и все стали креститься рукой. Я остался верен своему убеждению и не последовал их примеру.

Стала чарка обходить ряды сидящих за столом, слышались поздравления с приездом и пожелания всего лучшего. Я отказался от чарки, сказав, что я не пью теперь водки. Тесть, услышав опять неприятную весть «не пью», разгладил бороду, расправил усы, откашлялся и громко, отчетливо произнес:

— Я говорил вам, что он в штунды попал. Вот и правда, что он уже штундист, видите — уже не курит, не пьет, не крестится. А иконам ты поклоняешься?

— Нет,— ответил я,— Богу одному надлежит поклоняться, и Ему-то я поклонюсь.

— Ну вот, видите, кто он стал!

На второй день стали беседовать из Евангелия с сыном их Александром Антоновичем, юношей восемнадцати лет, ныне проповедником Евангелия, и он стал соглашаться со мной. Мать услышала это и запретила ему со мной беседовать и так подробно разбирать Евангелие.

— Читай, как раньше читал, а его не слушай, ведь он от Христа отказался, и таких убивать не грех,— сказала она.

Жена моя стала плакать из жалости ко мне, что я погубил свою душу. Они прибегли к средству, которым думали обратить меня и выгнать из меня сатану. Мелом они закрестили двери, окна, а так как меня этим закрестить нельзя было, то они осеняли меня крестным знамением, когда я не замечал. Например, выхожу из хаты, вслед за мной тихими шагами идет жена и осеняет меня крестным знамением со словами: «Выйди, сатана!»

Прошло несколько времени, я остаюсь верен своим убеждениям. Жена предложила мне:

— Или возвратись к прежнему, или развод, потому что я так не могу с тобой жить.

В это время подходит к ней мать, обнимает ее и со слезами на глазах, дрожащим голосом произносит:

— Загубил он тебя, дитя мое!

Я ей ответил словами апостола Павла:

– Если хочешь – живи, а если не хочешь, то считай себя свободной от меня.

Через несколько дней тесть мой сказал мне:

– Очисти мой дом. Я не хочу, чтобы ты жил у меня. Довольно того, что через тебя мне стыдно по улице пройти. Осрамил ты меня.

Я попросил его немного обождать, пока я подыщу себе должность. Пошел в экономию к знакомому управляющему, чтобы тот дал мне место, но так как была зима, то он отказал мне. Тогда я решил поехать в Одессу.

Сборы в Одессу

Жена моя, как не разделявшая моих мнений, стала рассуждать со своей матерью, что ей делать: если поехать со мной, то придется отказаться от молитвы перед иконами. Я узнал об этом от нее же и со своей стороны обещал дать ей полную свободу вести.

– Как хочешь, так и молись, и кому хочешь, тому поклоняйся.

В день нашего отъезда жена решила не брать икон с собой, а только попросила, чтобы родители благословили ими в путь. В конце же решила, чтобы родители благословили только хлебом и солью. Так и поступили по ее воле.

Расставаясь с нею, родители советовали ей не поступать в мою веру.

Приехав в Одессу до своих дорогих во Христе братьев, я остановился у брата Дрипана на Новой улице, который радушно принял меня, дал кусок хлеба и уютный уголок. Да вознаградит его Господь сторицей! Братья немало постарались, чтобы дать мне работу. Приходилось таковую получать редко, в неделю один день, в порту, среди развращенных донельзя людей. Они, увидев, что я новый и непривычный к работе, сильно издевались надо мной. Но Господь послал утешение, дал мне должность: я поступил на железопрокатный завод Шполянского, где работал К. Ф. Денисов. На заводе меня стали сильно притеснять, как бывшего городского.

– Ах ты, кровопиец, теперь ты просветился, штундарь!

Вслед за словами в глаза летели мокрые тряпки с песком, который засыпал глаза, и все смеялись:

– Что, хорошо? Почему твой Бог тебя не спас? Да ведь ты штунда, а вам сердиться нельзя.

Затем подошел здоровый мужчина, развернулся, ударил меня в лицо и смотрит, что я буду делать. В голове у меня зашумело, от сильного удара из глаз посыпались искры. Когда я пришел в себя, он сказал мне:

— Так учит Христос: ударившему тебя по одной щеке подставь и другую.

Я охотно согласился, но он не повторил удара. На второй день этот человек подошел ко мне и попросил прощения...

Проработал на этом заводе я около двух лет, и пришлось перенести много оскорблений. Наступило тяжелое время — началась война с Японией, и меня вновь призвали на военную службу.

Военная служба

Призвали меня в четвертый полевой жандармский эскадрон в Одессе. Получив обмундирование и конское снаряжение, мы приготовились к выступлению. Перед выступлением адъютант спросил меня, не желаю ли я остаться в Одессе? Я ответил, что буду беспрекословно повиноваться воле начальства и от выбора по своему усмотрению отказываюсь. На второй день получил распоряжение об оставлении меня в Одессе. Я поблагодарил Господа за Его заботу обо мне. Началась служба в вышеназванном одесском эскадроне. Так как я среди моих товарищей был старше по чину и сведущий по службе, то товарищи уважали меня. Но когда они узнали, что я штундист, то стали с недоверием относиться ко мне и вести со мной беседы из Слова Божия, пред которым устоять не смогли. Доложили о моем убеждении начальству. Командир эскадрона был немец, полковник Эрдель, который против моих убеждений ничего не имел.

Как-то в газетах появилось объявление о предстоящей в семинарии беседе с штундистами. Мои товарищи с нетерпением ожидали этого дня и по приходе моем из собрания принудили меня пойти с ними в семинарию. Народу было много. Беседу вел ректор семинарии с малоизвестным нам человеком, мелочным торговцем по прозвищу «гребеночник». Он не принадлежал к баптистам. Беседовали они о крещении младенцев. На вопрос ректора, где в Евангелии воспрещено крещение детей, гребеночник ничего не мог сказать, и его высмеяли, а вместе с ним — и всех штундистов. Тогда мои товарищи быстро выдвинули меня вперед, так что я оказался как раз пе-

ред ректором, который посмотрел на меня с удивлением и спросил:

– Что желаете?

Я молчал и хотел скрыться.

– Он тоже штундист,– ответили за меня мои товарищи.

– Ага, тогда скажите вы, где написано в Евангелии, что не надо крестить детей?

Тогда я обратился к публике и сказал:

– Вы слушали, господа, что этот человек не указал, где написано, чтобы не крестить детей. Я в свою очередь теперь спрашиваю господина ректора, где написано буквально, чтобы крестить детей?

А так как он не мог указать такого места, то сейчас же беседа была закончена пением «Достойно есть». Мои товарищи начали посещать наши собрания, разбираться в Слове Божиим...

Наступили дни свободы. Был объявлен Высочайший манифест о свободе совести. Я стал свободно и усиленно посещать с товарищами собрания. Братья приходили ко мне в казарму. Вскоре наш взводный с женою обратились к Господу, что еще более увеличило мою радость. В казарме все меня полюбили и называли друг друга братьями. В моем присутствии стыдились сказать гнилое слово.

Но враг не дремлет. Кто-то донес начальству, что через меня повсюду в лагерях происходит спор. Мне было приказано молчать и никому не говорить о моем убеждении. Если же не послушаюсь, то меня отошлют в передовой отряд сражающихся или же посадят на гауптвахту.

– Куда хотите, туда и посылайте, молчать не буду,– ответил я.

Последствий от этих доносов никаких не было. Я продолжал ревностно служить Господу и честно исполнять свой долг. Начальство любило меня.

После заключения мира мне хотя и предлагали остаться на сверхсрочную службу, но я отказался и отправился к своей семье.

Работа для Господа

Имея желание говорить о Господе, я тоже в числе других стал выступать с проповедью в собраниях. Сначала дело шло туго, но потом наладилось. По приезду в Одессу В. Г. Павлова я был поставлен в благовестники и стал работать для Господа. Потом мне пришлось переехать на станцию Лозовую, где я и нахожусь теперь

с моим семейством. Работы много, и я молю Господа, чтобы Он дал больше силы и ревности в труде на ниве Его.

Я и дом мой служим Господу!

(Слово истины, 1914)

После переезда Василия Васильевича в Лозовую один из членов церкви в этом селении писал в редакцию журнала «Баптист»:

Не могу не поделиться той радостью, которую имеет наша Лозовская община при занятии В. В. Скалдиным своего поста. Господь послал обильную благодать нашей общине. У нас теперь устроенная детская воскресная школа. Отцы и родственники радуются, глядя на этих крошек, как они прославляют Господа своими детскими устами в стихах и пении духовных песен, чего раньше не было. Затем устроены вечерами по вторникам юношеские собрания, которые не меньше радуют нас именно в том, что мы видим своих юношей оживленными, старающимися выучить свои уроки, ревнующими друг перед другом в Господе, тогда как раньше эти молодые люди, сидя в собрании унылыми, не имели определенного дела.

Еще хочу сообщить, что у нас в Лозовой около двадцати пяти душ приближенных, которые подали заявление об исключении из православия и ожидают ответа, после которого исполнят заповедь Божию.

Да благословит Господь более и более таких работников на ниве Божией, которые по благодати Божией увеличивают Церковь Его.

К. Фоменко

(Баптист, № 40, 1910)

Вскоре после этой заметки было опубликовано сообщение и самого Василия Васильевича:

Лозовая, Екатеринославской губернии. 15 июня с. г. распрощавшись с дорогими моему сердцу братьями г. Одессы, я с семейством переехал на жительство в Лозовую. Братья ожидали меня, и Господь благословляет нас. Мы радуемся, что Господь прилагает спасаемых к церкви. Мы приняли через святое крещение тридцать четыре души и одного отпавшего. Господь благословил организовать юношеский кружок, детское воскресное собрание.

12 сентября было собрание в клубе, где было много слушателей. Говорящими слово Божие были братья, ехавшие со съезда из Петербурга — брат Букреев, ученик Лодзинской школы, брат Гаркуша из Васильевки Екатеринославской губернии, брат Кирпа и я. Господь благословил говорящих и слушающих.

14 сентября нас посетили уважаемые наши братья В. Г. Павлов и И. И. Кушнеров. Собрание также было в клубе, Господь благословил говорящих Его слово. Вечером собрание было в нашем нанимаемом доме, но, к сожалению, зал был мал, так что все слушатели не могли втиснуться.

За все мы благодарим Господа. До сих пор нам Господь помог, и мы верим, что и дальше Он будет помогать.

Обращаюсь к проезжающим проповедникам и прошу при проезде через Лозовую останавливаться у нас для благовестия. Да благословит Господь всех любящих Его.

В. Скалдин
(Баптист, № 44, 1910)

Такое ревностное служение Господу привлекло внимание недругов дела Божьего. Через год после публикации вышеприведенных писем в этом же журнале сообщалось:

17 октября в г. Херсоне в окружном суде было назначено к слушанию дело В. Скалдина и П. Конюшкевича, обвиняемых по 90 статье Уголовного положения в совращении православных в своем сообрании в баптизм. За неявкой одного свидетеля дело было отложено.
(Баптист, № 44, 1911)

Чем закончилось это дело — неизвестно, но, судя по обстановке в России в то время, можно не сомневаться, что Василию Васильевичу было вынесено какое-то наказание.

Известно, что в 1913 году Василий Васильевич принимал участие в открытии молитвенного дома Ново-Бахмутовской общины баптистов.

В 1922 году на Всероссийском съезде баптистов Василий Васильевич был избран в Совет союза. Через год на пленуме его избрали кандидатом в правление союза.

Участвовал Василий Васильевич и на расширенном

пленуме Союза баптистов в 1925 году, на котором его утвердили годовым благовестником Союза баптистов.

В отчете о благовестии П. В. Иванов-Клышников отмечал:

В. В. Скалдин. Он также работал в 1925 г. под руководством союза. Работа его носила отчасти характер отдельных поездок или отдельных поручений для участия в съездах и для посещения общин. Между прочим, он сделал большую поездку в Туркестан и на обратном пути посетил Баку.

(Материалы XXVI съезда баптистов, 1927)

С 15 по 20 декабря 1927 года в Москве состоялся первый съезд Центрального союза баптистов, включающего в свой состав общины и группы баптистов, находящихся в центральных губерниях РСФСР. В исполнительный комитет этого вновь образованного союза, входящего в Федеративный союз баптистов, единогласно были избраны: председателем — М. Д. Тимошенко, казначеем — Д. П. Степин, секретарем — Н. Г. Довгалюк, членами — П. В. Павлов и В. В. Скалдин.

Дальнейшая судьба В. В. Скалдина неизвестна. Скорее всего, он разделит участь десятков тысяч верных свидетелей Христовых, окончивших свои скитания на этой земле в лагерях и далеких ссылках во время жестоких репрессий в тридцатые годы. Мы верим, что встретим брата Василия Васильевича на небесах в сонме святых, прославляющих искупившего нас Господа Иисуса Христа.

БУКРЕЕВ АЛЕКСЕЙ МАРКОВИЧ

Этого известного труженика на ниве Господней характеризуют слова, помещенные в первом номере журнала «Баптист Украины» за 1927 год: «Здесь присутствует всеми любимый и уважаемый, всегда выслушивающий и вника-

ющий в нужду, много потрудившийся председатель объединения А. М. Букреев». (Он был постоянным председателем совета Средне-Южного областного объединения баптистов, входящего во Всеукраинский союз.)

Родился Алексей Маркович в 1885 году в крестьянской семье в селе Васильковке Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область). В пять лет он остался без отца, что стало причиной многих трудностей в его жизни.

В 1905 году, в двадцатилетнем возрасте, Алексей впервые пошел на собрание баптистов, проходившее в их деревне. Проповедуемое там слово Божье нашло добрую почву в его сердце. В этом же году он обратился к Господу и принял водное крещение.

Сразу после уверования Алексей Маркович стал проповедовать слово Божье. Служители братства усмотрели в нем способного брата и направили его учиться на библейские курсы в г. Лодзь в Польше.

Окончив курсы в 1909 году, Алексей Маркович возвратился в родное село.

В 1910 году община избрала его пресвитером, и брат П. Е. Евсюков рукоположил его на это служение.

Два года Алексей Маркович оставался в родном селе, успешно совершая служение, на которое призвал его Господь. Потом Бог усмотрел расширить поле его служения. Алексей Маркович сам пишет о себе:

1912 год. 1 сентября я переехал на жительство на ст. Гришино, где с помощью Господа удалось организовать общину под названием Гришино-Орловская община русских баптистов. На это обратили внимание православные миссионеры, которые раньше уже со мной были знакомы.

Чтобы спасти веру отцов своих, они стали организовывать кружки «ревнителю» и учили, как нужно бороться с баптистами. Во многих местах мы вели публичные беседы с миссионерами. Для этой цели мы с В. В. Скалдиным составили союз, чтобы помогать друг другу, потому что попы, желая нас запутать, нередко собирались на беседу душ по двенадцать. Воссядут вокруг нас целым синагедрионом и наставляют, многие во время беседы нервничают.

Об успехе этих собеседований не мне судить, но само дело говорит, потому что из этих курсистов и ревнителей многие теперь наши братья во Христе.

Когда началась война, обстановка немного изменилась, во многих местах собрания закрыли, но мы, невзирая на все это, работали как могли. Я по милости Божией высылки не удостоился, полиция ко мне относилась хорошо, особенно пристав, а через него – и другие начальники.

Однажды урядник показал мне тайный циркуляр, где было предписано немедленно сообщить, нет ли в нашей общине проповедников, учившихся в немецких семинариях, и если есть таковые, то сообщить, сколько они получают жалованья и откуда? Я полагал, что они добавят мне содержания, выдадут одежду с бубновым тузом из Николаевского цейхгауза и будет казенный стол, но эта чаша меня миновала. Пристав знал, что я был в Лодзинской семинарии, но, как видно, никому об этом не написал.

Теперь все это отошло в архив преданий, наступило другое время. Недавно нас посетил союзный благовестник В. В. Скалдин, с которым мы посетили многие общины нашего района. Везде имели большие и благословенные собрания, почти везде отпускали для собраний театры, клубы, народные дома и т. д. Многие души обратились к Господу.

29 октября в Петровском заводе крестили десять душ, во время крещения пел Горловский хор (краса и радость всей общины), народа было до двух тысяч душ. В. В. Скалдин говорил слово о значении крещения, а совершал оное – пишуший это. После крещения было большое собрание в заводском училище. Народа было много, слушали Слово Божие со вниманием.

2 ноября посетили Юзовку (сегодня Донецк. – *Прим. И. П.*), где имели ряд собраний, совершили крещение двадцати семи душ, устроили в центре города, в гостинице «Дон», два собрания и совершили преломление хлеба.

17–19 ноября устроили ряд лекций при станции Дружковка Южной ж. д. в театре Донецкого завода и в г. Яковлевском. Здесь братья с великим радушием нас принимали, их мало кто посещает, просили проезжих проповедников не объезжать их. Здесь последняя лекция была сорвана темными людьми, не понимающими еще свободы слова, но потом они утихли, и все окончилось хорошо.

21 ноября я посетил Железнянскую общину. Со мной приехал Дружковский хор, который своим пением принес много радости. Собрание имели в колонии Нью-Йорка в центральном училище. Люди слушали Слово Божие со вниманием.

В настоящее время наша община имеет собрания в Гришино, Енакиеве, Юзовке и Мариуполе; в селах: Гришино, Гродовке, Васильковке, Ново-Экономическом, Ново-Бахмутовке, Железном, Селидовке, Маринке, Очеретини, Григорьевке, Авдеевке, Корсуне, д. Орловке, Красногоровке; на заводах: Горловке, Путиловском; на рудниках: Григорьевском, Горшковском, Рыковском, Провиданском, Щербиновском, Вознесенском и Ртутном.

«До сего места помог нам Господь» (1 Цар. 7, 12). Сердечно просим Союз русских баптистов посылать побольше к нам проповедников.

Всех любящих Господа просим молиться о нас, чтобы Господь ежедневно прилагал спасаемых к церкви.

А. М. Букреев

(Слово истины, № 15-16, 1917)

Перечисленные места собраний, которые имела Гришино-Орловская община, говорят о том, что эти местные общины составляли одно объединение, руководителем и служителем которого был А. М. Букреев. Впоследствии это объединение было названо Средне-Южным районом и вошло в состав Всеукраинского союза.

В 1913 году в Васильковской общине, которая входила в состав Гришино-Орловской общины, был убит В. П. Кисиль. Вот что писали об этом в журнале:

Как овцы, обреченные на заклание

Телеграфное агентство разнесло по всей России известие, будто в с. Васильковке Екатеринославской губернии проповедник евангелистов Рахно зарезал кинжалом проповедника баптистов Кисилья во время происшедшего между ними религиозного спора.

Это событие с самого начала показалось нам совершенно невозможным. В целях выяснения истины нами была наведена справка, и вот что оказалось. Пресвитер той же общины А. М. Букреев, сотрудник покойного Кисилья, пишет следующее:

«Действительно, убит проповедник местной общины баптистов по фамилии Кисиль. Убийца же Рахно принадлежит к православной церкви и ничего общего с сектантами никогда не имел. Убийство произошло следующим образом: 12 мая 1913 г. в дом Нижальского, в молитвенное собрание евангельских христиан-баптистов, которое разрешено Екатеринославским губернским правлением, зашел вышеназванный Семен Рахно. В это время проповедовал В. П. Кисиль. Рахно подошел к кафедре и подал Кисилью какую-то записку, говоря: „Читай“. В. П. Кисиль попросил его обождать и не прерывать богослужения, обещая поданную записку прочитать после проповеди. Тогда Рахно пошел к выходу, но, дойдя до двери, быстро вернулся назад и, подойдя к кафедре, выхватил из-за пояса кинжал и закричал: „Вы заставляете меня употреблять оружие! Тебе говорю – читай!“ Тогда Кисиль, прервав проповедь, стал читать поданную ему Рахно записку, которая была написана на пишущей машинке. Приводим ее дословно:

„Прошу Вас, господин редактор, напечатать мне это письмо. Я был у штундистов и разузнал об их интересах, но их интересы совсем не годятся. У них насмешка с батюшек, с церкви и с Христовой тайны; из икон поругание и насмешка. Я есть дитя церкви, так само, как и Вы есть дитя церкви. Церковь – моя мать, также и Ваша Христова тайна есть мое спасение, иконы есть моя крепость, крест – мой меч. Я вас, господа, не принуждаю, чтобы вы с ними боролись, я их сам сгоню. Они есть враги и супостаты, которые отвергли церковь и Христовы тайны; они есть враги Христа, и Отца Небесного, и святой церкви. Я даю им на покаяние три дня. Если я им скажу, чтобы покались, а они скажут, что не хотят, и будут продолжать, то я им не дам и трех минут. Прошу я вас, господа, грядите за мною и не бойтесь вы ничего. Я их возьму не только с телом, но и с душой, потому что они не только Богом прокляты и Отцом Небесным, но и святою церковью“.

После чтения записки Рахно сказал: „Это не я составлял. Разве я так могу? Но мне дано право убивать вас“. От кого он получил право убивать, он не сказал и ушел.

13 мая он опять пришел к молитвенному дому, который был заперт. Тогда Рахно взял у соседа топор и сбил им висевший замок. Войдя в молитвенный дом, он прибил гвоздями к стене изображение Иисуса Христа и ушел.

Тогда братья заявили об этом местному уряднику, так как находили, что это насилие вопреки Высочайшего манифеста, ибо сегодня он прибил одно изображение, а завтра под угрозой может прибить и другое; таким образом может твориться гнусное насилие над другим вероисповеданием и попираются изданные Государем Императором законы о свободе вероисповеданий. Призывал ли его урядник и говорил ли ему что-либо — нам неизвестно. В это время по какому-то случаю в Васильковку приехал исправник. В. П. Кисиль обратился к нему с просьбой оградить от подобного посягательства и насилия, на что исправник ответил, что он об этом спросит урядника, и этим дело кончилось.

Как видно из происшедшего, местные власти мало заботились о том, чтобы была сохранена общественная безопасность, или совсем об этом не беспокоились, так как им обо всем было своевременно заявлено, но они не обратили никакого внимания.

19 мая все члены общины должны были собраться для общественной молитвы. Некоторые опасались нападения Рахно, а В. П. Кисиль, как добрый пастырь, утешал малодушных словами Христа: „Без воли Бога не упадет и волос с нашей головы“ — и пришел на собрание первый. Когда пришел другой брат, Ильченко, то В. П. Кисиль читал Евангелие и пел. Брат Ильченко обратился к нему с вопросом: „Сегодня, наверно, придет Рахно на собрание?“ — на что В. П. Кисиль ответил: „Да, придет“. Но, ободряя его, сказал: „Уповай на Бога“. Только он сказал это, заходит в собрание Рахно и, посмотрев, говорит: „А! Вас еще так мало, ну так я пойду в то собрание“. И пошел во второе собрание, которое находилось недалеко от первого. Но так как второе собрание было заперто, то он вернулся обратно.

Брат Ильченко все время наблюдал за Рахно, а брат Кисиль спокойно читал Евангелие. Когда брат Ильченко увидел, что Рахно опять идет в собрание, стал просить одного православного, чтобы он не пустил Рахно в собрание, но этого нельзя было сделать, так как он держал в руке кинжал и быстро спешил к своей жертве. Войдя в молитвенный дом, он крикнул на Кисиля: „Вставай, выходи!“ Не говоря ни слова... как безгласный агнец, брат встал на ноги. Тут кровожадный убийца накинулся на него и совершил свой зверский поступок, вонзив ему кинжал прямо в сердце. Все это произошло весьма быстро (в руках убийцы был кавказский кинжал). После совершения своего злодейского поступка он первым бросился

бежать из молитвенного дома и направился в православный храм, где, по слухам, и заявил, что он уже истребил одного врага. Окровавленную руку и кинжал он обмыл в сторожке, где и был арестован. Вслед за убийцею сгоряча бросился бежать и брат В. П. Кисиль, но, пробежав шагов двадцать пять, упал и, истекая кровью, предал свой дух Богу.

После этого сбежался народ, но уже было все кончено. Свидетелями всего происшедшего был только брат Ильченко да еще один православный, который живет в другой половине молитвенного дома.

В народе был пущен слух, как будто баптисты сорвали и потоптали изображение Спасителя, которое прибил к стене Рахно, но это ложь, так как при осмотре молитвенного дома приставом изображение Спасителя висело нетронутым на том месте, где его прибил Рахно. Так что эта ложь обнаружилась перед властями и народом. В народе есть также слух, что убийца — душевнобольной, так как он лет десять тому назад был в доме умалишенных. Если это действительно подтвердится на следствии, то все же хочется верить, что представители власти и закона непременно узнают, в чьих руках он был орудием. Принесенная этим жалким человеком записка свидетельствует, что составитель ее знаком с богословием, так как такие выражения, как „Церковь — мать моя“, „крест — меч мой“, „иконы — крепость моя“, „тайны Христовы — спасение мое“ и т. п., было бы заблуждением приписать душевнобольному. Что это убийство было совершено не в умопомешательстве, а заранее обдуманно, свидетельствует и то, что оно было направлено не против рядового члена, а на проповедника, который был руководителем общины. Хочется верить также, что власти расследуют и то, кто писал эту записку, так как убийца написать ее не мог никоим образом, потому что она написана на пишущей машинке. Кроме того, он сам заявил, что записку писал не он, а ему дано только право убивать. Интересно знать, кто мог ему дать право попираť шестую заповедь Бога и манифесты царя, даровавшего свободу вероисповедания, и обагрять свои руки кровью мученика.

20 мая пишущий эти строки обратился к следователю 3 участка Павлоградского уезда по телефону, прося разрешения похоронить тело резанного, на что получил ответ, что тело будет вскрывать доктор 23 числа, а теперь можно сделать вынос тела во временную могилу.

Получив такой ответ, мы приготовились к выносу тела на кладбище. К этому времени прибыл и пресвитер Лозовской общины В. В. Скалдин. Перед выносом тела говорил слово Божие брат В. М. Сладник как друг зарезанного В. П. Кисиля, причем в основание своей речи он взял 13 стих 15 главы Евангелия Иоанна. Когда стали выносить тело, то сквозь вопль и рыдания осиротевшей семьи и близких друзей покойного послышалось пение гимна «Тяжки и печальны дни».

Во время остановки на пути говорил пишущий эти строки из Исаии 60, 19–21. На кладбище братом Скалдиным было прочитано из Исаии 55: 6–8, причем главная его мысль была о непонятных нам путях Божиих. Во время его речи сделалось общее рыдание, когда он коснулся самого факта убийства. После речи В. В. Скалдина пишущий эти строки опять говорил на текст Иоанна 11: 16, причем была отмечена двенадцатилетняя деятельность покойного брата В. П. Кисиля в общине, который был не только проповедником слова, но и вся жизнь его была также живой проповедью. После этого были поставлены на возвышенное место дети покойного брата Кисиля, которые после мученической смерти своего отца лишились защитника и покровителя и должны теперь с малых лет терпеть различные невгоды жизни. В это время опять поднялось общее рыдание, и, преклонив колени, многие горячо молились Господу.

Того же 20 числа нами были посланы две телеграммы – одна на имя Председателя Государственной думы, другая на имя губернатора – следующего содержания:

„Екатеринослав. Губернатору.

Васильковка Екатеринославской, 19 в собрании баптистов зарезан проповедник православным. Тело на кладбище, и общество ожидает дальнейшего распоряжения.

Представитель Букреев“.

С 20 по 23 число члены общины попеременно находились на кладбище день и ночь. 23 числа в 12 часов дня приехал следователь и доктор. При вскрытии оказалось, что незабвенный брат Кисиль был зарезан кинжалом, который прошел между четвертым и пятым ребром, причем сердце было пронзено насквозь и задета печень.

После вскрытия состоялось погребение, на которое Господь послал также дорогого брата и старого труженика на ниве Божией – пресвитера Астраханской общины Ф. П. Балихина, которым было при

погребении прочтено из Филиппийцам 3, 18–21 и сказано слово на-зидания ко всем верующим.

О дорогом покойном брате В. П. Кисиль можно с уверенностью сказать: „Был верен до смерти“, „Стал жертвою, и время его отшест-вия настало“, „Подвигом добрым он подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится ему венец правды, который даст ему Господь, праведный Судья в день оный“. В нашей памяти он оста-нется незабвенным.

Друг и сотрудник покойного, пресвитер А. Букреев».

Этот факт – тяжелое и страшное событие. Страшно думать, что среди православных христиан нашелся фанатик (может быть, и ду-шевнобольной), который поднял руку на пресвитера христианской об-щины на месте чтения Слова Божия и молитвы. Не менее страшно и то обстоятельство, что в этот случай, по-видимому, замешаны другие люди, которые воспользовались Рахно как слепым орудием.

Но ужас еще более усугубляется тем, что в телеграммах, разо-сланных по России, убийство приписывается самим же сектантам. Кто мог пустить такую неправду?

Не правда ли, что при всех толках о религиозной свободе сек-танты являются и ныне овцами, обреченными на заклание?

(Баптист, № 5–6, 1914)

Отрадно отметить, что верующие не только проявляли со-чувствие семье погибшего за веру в Иисуса Христа, но усмат-ривали и материальную помощь, чтобы удовлетворить нуж-ды осиротевшей семьи. В журнале «Баптист» (№ 9–10, 1914) помещен список пожертвований от разных общин и отдель-ных верующих для овдовевшей жены брата В. П. Кисиль. Благодарность за полученную помощь была подписана так: «Ваша сестра Мария Кисиль. Друг покойного А. Букреев».

В ноябре 1913 года в одной из общин Гришино-Орловско-го объединения было открытие молитвенного дома. Об этом Алексей Маркович писал в то время:

24 ноября Ново-Бахмутовская община баптистов Екатеринослав-ской губернии праздновала открытие молитвенного дома. На это тор-жество приехали В. В. Скалдин, З. Я. Павленко, И. Куропятник и много других. Местные и приезжие проповедники говорили в собраниях на-

зидательные речи. Кроме местного хора пел также и орловский хор.

Из сообщения Г. Чернышенко стало известно, что первым баптистом в селе был Григорий Чужно, которому пришлось перенести много гонений. Но он был тверд в убеждении и часто ездил на собрание за семьдесят пять верст в село Лантуховку. Теперь Ново-Бахмутовская община насчитывает пятьдесят членов.

А. Троцай рассказал о постройке дома. Несмотря на то, что все члены бедны, они решились с молитвою взяться за это дело, и Господь помог преодолеть все затруднения. В постройке участвовали даже неверующие...

Во время собраний изъявили согласие служить Господу четыре души. Все собрания прошли радостно и благословенно. Проповеди, пенье, молитвы изливались от искреннего сердца.

Пусть этот дом молитвы будет местом благословения и возрождения для многих душ!

А. Букреев

(Слово истины, № 16, 1913)

Хорошее впечатление о служении Алексея Марковича оставляет отчет о годовых благовестниках, сделанный на пленуме Совета Союза баптистов в 1925 году.

Букреев Алексей Маркович.

В феврале посетил тринадцать общин Екатеринославской и Донецкой губерний, участвовал в тридцати двух собраниях. В марте посетил десять общин Донбасса и город Одессу, имел двадцать семь собраний. В апреле посетил двадцать три общины Одесской губернии, имел сорок одно собрание. В мае посетил семь общин Екатеринославской и Донецкой губерний, имел семнадцать собраний. В июне работал в семи общинах Донбасса, имел девятнадцать собраний.

В Одесской губернии брат Букреев встретил большие затруднения вследствие необходимости регистрироваться в губисполкоме, окрисполкоме и райисполкоме, причем при каждом отъезде необходимо сниматься с учета в тех же исполкомах, для чего нужно явиться на место нахождения исполкома. (Впоследствии этот порядок был отменен.)

По его наблюдениям духовное состояние Одесского района низкое. Сильно распространено трясуство, особенно в Николаевском

районе, где люди доходят до умопомешательства. Многие старые общины времен Рябошапки, Ратушного охладели, к делу миссии не имеют никакого сочувствия.

О христианах Донбасса должно быть отмечено одно грустное событие: пресвитер Гродовской общины духовно ослабел, вел себя не по-христиански, подвергался увещаниям, а затем, будучи отлучен, ушел к евангелическим христианам и увлек за собою пятнадцать членов.

В мае 1925 года в Харькове проходил IV Всеукраинский съезд баптистов. Алексей Маркович был ответственным секретарем этого съезда, а при избрании правления стал кандидатом в члены правления Всеукраинского союза баптистов.

Ежегодно проходили съезды Средне-Южного района. В октябре 1926 года съезд этого объединения, в котором Алексей Маркович был председателем, проходил в Днепропетровске (бывшем Екатеринославске). Алексею Марковичу предстояло принять пресвитерское служение в церкви этого города, куда он переехал ввиду того, что это был центр Средне-Южного объединения.

В последний день съезда было назначено торжественное собрание делегатов и местной общины по случаю принятия А. М. Букреевым служения пресвитера Екатеринославской общины баптистов. В 10 часов утра молитвенный дом был переполнен. Собрание открыли гимном и молитвою. Приветственное слово на текст из Евангелия Иоанна прочитал брат П. Г. Лев и по случаю торжества в своей речи обратился к местной общине, делегатам и, в частности, к А. М. Букрееву с пожеланиями благословения Божия в труде на Его ниве, на которую призвал каждого Господь, что для Алексея Марковича есть самая Екатеринославская община отдельно и Средне-Южное объединение баптистов вообще.

Я. Ф. Фрезе, горячо приветствуя собравшихся, пожелал благословений в своей речи, в которой обратился к А. М. Букрееву со словами: «Хочу, чтобы та община, куда призывает тебя Господь, дорогой брат, уподобилась бы Фессалоникийской церкви, которая любила Господа и дорожила своими служителями».

Далее, в заключительном слове, брат П. Я. Дацко также выра-

зил чистосердечное пожелание как общине Екатеринославской, так и А. М. Букрееву трудиться для Господа невзирая ни на что, сохраняя мир и любовь к Его делу, доколе настанет вечная пора отдыха для всех трудящихся здесь.

Было зачитано письмо от членов церкви, среди которых А. М. Букреев совершал служение: «...Примите его, как принимали апостола Павла галатийцы (4, 14), ибо он достоин сей похвалы от Господа и от нас. Он пастырь в общине, как отец, любящий своих детей, и учитель, который может наставить и разоблачить всякое невежество и заблуждение. К нуждам других он сострадателен, но свои старается скрыть от других. Он твердый баптист, без колебаний, от начала верования более двадцати лет, окончивший семинарию в Лодзи...»

Далее братья пишут и о других хороших сторонах брата, выражая ему пожелания благословений от Господа. Письмо подписали члены общины и района.

Горячие приветствия выразила и местная община баптистов в лице своих представителей, а также молодежь преподнесла хороший букет живых цветов и пожелала полного успеха в деле Божьем. И еще многие братья и сестры продолжали приветствовать и радоваться. От имени еврейских братьев и сестер поприветствовал его П. Г. Лев, который горячо выразил пожелание и надежду на благословенную работу среди евреев...

Все было в полной радости и торжестве. Брат А. М. Букреев горячо поблагодарил за приветствия, выразил надежду на помощь от Господа, с Которым он будет работать на Его ниве. Затем последовала горячая молитва.

После молитвы прозвучал чудный псалом призыва к труду, и собрание закончилось.

(Баптист Украины, № 1, 1927)

В апреле 1926 года Алексей Маркович участвовал в пленуме Всеукраинского союза баптистов в Харькове, а в декабре принял участие в работе XXVI Всероссийского съезда баптистов, на котором был избран членом Совета Федеративного союза баптистов. В это время ему было сорок лет.

В августе 1927 года Алексей Маркович участвовал в заседании Совета Федеративного союза баптистов. В октябре он руководил съездом Средне-Южного объединения. На этом

съезде отмечалось, что братья собрались на общение уже тринадцатый раз. Первый съезд состоялся в 1912 году. Тогда этот район объединял всего несколько сот верующих. Теперь же в объединении насчитывалось до семи тысяч членов и более семидесяти общин и групп.

В конце 1927 года Алексей Маркович посетил общины далекой Сибири.

У меня уже давно было желание посетить Сибирь, так как братья, переехавшие туда на жительство из Гришино, Васильковки, Дебальцево и других мест Украины, живущие вблизи ст. Исилькуль Омского округа, неоднократно просили посетить их. Еще в 1913 году покойный брат П. Е. Евсюков писал, чтобы я приехал в Сибирь — это была его заветная мечта.

Война, голод и прочее помешали осуществить это желание, и только в этом, 1927 году, Господу угодно было, чтобы наше желание исполнилось. На помощь этому пришел ФСБ, командировавший меня и Н. И. Зюбанова в Сибирь для сбора средств на союзный дом и библейские курсы в Москве.

24 ноября, распростившись с семьями, а также с братьями и сестрами, мы сели в поезд и направились в Москву, а оттуда в Сибирь через Пензу, Самару и Челябинск.

1 декабря мы приехали в Омск. На вокзале нас встретил представитель правления Сибирского союза баптистов В. Т. Попов и с ним еще один брат. Там был уже хороший сибирский мороз.

В Омске мы имели ряд торжественных собраний в большом и красивом молитвенном доме (да будет светлая память построившим его!). Затем посетили Ленинск и Ново-Омск, где я сильно заболел и думал, не придется ли возвращаться домой, но Господь укрепил меня.

Отсюда мы поехали на ст. Исилькуль, где также имели ряд больших и торжественных собраний.

Наконец заветная мечта исполнилась — мы приехали в Евсюковскую общину. С именем П. Е. Евсюкова у меня очень много воспоминаний в духовной жизни: он крестил меня, сочитывал, рукополагал в пресвитера и т. д. Его улыбающийся образ как будто и сегодня передо мной...

Вечером — собрание. После долгих ожиданий, многих пережива-

ний и страшных жизненных потрясений — встреча. У многих на глазах слезы. Хор поет, а потом — горячие молитвы к Богу, как жертва благодарности за столь радостное свидание. Я очень сожалел о том, что в это время отсутствовала жена покойного брата П. Е. Евсюкова: ей сделали операцию на глаз, и она была в больнице.

Здесь мы гостили несколько дней, имели благословенные собрания. Мне никак не хотелось верить, что П. Е. Евсюкова нет в живых, но, посетив его дом, сразу увидел, что отец и хозяин отсутствует.

Отсюда мы с Н. И. Зюбановым поехали в разные районы, по указанию Сибирского союза баптистов. Я с П. М. Гурьевым — в Исилькульский, Славянский, Желановский и Константиноградский районы, а Н. И. Зюбанов с братом Кондрашовым — вверх по Иртышу: в Дружковский, Славгородский и другие районы.

Посетив несколько общин, мы увидели, что хотя в Сибири холод, но сердца наших братьев и сестер горят любовью Христа.

На праздник Рождества Христова в Желановской общине был праздник Жатвы. Несмотря на сильный мороз и буран, приехало много братьев и сестер на это торжество, большой молитвенный дом был переполнен. Два дня были большие и торжественные собрания, пели два хора, в заключение была устроена вечеря любви.

Последнее место, которое мы посетили, — это Новосибирск, столица Сибири. Здесь находится правление Сибирского союза баптистов, председатель которого, А. С. Ананьин, в это время отсутствовал; его заместитель Ф. Г. Патковский нас любезно принял.

Здесь мы также имели ряд благословенных собраний. Перед нашим отъездом сюда приехал Д. Ф. Сапожников с Кавказа, так что здесь состоялась встреча Сибири с Украиной и Кавказом. 6 января мы имели здесь прощальное собрание, которое Господь особо благословил; хочется верить, что в результате оно принесет плоды для вечности.

Братья и сестры Новосибирской общины проявили особую щедрость при подписке на союзный дом и на библейские курсы в Москве, жертвовали со слезами радости и молитвою. Один брат, вручая мне 3 руб., сказал: «Это от моего сына. Может, Бог даст, что и он попадет на эти курсы, мне это очень хочется», и по щекам его покатились слезы.

7 января Ф. Г. Патковский и Д. Ф. Сапожников проводили нас на вокзал, где, простившись с ними, мы сели в поезд и поехали домой.

По пути мы снова были в Москве, где посетили библейские курсы и канцелярию ФСБ в новом помещении. Порядок и вся обстановка на библейских курсах производит самое отрадное впечатление. Мы внутренне благодарили Господа за это и просили об их процветании во славу Божию.

Поездом мы проехали около десяти тысяч верст и несколько сот верст на санях лошадьми.

За эту поездку мы приносим нашу сердечную благодарность Тому, Который нам сопутствовал и сохранил от зла.

Какое ободрение и подъем духа принесло наше посещение для Сибирского братства – это известно Богу и тем общинам, где мы были.

А. Букреев

(Баптист Украины, № 5, 1928)

В мае 1928 г. в Харькове проходил V Всеукраинский съезд баптистов. На нем Алексей Маркович был избран заместителем председателя Всеукраинского союза.

Летом этого года Алексей Маркович в составе делегации Федеративного союза баптистов участвовал в IV Всемирном конгрессе баптистов в г. Торонто (Канада).

Свободная деятельность верующих все больше и больше раздражала советских атеистов. Собирались черные тучи жестоких репрессий. В конце 1928 г. первым из союзных работников был арестован Алексей Маркович Букреев. Его обвинили в шпионаже.

Дело в том, что брат Н. Л. Кириченко, уезжая в Бразилию, разослал верующим Средне-Южного района инструкции о переезде в Бразилию, указал в этих инструкциях без согласия Алексея Марковича его адрес, чтобы к нему обращались за братским советом. Когда к Алексею Марковичу стали поступать письма из разных концов страны, то он поместил в журналах «Баптист» и «Баптист Украины» объявление, что совершенно этим вопросом не занимается, уговаривая верующих не оставлять свои родные места. И все же это было использовано, чтобы обвинить его в шпионаже.

В 1929 г. Алексея Марковича Букреева не стало среди живущих на земле.

На съезде Средне-Южного района в 1927 г., за год до своего ареста, Алексей Маркович говорил короткое заключительное слово, в котором призывал уповать во всем на силу всемогущего Бога, под

руководством Которого надо переходить от силы в силу и от победы к победе, направляя путь в Небесный Ханаан.

(Баптист, № 1, 1929)

Наверное, не представлял еще тогда дорогой брат, через какую борьбу ему придется пройти к окончательной победе и как близко он к Небесному Ханаану. Он ушел из этой жизни, когда ему было всего сорок четыре года. Однако он много потрудился, имея обильные благословения от Господа. Именно о таких сказано: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ

...Мои песни – пионерам дела Божья на Руси,
Тем, кто жизненным примером
В тьме мертвящей свет несли,
Кто церковные обманы не боялись бичевать
И под звон кандалный, в ранах
К правде скорбных братьев звать.

(«Мои песни», И. Ф.)

Теперь, когда наше братство в СССР, вспоминая крещение первого русского баптиста Никиты Исаевича Воронина, празднует свой победный шестидесятилетний юбилей, когда мысли и чувства верующих останавливаются у начальных граней Тифлисской общины на берегу реки Куры, в радостных волнах торжественных песнопений встает передо мной образ одного из немногих самоотверженных страдальцев, славных пионеров русского баптизма – Прокофия Евгеньевича Евсюкова...

Скромный и преданный до самозабвения делу Христа, он хорошо известен братству Украины, Кавказа и Сибири. И теперь, после отшествия брата в обители мира, его кандалы гремят еще сильнее и настойчивей, от его подковообразных телесных язв веет беззаветной любовью к омраченным тенетами религиозных суеверий крестьянским массам, уведенным вождями религии от живого Христа и Евангелия.

Гремите же, кандалы, пойте громче свои непередаваемые чудные песни любви и огня и горячим дыханием страданий согревайте путников в небесную страну!..

I

В Екатеринославской губернии, по реке Волчьей, окруженное ароматами привольных украинских степей, все в садах, раскинулось православное село Дебальцево. Религиозные веяния мистического сектантства семидесятых годов коснулись своим дыханием зачумленных казенной верой людей, и Дебальцево приобщилось к хлыстовству.

В эти знойные годы исканий Кальвейт в Закавказье крестил Воронина, а на Украине со словом евангельской истины выступили Цимбал, Рябошапка, Ратушный и другие. Росла и крепла истинная Церковь Христа...

Случайно Дебальцево посетил брат Четекин. Одной его обстоятельной беседы с членами двух хлыстовских семей И. С. Берковского и В. Т. Сачкова оказалось достаточно, для того чтобы они оставили заблуждение и обратились к Господу, «перешли в штунду»...

Били «антихристов», и били сильно. Бил и священник, и простые ревнители, били и мужчины, и женщины. Особенно отличился один молодой человек, о котором местный поп сказал после беседы:

— Вот Евсюкова никто не втянет в баптистскую веру!

Сын православной семьи, 1863 года рождения, Евсюков «твердо был наставлен в отеческих преданиях». С детства пел в хоре, исполнял обязанность иподиакона и в пылу ревности, как Савл, терзал верующих...

Все чаще и чаще происходили беседы, и все больше сомнений приносили они в большое сердце Прокофия. Евангельское слово о спасении, о поклонении иконам, о крещении младенцев и других предметах разбивало традиционные убеждения. Он стал входить в пререкание с батюшками. А истине противился, воспевал кондаки с тропарями и продолжал принимать участие в изгнаниях баптистов.

Исход все же близился.

Весной 1885 года Евсюков переселился на хутор Лихачева, в трех верстах от Павлограда. Поля одевались бархатистой зеленью молодых злаков, когда Прокофий сделался христианином...

Спутав коней, он с уздечками и большой палкой пришел на собрание баптистов. Проповедовал Четкин. Господь смирил буйные страсти грешника: увлеченный Христом, бывший ревнитель православной церкви в ту же ночь, с уздечками в руках, забыв про дом и хозяйство, уехал с проповедниками на хутор Зайцево. Здесь и началась для него новая жизнь...

Весть о переходе Евсюкова в «бесовскую веру» всколыхнула окрестности. Потянулись с разных концов Екатеринославщины жаждущие души, истомившиеся в поисках жизни Божьей. Всех интересовал вопрос: почему он оставил православие?

Огненные речи говорил новообращенный, бесстрашно срывал с блудницы золотые ризы суеверия. И каялись люди, оставляли веру отцов и радостно вступали на путь сочетания с небом.

Миновало лето. Белоснежным саваном покрылась земля, и холодом нетерпимой злобы повеяло от прежних единоверцев. Наступил февраль 1886 года.

В один из длинных зимних вечеров Евсюков беседовал с приехавшим к нему недавно уверовавшим братом С. Т. Жук. На улице слышались торопливые шаги нескольких десятков ног и шумные выкрики пьяных голосов. То сатана, возбудив зависть попов, вел свой отряд: двадцать семь здоровенных мужчин сговорились «прибить баптистов». Рвась попасть на двор, они свое решение тотчас исполнили бы, но любезное приглашение в дом связало руки буянам. Сконфуженно они вошли и слушали чтение Евангелия и объяснение истины о всеобщем спасении.

– Неужели и цыган, если покается, в Царство попадет? – удивлялись они.

Была глубокая ночь, когда они пошли по домам. Дорогой кто-то сказал:

– Что мы за дураки? Шли бить, а вышло: слушали баптистов!

Остановились, одумались. Мгновенно закипела черная злоба, и бешеным потоком ринулись они снова к той же хате.

– Выходите!..

Братья вышли. Несколькими ударами их сбили с ног и сгрудились около «главного беса». Били насмерть, плясали на нем, вырывая железными подковами сапог куски окровавленного тела. Двадцать семь человек бесновались около беспомощной жертвы.

– Бей, за них ни суда, ни греха!..

Еле открывши разорванный рот, с окровавленной и разбитой головой, Евсюков проговорил:

- Христос сказал: «Не бойтесь убивающих тело...»
- А он еще и беседует!

И расправа продолжалась: опять стучали кулаки по голове, а на теле увеличивались подковообразные язвы. Били до тех пор, пока Прокофий Евгеньевич не сделался недвижим.

В это время один из «управщиков» вбежал в хату и, вырвав из рук сестры Евсюковой годовалого ребенка, злобно бросил его об косяк и иступленно крикнул:

- И этого надо убить! И этот вырастет, и будет баптистом! Кровью окрасился порог избы...

На рассвете в дом внесли страдальца – изуродованного, без признаков жизни. Борьба за жизнь длилась несколько недель. Два месяца больной не открывал глаз. И лишь когда золотились павлоградские поля поспевающей пшеницы, почти через полгода, Евсюков встал.

Над ревнителями «святой веры» повисла угроза шестилетнего тюремного заключения. Все двадцать семь явились к брату и со слезами говорили:

- Прости, Прокофий... Больше не только тебя, никого трогать не будем...

Можно ли не простить?

Снова Евсюков говорил им о любви Божьей. Осенью все они, за исключением трех, увидели свет Евангелия, крестились по заповеди Христа и из ярых гонителей превратились в гонимых детей Божьих.

В течение пятнадцати лет самоотверженно трудился на ниве Божьей Прокофий Евгеньевич Евсюков, проповедуя Евангелие в Екатеринославской, Херсонской и Харьковской губерниях. Особенно любил беседовать со священниками. Спасаясь от преследований Победоносцевской клики, в 1895 году Прокофий Евгеньевич бежал на Северный Кавказ. Жил в Хасавюрте и Грозном. Неумолкаемо свидетельствовал он о Господе.

В 1897 году Евсюков вернулся в Дебальцево.

II

В 1901 году, после большого религиозного пробуждения среди жителей на ст. Софиевка Екатеринославской ж. д., с весен-

ним перелетом лебедей, были приняты и крещены семьдесят человек. Такой очевидный успех баптизма всполошил «худосочных батюшек». В епархию посыпались письма, жалобы, заявления и донесения. Медлить было нельзя: рабочие массы, и без того равнодушно относившиеся к господствующей религии, под влиянием проповеди баптистов резко меняли курс.

Срочно организовали диспут. Собралась многотысячная толпа народа. Прибыло одиннадцать священников и двенадцатый – тучный, бывший генерал-майор, епархиальный миссионер Дородницын.

Обращаясь в сторону «еретиков», миссионер спросил:

– Евсюков, вы молитесь за умершую цареву бабушку?

– А вы молитесь? – в свою очередь спросил брат.

– Молимся, – ответил один из одиннадцати.

– А вы пользуетесь царевой бабушке этим делаете?

– А как же!

– Расскажите нам, пожалуйста, – сказал Прокофий Евгеньевич и обратился к публике: – Слушайте все внимательно. Священник будет доказывать пользу их молитвы за умершую бабушку!..

Женоподобный муж начал говорить. Изрядно потел и ничего не сказал по существу. Присутствующие стали волноваться. Послышалось:

– Не докажешь! Не докажешь!

На помост вышел другой батюшка, побормотал-побормотал немного и тоже ничего не сказал.

В эти минуты к центру пробрался брат К. Фильбрандт из немцев и с акцентом произнес:

– Вы только баптистов душийте! Сами сколько брюки на партах протирали, а баптистам ничего не докажете...

Поднялся смех. Фильбрандту аплодировали.

Батюшки запели «Достойно есть яко во истину».

По водворении тишины Евсюков сказал миссионеру:

– Вы пропели «достойно во истину», а вы сами-то достойны истины?

– Нет, мы грешны... – ответил миссионер.

– Зачем же вы тогда кощунствуете? При крещении младенцев вы открываете свой рот и, дыша на ребенка табачным духом, говорите: «прими Духа Святого», а у самих, грешников, только табачный дух... По Писанию, читайте 3 главу Первого послания Иоанна, кто грешит, тот сын дьявола. Значит вы, господин миссионер, сын дьявола?

Гром аплодисментов заглушил последние слова Евсюкова. На лбу миссионера выступил крупный пот. Трясаясь от сильного гнева, он молчал. Кто-то в рядах закричал:

— Тащи его, дьявольского сына, буйвола здорового!..

Последствием этой беседы по клеветническому доносу Дородницына явилась для брата Евсюкова пятилетняя ссылка в Сувалки (прусская граница). Арестованный осенью 1901 года, он с кандалами на руках и ногах через ряд центральных тюрем дошел до Польши.

В польско-еврейском городе он долго не мог найти пристанища. Ссылный... Все сторонились. Однажды его, заснувшего под забором, разбудил городской и после его объяснения ответил:

— На ночь в уборную при полицейском управлении...

Вскоре прибыла семья. Нужда. Презрение сувалчан. Слезы детей. Кандалные раны, страдания... Наконец, работа при таможне за 20 коп. в день.

III

По отбытии ссылки Прокофий Евгеньевич вернулся в Дебальцево и, приняв предложение немецкого братства, семь лет нес евангельскую весть спасения украинскому народу.

В десятые годы на Украине появилась тяга в Сибирь. Действовала мысль: «Попов-предателей там нет, одни киргизы».

Вместе с другими Евсюков перешагнул Донские и Волжские воды, перебрался за горные утесы Урала и в одном местечке Западной Сибири (тридцать верст от ст. Исилькуль Омской ж. д.) в 1911 году основал хутор, названный после его именем — «хутор Евсюков».

Однако желанная свобода не настала. Летом 1912 года в селе Ново-Николаевке Евсюков, ехавший по делу земли с братом Марьенковым, неожиданно наткнулся на крестный ход, руководимый пьяным попом Утинского прихода. С ним у Евсюкова состоялся разговор...

После этой встречи для брата Евсюкова готовился новый удар. Духовный отец при помощи лжесвидетелей создал крупное дело об «избиении священника». Жестокая кара царской церкви ожидала служителя Христова. И он, взятый на время следствия на поруки, по совету братьев убежал.

Спасался в башкирских степях Самарской губернии.

IV

Счастливой для Евсюкова весной 1917 года ехал он домой под звуки песен революционной России. Мимо поезда бежали свободные струи порожистой Симки, и свободно митинговал ветер над Уралом. Светлело на сердце: «Домой!»

И когда в кругу близких братьев и сестер он рассказывал о своих испытаниях, старушка сестра сказала:

– Споем, отец...

Подходили ближе дети, внуки и внуки. И над всеми голосами раздавался победный голос Прокофия Евгеньевича:

...За свободу веры
Лили слезы мы,
Испытали в мире
Ссылки и тюрьмы...

Быстро, быстро катились по лицу крупные слезы воспоминаний. Зачем они?

...Были в заключение,
В горе, в нищете,
Под судом гонений,
В смертной тесноте...

Росла и крепла Евсюковская община...

И. Бондаренко (Филадельфийский)
(Баптист Украины, № 10, 1927)

ЯЩЕНКО МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Когда Михаил Федорович ушел в мир иной, журнал «Баптист» сообщал:

Да, еще один труженик почил, и еще одним работником стало меньше! Эта утрата эхом отзовется в сердцах всех, знавших его, и горечь ее испытают также те, кто слышал хоть раз этого вдохновенного проповедника. Его простая и чуждая всякой искусственности речь, спокойно лившаяся и ясно излагавшая основную мысль

избранного текста, имела свою красоту и доставляла слушателям живое назидание и духовную пользу.

(Баптист, № 14, 1910)

Родился Михаил Федорович примерно в 1869 году. Некоторые подробности его жизни известны из его собственных записей.

Жил я на окраине Киева на Саперной слободке. Родители мои были бедны, учить меня не могли. В одиннадцать лет я поступил учеником к маляру и зарабатывал в день до 30 коп. Позже я стал хорошим маляром-живописцем и заработок мой увеличился настолько, что я мог позволять себе всякие излишества. Я постепенно стал погружаться в пороки и пучину греха.

И все же я называл себя христианином. В подтверждение истинности своих слов я готов был пустить в ход кулаки. Ругая постоянно католиков, лютеран и евреев, я подчеркивал, что я — православный христианин. Только позже открылись мои глаза и я понял, что на языке был христианином, а в жизни — язычником.

Двадцатилетним юношей я был пропитан грехом, предавался нечистоте, похотям, разврату, пьянству и т. д. На работе я заведовал двадцатью малярами, которые работали хуже меня, и гордился своим умением. Сквернословил я ужасно, и на каждом шагу. Однажды я хотел выругаться, но мой помощник остановил меня. Я знал, что он ходит к штундистам, и сказал:

— Это только штунды не могут, а мне ты не указывай!

— Михаил Федорович, неужели только штундисты не должны ругаться? Они этого не делают, потому что читают Евангелие,— ответил он.

Тогда я был еще настолько невежественный, что считал нелепостью читать Евангелие. Но все же было обидно, что он штундистов называл истинными христианами, и, чтобы сязвить, сказал ему:

— Ты тоже штунда!

— Нет, вы мне этой чести не приписывайте,— ответил он. — Вы знаете хорошо, что я тоже ругаюсь, курю, пью водку.

— Почему же ты меня остановил? — спросил я.

— Думаю, что вы молодой еще и слово Божие к вам скорей привьется, и вы будете истинным христианином.

Я хотел ему противоречить, но не мог, ибо был неграмотным, а он

знал грамоту и читал Евангелие. Тогда я очень пожалел, что родные не научили меня читать. А то бы я доказал ему его заблуждение.

Мой помощник предложил свои услуги, и мы начали по вечерам изучать азбуку. В две недели я научился читать, и Евангелие открыло мне мое заблуждение.

В 1889 г. я, живя в Киеве, обратился к Господу. Вместе со мною уверовали: А. Раевский, Д. Правозеров, Ю. Борецкий и И. Кушнеров. Мы стали безбоязненно проповедовать слово Божие в собраниях, на улице, на работе, дома. Родители восстали против меня и говорили:

– Лучше бы мы видели тебя пьяницей и кутилой, чем штундой!

Но потом покаялись мой отец, мать, сестра, тетка и ее муж.

Целых шесть лет меня сильно преследовали противники, но я все преодолел.

В двадцать восемь лет я женился. Мы венчались не в церкви, а нас считывали братья, что вызвало много шума. На третий день после свадьбы меня с женой арестовали и посадили в кутузку в разные камеры, где продержали двое суток. Потом нас выпустили и приказали, чтобы мы не жили вместе. Конечно, мы этого приказа не исполнили, и Господь устроил нашу жизнь по-Своему.

Когда у нас родился ребенок, то его хотели насильно крестить, но в беседе со мною не могли устоять против моих доводов и оставили меня в покое...

Потом я девятнадцать лет работал в Киеве для Господа. Дело Божие быстро развивалось, и Господь меня благословлял.

За последнее время я посетил много общин верующих в Господа, более восьмидесяти, из которых большинство имеет слабое духовное воспитание по причине недостатка проповедников и средств. Наши братья еще не доросли до того, чтобы поставить себе святой обязанностью жертвовать на дело Божие по силам и сверх сил.

Будем молить Господина жатвы, чтобы Он выслал делателей на ниву Свою.

М. Ф. Яценко

(Слово истины, № 23, 1914)

При свете и впотьмах

В предместьях Киева, на Саперной слободке, однажды вечером собралась толпа. Жаркий летний день клонился к вечеру.

В близлежащих садах цикады начинали свою ночную бесконечную песню; соловьи тоже пробовали голоса, приговариваясь залиться гимном хвалы Богу. Толпа женщин и подростков, не обращая внимания на природу, о чем-то оживленно разговаривала. Слышались слова «Бог», «Евангелие», «иконы». К толпе подошла толстая старуха.

— Тетка Ирина, а тетка Ирина! — обратилась к ней женщина. — Ты лучше знаешь, как Михайло Яценко перешел в штунды, расскажи нам.

— А ты, Саша, откуда слышала это? — спросила Ирина молодую курносую женщину.

— Я вчера видела саму Ящиху, и она мне со слезами рассказывала, что он уже ни водки, ни вина, ни пива и в рот не берет. Видно, его погубил Крамков, вы, наверно, его знаете? Хорошие деньги взял. Мать Яценки говорила, что уж пусть бы лучше пьянствовал, ругался и дрался, только бы не ходил на эти собрания, а ходил бы в церковь. Вчера Ящиха призывала в дом батюшку и расспрашивала, не будет ли им грешно, что их сын перестал молиться по-нашему и говорит, что он маляр и сам умеет иконы рисовать. Батюшка выслушал жалобу родителей и говорит: «Как же он смеет не поклоняться иконам, когда и в Евангелии говорится о нерукотворенном образе?» Видите, а этот человек и не знает того; ему нужно показать, чтобы он знал... А вчера я сама слышала, как батюшка говорил, что его нужно взять, связать да хорошенько всыпать палкой, чтобы он не блудил там по каким-то собраниям, а то уж очень захотел сделаться святым.

По улице проходило несколько мастеровых, которые и остановились около беседовавших женщин. Один из них, полупьяный, Николай Афанасьевич Тараненко, начал кричать:

— Что это за новое учение такое? А? Что это за собрания такие? Это значит изменить веру отцов наших... Нет, как верили отцы наши, так будем верить и мы. Мы должны поддержать веру отцов наших! Правда, тетка?.. Слушай, Корней Алексеевич, в это воскресенье мы должны пойти в собрание и разбить их и дать им такое собрание, чтобы помнили и знали, как изменять отцовскую веру. Ну, так как же?

Все женщины умолкли и слушали Тараненко и другого мастерового, поддерживающего того.

— Верно, их нужно прямо убивать. Они Бога не признают, иконам

не поклоняются, а только свое Евангелие и Библию читают. Я слышал в церкви, как священник говорил, что у них не такое Евангелие, как у нас, и в доказательство велел арестовать их. Евангелие у штундиста Ивана Правика...

– Мы не должны это так оставить, – заговорили женщины.

– Расправиться! – кричал Тараненко. – У них в это воскресенье будет собрание у старухи Пеньковой. Давайте возьмем четверть ведра водки, выпьем, и тогда пойдем покажем им, как отвергать веру отцов...

Казалось, что все были готовы начать избиение сейчас же. Некоторые женщины даже испугались. Но вот заговорил Корней Алексеевич, который обратился к Тараненко со словами:

– Послушай, Николай Афанасьевич, мне немного непонятно, почему ты считаешь их заблудшими и за что им нужно задать хорошенько?

– Да они изменили вере отцов, потоптали закон, избрали себе незнамо что, – крикнул Тараненко.

– Но укажи, что преступного они делают? Нужно найти вину, а потом осуждать.

– Разве и ты уже хочешь заступаться за них?

– Нет, я не интересуюсь ими. Ведь ты знаешь, что я также водочку пью, как и ты. Только сегодня ты выпил, а я нет, вот между нами и разница, потому что у меня светлая голова, а ты немного хмельной.

– Ну и что ж, хотя я и хмельной, а все же скажу, чем они плохи: иконам не молятся – раз, рукой не крестятся – два, в церковь не ходят – три, детей не крестят – четыре, причастия не принимают – пять, Богу не молятся – шесть, постов не соблюдают – семь и во Христа не веруют – восемь. Нас называют пьяницами и с нами не ведут компании, считая нас за плохих людей.

Корней Алексеевич рассмеялся и дружески ударил собеседника по плечу.

– Хотя я и не таков, как они, все же тебе отвечу на некоторые вопросы. За водочкой и картами нам некогда говорить об этих предметах, и мы не заглядываем в Священное Писание, а то бы ты знал вторую заповедь. И о крестном знамении ничего не говорится ни в Ветхом, ни в Новом Завете. Ни Христос, ни апостолы этого не делали, а поэтому штундисты и отвергают это. В церковь же они если и пойдут, то их прогонят, считая еретиками. Притом они говорят, что

не понимают славянского языка. Детей не крестят тоже потому, что в Слове Божием находят только крещение взрослых. И причастие принимают только так, как написано — сначала хлеб, потом вино, а не вместе. Что они молятся — об этом скажет всякий, кто знает их ближе. Посты они тоже соблюдают, только пост у них не в том, что они переменяют пищу, а в том, что в назначенное время они ничего не едят...

Тараненко покраснел от негодования, сжал кулаки и двинулся на соседа, но тут выступили другие и отстранили его.

— Во Христа же они настолько веруют, что их судят, штрафуют, сажают в тюрьмы, разлучают мужа с женой, детей с родителями, а они остаются твердыми,— закончил Корней Алексеевич.

— Э, да я вижу, что ты тоже начитался Библии и тоже стал штундой! — воскликнул Тараненко.

— Нет, я не штунда, а православный, но желаю справедливости. Посмотри на них, какими они были раньше? Возьми, например, Ивана Правика. Это был ужасный пьяница и разбойник, а теперь он стал совершенно другим человеком. Возьми Михаила Яценко, разве вы не знаете, что это был за ужасный человек, неприступный, а теперь стал тихим и спокойным. Я больше не буду говорить о них, чтобы не подумали, что и я такой. Но я не могу принадлежать к ним по многим причинам.

— Нет, их нужно побить всех, чтобы они не порочили веру отцов,— продолжал твердить Тараненко.

Собеседники еще долго спорили. Стало уже совсем темно, когда они разошлись. Во многом они не согласились и расстались в натянутых отношениях, но все же пожали друг другу руку.

— Мы все же выпьем водки и придем в собрание, чтобы отомстить за измену.

Корней Алексеевич и другие не советовали делать этого, ибо побоями своей правоты не докажешь. С этими словами и разошлись.

I

Собрание в квартире Пеньковой на Саперной слободке вышло большое. Пришли верующие и из города. Всего собралось душ тридцать пять. Явился также и Николай Тараненко со своими товарищами. Все вместе пропели:

От сна восставши, пред Тобой,
Творец мой, предстою
И со сердечною мольбой
К Тебе я вопию.

Потом один из братьев прочитал 1 Петр. 3: 8-13, причем особенно выделил слова: «Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему, потому что очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их, но лицо Господне против делающих зло (чтобы истребить их с земли). И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?».

Все преклонили колени, и многие молились, благодаря Бога за Его вечную любовь и дарованное познание истины. Когда все сели, то снова запели:

Отче наш, благослови
Благовестие Твое,
Дай понять нам все слова,
Повеления Твои...

Настроение у всех было возвышенное, радостное. И только Николай Тараненко держал себя вызывающе, но потом и он затих.

Первым стал говорить В. Сидоренко. Он открыл Евангелие и прочитал: «То вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» (2 Петр. 1, 5-7).

Основная его мысль была: нужно не только рассказывать о своей вере, но и показывать плоды веры, что является прямой обязанностью христианина. Говорил долго и просто. Слушали все внимательно.

После пения и молитвы все хотели было уже расходиться, но Тараненко громко закричал:

– Почему вы не молитесь иконам и не творите крестного знамения, вероломы этикие?

Среди собравшихся выступил вперед И. Г. Правик и сказал:

– Послушай, Николай, ты сказал, что мы вероломы и поломали отцовскую веру. Но мне хочется знать, кто ты такой? Веруешь ты во Христа или нет?

– Я еще с детства христианин.

– Слушай, ты не разгневайся на меня, что я тебе скажу,– ты только на бумаге христианин!

– Как ты смеешь обо мне так говорить? – стуча себя в грудь кулаком, закричал Тараненко. – Я тебе за это зубы повыбиваю!..

– Видишь, какой же ты христианин, если хочешь за Бога заступиться и выбить мне зубы. Бог не требует такого служения! Теперь я тебя спрашиваю еще раз – ты христианин?

– Я молюсь, крещусь, говею, пощусь,– более мягко произнес Тараненко.

– Все это можно делать, будучи христианином на бумаге,– наставительно произнес И. Правик. – А ты послушай, что такое христианин. Ты на прошлой неделе семью разогнал, жену побил, окна повыбивал, одежду на себе порвал и с соседями поругался. Да и теперь пьяненький. Ну что это за христианство такое? А ты лучше не бей себя в грудь и мне не бей зубы, а давай помолимся Богу и поговорим о Слове Божьем, вот тогда ты узнаешь, как надо жить!

Тараненко притих и стал как ягненок.

– Послушай, что говорит Слово Божье об истинном христианстве: «Ибо довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь нечистотам, похотям (мужеложству, скотоложству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению». Видишь, какие дела у язычников? Апостол Павел говорит: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют».

Все притихли. Тараненко прослезился и сказал:

– Что же тут делать? Значит, мы пропали? Мы не знаем нашего пути...

– Видишь, кум, до чего мы дожили, что и ответить не можем,– произнес Антон Дмитриевич, товарищ Тараненко.

– А разве можно понять что по-славянски? – заметил третий товарищ.

Правик открыл 1 Кор. 6, 9–12 и дал Тараненко, который прочитал: «И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего».

– Видишь, «такими были», а теперь стали другими. Это Господь делает и с нами,– дополнил Правик.

Тараненко попросил записать эти места ему на бумажку, чтобы дома проверить, так ли написано в его Евангелии.

Наконец беседа закончилась, и было решено вечернее собрание устроить в нашем доме. С тем и разошлись.

II

Когда Николай Афанасьевич Тараненко вернулся домой, жена и дети его были в удивлении. Он, против обыкновения, явился почти трезвым. Он был угрюм и беспокоен, но не злой, и отрывисто приказал жене подавать на стол. Обед прошел чинно. На столе, против обыкновения, не было водки. Хозяин был молчалив, и все молчали.

После обеда Николай Афанасьевич принялся за поиски Евангелия, которое и нашел наконец после долгих усилий где-то за печкой в не особенно опрятном виде. Переплета на нем не было и многих листов не хватало. Он сбил с него пыль и, вытерев тщательно, положил его на стол, а потом, достав из кармана записку, начал внимательно просматривать Евангелие, перелистывая и отыскивая те места, которые были у него отмечены в записке. Потом позвал мальчика:

— Карпуша, а, Карпуша! Сбегай-ка к Корнею Алексеичу да попроси его зайти ко мне с книгой. Скажи, папа зовет, а также позови Антона Дмитрича и Ивана Ивановича, да живет!

Мальчик побежал, и через полчаса у Николая Афанасьевича собрались его друзья. Кроме приглашенных пришло еще несколько других, прослышавших, что он был на собрании. Все интересовались, что видел и слышал Тараненко на собрании, что он там делал. Все знали его буйный нрав, а Корней Алексеич помнил, с каким намерением отправился тот на собрание, и был очень удивлен, когда Тараненко встретил его словами:

— А ведь ты был прав, Корней Алексеич! Я хоть и был вчера пьян, а все-таки помню, что ты мне говорил. Да, твоя правда, я — пьяница и больше ничего... Я пошел было разбить их собрание, а они разбили меня. Я думал, правду говорят люди, что это нехристи и что Евангелие у них другое, а теперь вижу, что нехристи-то не они... А Евангелие-то у них действительно другое. Как посмотришь, как они бережно да любовно с ним обращаются, а я вот свое еле-еле за печкой сыскал. Вот, посмотрите, в каком виде нашел его,— и он указал на лежавшее на столе истрепанное, запачканное Евангелие.

Все рассмеялись. Завязался оживленный разговор о собрании, о том, что видел там Николай Афанасьевич. Он с жаром передавал, как поразили его молитвы, которые он там слышал, чтение Слова Божия и сами молившиеся и читавшие.

— Да, друзья,— сказал Корней Алексеевич в ответ на его рассказы,— как послушаешь, что люди про них болтают, да вспомнишь, какими большинство из них было прежде и кем стали они теперь, так поневоле задумаешься. Ведь мы все знаем Правика. Ведь такого разбойника сыскать только надо было. Разве только Михаил Яценко был ему под пару, хоть и моложе его. А посмотрите, что это за люди теперь! Ведь у Правика или у Сидоренко в доме чистый ад был. Чай, помните, как, бывало, возвращались они пьяными домой? Они — в хату в дверь, а жены и дети — из хаты в окно.

— А кто из нас теперь так хорошо да тихо и мирно живет, как они? — поддакнул один из собеседников. — Дай Бог, чтобы все мы так жили!

Все подтвердили справедливость этих слов.

— А что, ты один был на собрании или с кем-нибудь? — спросил один из посетителей у Николая Афанасьевича.

Тот сидел задумавшись и не отвечал.

— Что же ты молчишь? — спросил его Корней Алексеевич. — Или не слышал там ничего?

— Да он, братцы, настолько пьян был,— рассмеялся один из собеседников,— что, вероятно, проспал все время и ничего не помнит.

— А вот и врешь,— ответил ему, улыбаясь, Антон Дмитриевич. — Я хоть и пьян был, а помню, как Правик читал из Евангелия, что пьяницы и блудодеи Царства Божия не наследуют... А попадем ли мы туда с тобой?.. Это не выходит у меня из головы. Все мы никуда не годны. Вы говорили здесь, что Правик или Яценко были никуда не годными людьми, а разве мы лучше их? Теперь они стали другими, а мы продолжаем идти по старой дороге...

— Теперь пять часов,— прервал его Николай Афанасьевич,— а в шесть собрание у Яценко. Я пойду туда. Если хотите, пойдемте вместе. Нужно собираться уже, потому что надо раньше прийти, чтобы захватить места. Многие, я слышал, хотели пойти. Пойдем что ли?

Все согласились и стали собираться.

Маленький домик Яценко, стоявший на окраине слободки, весь утопал в зелени. Из общей комнаты была удалена вся мебель.

К шести часам народу собралось столько, что все не могли поместиться и многим пришлось стоять в дверях и у открытых окон.

— Ишь сколько их, нехристей, собралось здесь,— говорили некоторые, подходя к окнам. — Давайте подожжем хату, и они все сгорят.

— Мы вам так подожжем, что тошно станет,— отвечали другие.

— Веру нашу поломали!

— Ну и уходите себе!

Пробило шесть. Раевский предложил спеть и громко прочитал:

Полный муки, и томленья, и святых обильных слез,
Вот Господь в часы боренья руки чистые вознес.
Близка смерть, настало время, пот с лица Его бежит,
Вдохновенная молитва в страшный час Его крепит.

Во время пения разговоры стихли, и Иван Правик начал читать: «И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Иоан. 12, 47–48).

По приглашению Правика все встали, и многие молились. Столпившиеся у окон старались поднять голову как можно выше, чтобы все видеть. Потом опять запели:

Приди, друг, к Иисусу,
Как есть, во всех грехах...

За стол встал пишущий эти строки. Прочитал третью главу Евангелия Иоанна о том, как Бог Отец послал Своего Единородного Сына в мир, чтобы спасти его. Во время перехода израильтян через пустыню на них напали змеи и начали умерщвлять их. Тогда народ обратился к Моисею за помощью. И Бог повелел Моисею выставить на древе медного змея, причем всякий ужаленный должен был взглянуть на него и таким образом спасался от смерти. Сын Божий пришел в мир, чтобы отдать Себя в жертву за грехи мира. Он был распят на кресте, и всякий, ужаленный грехом, взглянув на Него с верою, спасался и спасется от смерти духовной. Всякий верующий в Него имеет жизнь вечную. И Бог теперь призывает всех людей к покаянию и обращению от мертвых дел к упованию живому. Христос стал Ходатаем за людей перед Богом, и кроме Него нет другого.

Многие громко плакали. Уже не было слышно насмешек и ругани.

Противники смолкли. Тараненко и некоторые другие громко исповедали свои грехи перед Господом.

III

Через три дня, в среду вечером, в моем домике состоялось большое собрание. Не успел я переодеться и умыться, как весь двор был заполнен людьми, пришедшими послушать Слово Божие. Это меня радовало. Ввиду многолюдья мы решили устроить богослужение в нашем садике. Все расположились под фруктовыми деревьями, кто где мог, и, пока я наскоро закусывал, Иван Правик открыл 53 главу Книги пророка Исаии и начал громко читать. «Все мы блуждали, как овцы...» — доносился из-под деревьев звучный голос чтеца.

Все слушали внимательно. С улицы же все подходили новые посетители. Мы запели: «Приди, Святой Дух, Утешитель», и за поставленным столиком стал Дементий Правоверов. Он открыл Евангелие Матфея, 11 главу, и прочитал 28–30 стихи: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...»

Правоверов указал на Христа, как на Учителя, Который дает нам уроки христианской жизни. Хотя люди и называют себя христианами, но если на них посмотреть в праздничные дни, то ужас охватывает душу при виде беззаконий и пороков людей. Христос откажется от таких христиан. Мы должны на деле, в жизни показать наше убеждение, а не на бумаге только быть записанными христианами.

После него эту же мысль продолжил В. Сидоренко, и снова все молились и пели.

Разошлись все радостными. Эти собрания принесли ту пользу, что во многих домах появились Евангелия и люди принялись за исследование Слова Божия. На улицах меньше было видно пьяных. Собрания же посещались хорошо. Особенно радовались жены, что их мужья стали на хороший путь, перестали драться и пропивать трудовую копейку.

Но сатана позавидовал этому. Некоторые противники донесли священнику об этих собраниях. Конечно, все было передано в весьма преувеличенном виде. Говорили, что вся Саперная слободка перешла в штунды и т. д. Очевидцы потом рассказывали, что священник спросил доносчиков:

– А почему вы знаете, что они стали все штундами?
– Как же? Они читают штундовскую Евангелию, иконам не молятся, водки не пьют, табаку не курят.

– Кто же ходит к Ященко?

– Много, очень много народу.

– Ну назовите хоть некоторых,— допытывался батюшка.

– Вот слушайте: Николай Тараненко, Петр Тараненко, Корней Владимиров, Иван Козеницкий, Иван Терихов, Антон Богданов и Антон Мозговой. Это все соседи Ященко и бывают у него постоянно вместе с женами и детьми.

– Вот видите, я предупреждал, чтобы не ходили к нему,— упрекал священник.

– Да, жаль,— вздохнули собеседники,— смотри, что вышло, самые лучшие люди пошли в штунды!

А эти «лучшие люди» были известные на всю слободку пьяницы.

На другой день священник посетил указанные ему семьи и отобрал у них все книги как штундовские.

– Гоните этого смутьяна Михаила Ященко в шею! Не пускайте его и на порог своего дома,— уговаривал он. — Если же не послушаете, то будет плохо. Вон на Подоле жену Подлесного с детьми забрали в монастырь, многих штундов выслали. Скоро и с Ященко будет то же.

Многие испугались. И некоторые, чтобы доказать свое «исправление», напились снова и украсили лица своих жен большими синяками.

Над нашей головой собирались тучи...

IV

Все мои знакомые отшатнулись от меня. Прежде улыбавшиеся, они теперь злобно смотрели на меня. Трудное время наступило для меня. Злой дух не раз устраивал мне всевозможные засады и старался поколебать мою веру. Но Дух Святой укреплял меня. Прежде самые сильные люди боялись меня. Бывали случаи, что я противника не бил, а только обнимал, да так прижимал, что он без чувств падал на землю. А потом обходил меня за два квартала. Теперь же мальчишки потешались надо мною. Женщины указывали моим малюткам на меня, точно на зачумленного. Из прежних ревностных посетителей собрания остались на слободке верными истине только Правик

с женой, А. Раевский, Пинькова да я с моим семейством. Остальные же вернулись на «свою блевотину». Вместо Евангелия появились бутылки с водкою, вместо божественных гимнов — ругань и хула.

Некоторое время эти люди были при свете, а потом опять стали блуждать впотьмах. И всему этому виновник сатана, который использует людей как свое оружие. Но горе тем, кто служит ему!

Да поможет Господь подвизаться всем нам за Христа и светить всем людям истину!

М. Ф. Ященко

(Слово истины, № 24, 1914)

До 1906 г. он трудился для Господа в Киеве и его окрестностях, трудился без устали и, не щадя своей жизни, потерял в этом труде ради Господа свое здоровье.

В 1906 г. вследствие грудной болезни (возможно, туберкулез) он переселился в г. Анапу, где продолжал неустанно трудиться, проповедуя Евангелие как в городе, так и в окрестности, равно и в других городах, в особенности по побережью Черного моря. В Анапе посредством его свидетельства многие обратились к Господу.

Он пользовался любовью и уважением своих братьев и сестер по вере, которые после его смерти говорили, что у них еще не было такого брата.

(Баптист, № 14, 1910)

Наш второй годовой труженик — брат Михаил Федорович Ященко, бывший живописец — постоянно живет в г. Анапе, потому что он слаб здоровьем и доктора посоветовали ему оставить Киев, его родной город, и жить в более мягком климате. Несмотря на то, что он тщедушен и слаб здоровьем, он силен духом, и Господь благословляет его труд.

Когда он переселился в Анапу и начал возвещать слово Божие, то помещение, где собирались братья, вскоре оказалось тесным. Пришлось нанять дом в центре города, в который приходило более тысячи слушателей. Хотя в настоящее время слушателей бывает менее, но все же община в Анапе увеличилась и посетителей бывает довольно много.

С 1 мая по 3 июня 1907 г. брат Ященко посетил следующие города: Екатеринодар, Ростов, Пятигорск, Баку, Тифлис и Батуми.

В Екатеринодар Ростовская община посылала свой хор с проповедниками – братом Бойченко и Косарокиным, – вместе с которыми проповедовал и брат Яценко. Публика с удовольствием слушала пение духовных песен и проповеди о спасении верою через Кровь Христову.

Местный священник, чтобы помешать делу проповеди Евангелия, приказал ударить в набат, и когда сбежался народ, то он предостерегал его, чтобы не принимали проповеди баптистов.

Когда хор и проповедники уезжали в Ростов, то публика выразила им свое сочувствие, вручив руководителям собрания коллективный благодарственный адрес. А когда хористы сели в поезд и запели гимн, то публика начала бросать им в окно цветы и кричала вслед, когда тронулся поезд: «Приезжайте опять к нам проповедовать Евангелие!»

Затем брат Яценко сказал несколько проповедей в Ростове в собрании общины, где в это время проходила конференция, в которой он также принимал участие.

Оттуда он вместе с другими братьями отправился в Пятигорск, где состоялось торжество освящения молитвенного дома, который маленькая община купила в долг, надеясь, что Господь поможет ей со временем освободиться от долгов. Слушателей приходило много, а собираться было негде, поэтому братья и купили этот дом.

10 мая утром во дворе общины под навесом состоялось торжество освящения, на котором были проповедники: из Тифлиса В. Г. Павлов; из Баку В. В. Иванов; из Владикавказа Савельев; из Киева И. И. Кушнарев; из Москвы Ф. С. Савельев и из Анапы М. Ф. Яценко. Кроме того, там присутствовали местный атаман округа Абрезов и пастор Фракман из соседней колонии.

Богослужение открыл местный проповедник А. Н. Алексеев, затем был дан краткий отчет о покупке молитвенного дома. Брат Савельев сказал проповедь о любви Божьей к грешникам. После него В. Павлов произнес проповедь о значении молитвенного дома. Атаман поздравил общину с приобретением молитвенного дома, а пастор Фракман тоже сказал приличную случаю речь, в которой выразил надежду на соединение всех церквей.

Затем был предложен завтрак из холодных закусок. За столом сидело не менее восьмисот душ. Во время завтрака сказали речи Ф. Савельев из Москвы, Г. Бойченко из Ростова и брат Яценко.

Из Пятигорска брат Яценко поехал вместе с другими в Тифлис и по пути заехал в Баку, где говорил слово Божье в больших собраниях во вновь нанятом зале на Балаханской улице.

Отсюда он прибыл в Тифлис, где вместе с братьями Г. О. Воробьевым, В. В. Ивановым и И. И. Кушнаревым потрудился в примирении Тифлисской общины, что и удалось им с Божьей помощью, подготовив к тому сердца братьев проповедями.

Из Тифлиса М. Ф. Яценко отправился в Батуми. О своем посещении Батуми он пишет в своем отчете так:

«Тут община малая и молодая (не более трех лет, как она родилась), и эту общину насаждал В. Г. Павлов, а возвращал Бог. Эту местность мало кто посещает (из проповедников), потому что она не на пути. И мое посещение было весьма полезным. Я имел там несколько собраний и уехал домой морем и прибыл в Анапу 3 июня».

Вторую поездку из Анапы брат Яценко совершал по Черноморскому побережью, посетив Ялту, Алупку и Севастополь, где с успехом благовествовал Евангелие. В Ялте обратилась к Господу одна дама, которая сначала не признавала Бога, но под влиянием Слова Божия отдалась вполне Христу.

В Севастополе ему пришлось исправлять вред, причиненный церкви адвентистами. Поездка эта продолжалась с 6 июля по 1 августа 1907 года.

Далее в своем отчете брат Яценко упоминает о многочисленном благословенном собрании 1 августа 1907 г., состоявшемся в местности Сибенс, в тридцати верстах от Анапы. Здесь стоят четыре крестьянских избы и здесь же находится «резиденция местного проповедника казаков-баптистов».

Пустынная местность, в которой протекает река Сибенс, уже с раннего утра стала оглашаться звуками священных песен, эхо которых отдавалось в окрестных лесах и горах.

Братья и сестры прибыли из местных станиц: Гостагайской, Варениковской, Татаровки, Чикана, Анастасиевки, Кудокива и Анапы. Многие из них прошли семьдесят верст пешком, лишь бы насладиться общением с детьми Божиими, и не обманулись в своих ожиданиях, ибо Господь благословил обильно это собрание.

Собрание началось в воскресенье в десять часов утра на открытом воздухе, на лоне природы. Первый проповедник говорил о любви Божией на основании текста из Священного Писания Иоан. 3: 16,

а второй – о вере и покаянии. Собрание сопровождалось обильным благословением Божиим, так что в этот день за два раза было крещено двадцать шесть душ.

О крещении брат Ященко пишет:

«Крещение совершалось очень оригинально в реке Сибенс, что по-русски значит „Богатая река“. Она небольшая, выходит из гор и никогда не высыхает. И когда совершалось крещение, креститель перешел на другую сторону. Когда к нему переходили через реку имеющие креститься, хор начал петь гимн: „Скажите мне, братья и сестры, куда вы хотите идти?“ На это крещаемые отвечали: „Мы путники в рай Ханаана“ и т. д. После крещения совершенно преломление хлеба в воспоминание смерти Господней».

Третью поездку брат совершил по берегу Черного моря, заехал в Одессу и Киев и возвратился опять в Анапу. Поездка началась 18 августа и окончилась 30 августа.

В Феодосии и Ялте М. Ф. Ященко имел несколько собраний. В последнем городе собрания охотно посещали и евреи, которые вместе с братьями при отъезде М. Ф. Ященко провожали его на пароход. Здесь обратилась и крестилась одна генеральша, вдова К.

В Алупке ему пришлось бороться с революционерами и адвентистами, которые причиняют сильный вред местной церкви.

В Севастополе он проповедовал слово Божие в двух собраниях.

В Одессе брат Ященко участвовал в районном съезде, а так как В. Г. Павлов вскоре должен был уехать на конференцию, то он по приглашению пробыл здесь еще одну неделю и сказал одиннадцать проповедей. Затем он посетил Киев, где участвовал в примирении двух собраний, единство которых, к сожалению, оказалось непрочным, потому что руководители второго собрания Хоменко и Заремба отвергли образованную по закону 17 октября 1906 г. общину и были из нее отлучены.

Из Киева М. Ф. Ященко возвратился в Анапу.

Во время четвертой поездки, продолжавшейся сорок дней, с 1 сентября по 10 октября 1907 г., брат Ященко посетил Екатеринодар (Кубанской области), Ростов-на-Дону, Софиевку (Екатеринославской губернии), Александровск, Большой Токмак, Гальбштадт, Тиге, села Астраханку и Ново-Васильевку и г. Мелитополь (Токмак и перенесенные за ним местности находятся в Таврической губернии), где всюду возвещал слово Божие в больших собраниях.

В Мелитополе собрания с разрешения начальства происходили в городском театре, и брат Яценко вместе с братьями Ф. П. Балихиным, М. С. Дьячковым и С. Т. Жук говорил там слово Божие слушателям, в числе которых всегда было много евреев.

Пятую поездку М. Ф. Яценко опять совершил по Крымскому побережью с 9 декабря по 15 марта 1908 г. и имел собрания в Керчи, Феодосии, Ялте, Севастополе и Симферополе.

В Ялту он приехал как раз в то время, когда по распоряжению генерал-губернатора Думбадзе был закрыт молитвенный дом и несколько братьев были высланы из Ялты в административном порядке.

В это время обратился один господин с женою, бывшие спиритами.

Всего за отчетный год брат Яценко сказал 205 проповедей и проехал по железной дороге 5704, на колесах 292 и морем 2145 верст.

(Отчет Миссионерского общества, 1908)

В ноябре 1908 года В. В. Иванов писал:

«В Баку я встретил брата М. Ф. Яценко, с которым мы провели у нас одно воскресенье и благовествовали слово Божье. Собрания прошли с большим благословением. Брат Яценко в воскресенье вечером отправился в Ставропольскую губернию к братьям Харитоновым, которым он раньше дал слово посетить их».

(Баптист, № 12, 1908)

Немного прошло времени, и народ Божий услышал скорбное сообщение.

14 марта сего 1910 года, вечером, волею Божией скончался в г. Анапе наш возлюбленный в Христе брат-благовестник Михаил Федорович Яценко, сорока одного года от роду, оставив после себя жену в трудном положении с пятью малолетними детьми, из которых старшему тринадцать лет.

Погребение брата состоялось 17 марта на городском кладбище при громадном стечении народа. При богослужении во дворе его квартиры сказали приличные этому случаю речи братья-проповедники, прибывшие нарочно для его погребения – Д. Ф. Александров из

Казинки Кубанской области и Д. М. Тимошенко из Таврической губернии. Они кратко вспоминали о жизни Михаила Федоровича.

На кладбище сказали речи три брата, после чего прах дорогого сотрудника предали земле.

(Баптист, № 14, 1910)

В этом же журнале помещена следующая статья о Михаиле Федоровиче Яценко.

Никогда не отличавшийся здоровьем, много и неустанно работавший в Анапе и в разъездах вне своего города, он в последнее время казался особенно хилым и изможденным, но духом был одинаково и неизменно бодр и весел в Господе. Не переставал он даже на смертном одре устно и письменно работать, возвещая истину и утверждая души учеников. Это был один из тех христиан, к которому особенно приложимы слова апостола: «...если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16).

Не распространяясь много о его жизни и полезной деятельности, мне хочется сказать несколько слов о чуде его обращения. Если обращение всякого человека, любившего грех и противившегося истине, есть чудо, то обращение брата Яценко было тем более чудесно. У него было свое исключительное нечто, что запинало его на пути и в сильнейшей степени удерживало его. Он был художник и писал иконы, что составляло при его скудости главнейший источник дохода – все его благосостояние. Книга апостольских деяний, особенно ее девятнадцатая глава, нам ясно показывает, что ремесленники религии не только не шли за Господом, но и производили против пути Господня немалый мятеж, опасаясь, что при распространении христианства ремесло их, от которого зависело все их благосостояние, может окончательно прийти в презрение. Нелегко, конечно, было и Михаилу Федоровичу покориться той истине, которую серебряник Димитрий некогда называл «сворачиванием» и которая особенно подчеркивала то, что «делаемые руками человеческими не суть боги». Но сильный Господь явил Себя, и слабый грешник Яценко был побежден...

«...Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

Догорел! «Течение совершил...» (2 Тим. 4, 7).

Догорела свеча и погасла! Светила людям, сделала свое дело, исполнила честно свое назначение и исчезла, растаяла. И сколько таких свечей горят и гаснут ежедневно, ежечасно!.. Жизнь человека – та же свеча. Горит, горит и догорит. Погаснет. Законы жизни неумолимы, тверды. Не можем сказать, почему делается одно так, другое иначе. Не знаем мы будущего. А все-таки, когда помотришь на пройденный путь, вспомнишь пережитое, выстраданное, и становится жаль, бесконечно жаль, что одна из попадавшихся на пути свечей-жизней догорела.

Особенно жаль, когда знаешь, что вот эта свеча действительно горела для блага и радости других, старалась своим светом не только осветить, но и согреть, и теперь ее нет, потухла.

Такой яркой горящей свечой был брат М. Ф. Яценко. Неугомимый духовно, всегда жизнерадостный, полный священного огня, он горел любовью Спасителя. И несмотря на болезнь, которая подтачивала его силы, сушила грудь, он бодро и смело шел вперед, высоко держа знамя истины Божией.

За последние три года мне часто приходилось встречаться с ним. Помню первую нашу встречу.

В 1907 году, ранней весной, объезжая Крым, я прибыл в Алупку. – У нас брат Яценко, – заявили мне.

До этого мне во многих местах приходилось слышать о нем, и теперь я с живым любопытством ожидал его прихода из сада. При встрече меня поразили его блестящие глаза, быстрые, пронизывающие. Казалось, что он все замечает. Мы познакомились, разговорились, и через час он уже задал мне какой-то «орех» из Библии. Интересный собеседник, он мог заставить себя слушать и видно было, что он говорит обдуманно и из жизни. Большая практика и знание людей давали ему возможность скоро сходить с людьми и говорить о самом необходимом для собеседника.

В собраниях его простая, понятная и образная речь приковывала к себе внимание слушателей. Когда он начинал говорить о страданиях Иисуса и с горячим чувством рисовал перед слушателями картину последних минут жизни Божественного Страдальца, то слезы одна за другой текли по его впалым щекам, и с ним плакало все собрание.

– Вот Иисуса Христа положили на деревянный крест, растянули Ему руки и начали прибивать гвоздями. Послышались глухие удары. Гвоздь пробил тело, и кровь брызнула из раны и потекла вниз, на зем-

лю. И в это время, когда воины приковывали Его к дереву, Он молился за них, за народ: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». Какая любовь!.. «Прости им!» За что? Почему Он так молится?

Сильное волнение охватывало его. Задумчивым, звучным голосом он призывал, увещевал, молил, и вдруг мучительный болезненный кашель обрывал его речь, и он, судорожно сжимая платок в руках, прикладывал его к губам и вытирал кровь...

— Я знаю, что Господь скоро позовет меня, поэтому буду пользоваться этим часами, которые еще в моем распоряжении, чтобы возвещать о Господе,— отвечал он на увещание друзей побереечь себя.

И он горел!

Когда начали издаваться братские журналы, Михаил Федорович тоже постарался внести в это дело свою лепту. Много его статей помещено в разных журналах, и некоторые из них он издал отдельной брошюрой.

— Яценко блещит,— говорили мы.

Он и в литературе старался сделать лучшее, что мог. Горел!

Как-то он дал мне одно из своих сочинений для просмотра. Я едва мог разобрать его почерк.

— Где вы учились? — спросил я.

— На крыше! — засмеялся он. — Когда красил крыши, тогда и учился.

Последний раз я встретился с ним в Ростове в мае прошлого года. Когда я спросил его, как он живет, он засмеялся и кашлянул.

— Ге, живу, кашляю!

И действительно, видно было, что он не горит уже, а догорает. И он бодро смотрел вечности в глаза. Примиренный с Богом через Иисуса Христа, он за себя не беспокоился.

— И детишек Господь устроит,— говорил он.

Живая вера в Исккупителя и внутренний мир просматривались во всех его движениях.

Один из противников Евангелия грозил убить Михаила Федоровича за то, что жена его обратилась к Господу. Михаил Федорович это знал. Однажды вечером он возвращался тихо домой и вдруг в глухом переулке столкнулся со своим врагом. Тот остановился и мрачно посмотрел на него. Брат Яценко подошел к нему и стал перед ним.

— Я слышал, что вы хотели меня застрелить! Вот теперь удобное время, никого нет, делайте скорей, что вы хотели,— обратился он к нему.

Противник растерянно посмотрел на него и что-то пробормотал невнятно.

— Ну, что же вы? Эх вы, несчастный человек! Скажите, вы имеете работу?

— Нет,— прошептал он.

— Вот, передайте вашим детям 50 копеек на хлеб. Заметьте, не вам даю я это, а детям вашим.

Тот беспрекословно взял деньги, и когда Михаил Федорович отошел уже далеко и оглянулся, то увидел, что его противник продолжал стоять с низко опущенной головой...

Горела свеча Христова и теперь потухла для нас. Только знающие лично брата М. Ф. Яценко в его смерти могут оценить потерю брата, друга и работника.

После него осталась жена и пятеро детей без всяких средств для жизни. Но Господь позаботится!

Брат Яценко догорел, но мы еще горим и дай, Боже, чтобы каждый из нас честно и с пользой догорел до пришествия Его или до того, как Он позовет нас к Себе.

Доколе свидимся!

М. Тимошенко
(Баптист, № 14, 1910)

Над свежей могилой
(памяти М. Ф. Яценко)

Как мало прожил ты, явившись в мир сей к нам...
Крест жизни нес, идя тернистою тропою;
Служил ты истине возвышенно, и там
Ты догорел... Ушел, оплаканный толпою.

Твой образ не умрет, заветы все твои
Нам служат маяком, звездой путеводной
И светят всем во тьме, как вешние лучи,
Зовя нас к правде, ввысь и к цели благодной.

Ты жизнь свою провел под игом бед, в нужде,
Омыв свой краткий путь горячею слезою...
Живи ж, живи в сердцах, скорбящих по тебе,
Умевший воздавать врагам за зло любовью!

А. А. Гут
(Баптист, № 18, 1910)

В 1918 году в Житомир прибыл один брат, член Киевской общины христиан-баптистов, Григорьев Филипп, уроженец Тамбовской губернии. В Житомире остался совершенно случайно – выехать из него не мог, благодаря общей разрухе. Житомир считался губернским городом Волыни, довольно большой, населен русскими старообрядцами, украинцами, поляками, евреями и немцами. Старообрядцы представляют собой почву твердую, не принимают никакого учения, кроме двухперстного сложения. Евреи, заросшие тернием и опутанные казуистикой Талмуда, потеряли способность принимать библейскую истину. Поляки, отуманенные фанатизмом, восстановленные против чистого евангельского слова, способны верить только басням, исходящим из уст тех, кто сел на «седалище Христово». Немец же готов слушать Слово Божье, только не приглашайте его к покаянию и не прикасайтесь к его трубке.

В Житомире верующих было немного, всего около шести душ, охладевшие, простывшие; в довершение всего между ними не было мира. Братья встретили Григорьева с видимой радостью, хотя не все, но Григорьев, как видно было, не обращал внимания и старался не замечать этого. Характера он был спокойного, но непреклонно твердого, все им намеченное проводил настойчиво, не уклоняясь в сторону. Он был убежденный баптист, а местные братья не любили этого слова. «„Баптист“ – это значит „бабий сын“», – так объясняли им другие проезжающие проповедники.

Помещения для собрания в Житомире не было, и об этом никто не заботился, да и собрание уже два года не собиралось. Григорьев снял дом в аренду, а потом купил его, в нем и открыл собрание. Вышло так, что не он примкнул к местным братьям, а они к нему. Видно было, что Господь благословлял Григорьева. Вскоре около него стала группироваться приближающаяся молодежь, из которой он организовал хор. Уверовал учитель Н. П. Кресняков с женой и с сыном и сделался ему главной опорой в работе. Возвратился с военной службы А. З. Соломонюк, оказавшийся потом ревностным служителем Евангелия.

В первое же лето обратилось более двадцати человек. Это

ободрило Григорьева, и ревность к работе у него усилилась. К осени 1918 года на Украине начались беспорядки. Петлюра поднял восстание против гетмана, началась невообразимая перепалка, грабежи в городе, погромы на евреев. Получился хаос, напоминавший дым из «кладезя бездны». Не поладил он также с германскими войсками, стоявшими в это время на Украине. Ужас объял живущих в городе. Собрания прекратились, нельзя было выходить из квартир. По дорогам грабежи, убийства. Жизнь человека потеряла всякую цену.

В это время Григорьев решил работать в деревнях, окружающих Житомир. В них еще не слышали о баптистах, и он с палкою в руках и с Библией в сумке, с куском хлеба в кармане отправился в поход.

Приходя в село, просил у сельских властей разрешения на право прочесть нравственно-просветительную лекцию народу. Ему отводили для этого помещение — школу или что-нибудь вроде этого. Ходил один, а иногда с кем-нибудь из братьев — Соломоном, Крыжановским или Кресняковым. Обошел всю Волюнь, насаждая чистое Евангельское учение, делая собрания где только возможно — в школах, в домах, в клуных, в садах и огородах. Был в трудах, изнурениях, под свистом пуль и снарядов, но Господь хранил Григорьева.

Однажды брат Крыжановский вез хлеб для своей семьи в город и встретился с отрядом вооруженных людей. Начальник отряда крикнул:

— Стой! Что везешь?

Крыжановский испугался, боясь, что отберут у него хлеб, и стал говорить им о Христе. Начальник спросил, не евангелист ли он. Получив утвердительный ответ, сказал:

— Хлеб твой мы не возьмем. Ты вот что сделай: иди в мое село, верстах в тридцати от Житомира, в Старосельцы, и просвети моих сестер, чтобы не лизали попу руку. До сих пор, к моему стыду, они это делают. Меня они не слушают — я неверующий, а тебя послушают — ты верующий, и, если они хотят верить в Бога, пусть верят правильно, по Евангелию.

Крыжановский сказал об этом Григорьеву. Тот с удовольствием согласился и через несколько дней, взяв с собой несколько человек поющих, отправился. Сестры, предупрежденные своим братом, встретили нас радушно. Их было три, они жили в отдельной хате, две из них были вдовы, одна еще девица. У них устроили первое собрание, народа собралась полная комната, был и брат их по имени

Никита. Всем понравилось, многие плакали. Понравилось и Никите. После собрания он обратился к народу и сказал:

– Вот так нужно веровать, как они говорят.

Сделав там несколько собраний и бесед, ушли, дав им слово прийти к ним на Рождество, до которого оставалось две недели. А Никита, будучи в это время председателем села, обещал отвести под собрание имеющуюся в селе гимназию.

К означенному времени мы пришли в Старосельцы. Никита был дома, встретил нас, и через несколько минут мы очутились в гимназии. Помещение было громадное, очень удобное. Народа пришло много. Но мы встретили противодействие со стороны церковников, на их стороне был и педагогический совет гимназии. Поднялся спор. Наконец председатель педагогического совета встал на стул и решительно заявил, что школа – не место для богослужений, и все крикуны были на его стороне. Боровшийся с ними Никита стал ослабевать и опускать руки, как вдруг стоявший все время спокойно в стороне Григорьев быстро подошел к оратору и громко крикнул:

– Кто говорит, что школа не место для богослужения?

Оратор стукнул себя в грудь кулаком и сказал громко:

– Я!

Григорьев открыл Евангелие и прочитал громко из Деяний Апостолов, 19 главы, место, где апостол Павел собирал собрания в училище некоего Тиранна. Потом сказал оратору:

– Видите, школа есть место для собрания. Кого мы должны слушать: вас или апостола Павла?

Он спросил:

– С какой буквы написано «Тиранна»?

Григорьев ответил:

– С большой.

Тогда оратор замолк, сошел со стула и ушел. А на его место взошел Никита и закричал, сколько было сил:

– Пресвитер победил!

В это время церковники увидели, что они обезоружены, сдались и сказали:

– Пусть делает собрания при условии, если после собрания даст нам ответы на вопросы. Разнесем его в куски! Пусть делает, если согласен.

Григорьев ответил громко:

– Согласен!

После все вошли в зал и успокоились. Народа было около пяти-шестисот человек. Григорьев попросил всех встать на молитву, после которой прочел из Послания к Титу первой главы и для иллюстрации провел параллель учения православного и евангельского. Получилась громадная разница.

– А потому,– сказал Григорьев, заканчивая речь,– эту нездоровую греческую веру по приказанию апостола нужно строго обличать, а не защищать. – И, пригласив к молитве, закончил собрание и объявил, что желает отвечать на вопросы.

Через минутку встает один человек и говорит:

– Почему вы не веруете в иконы?

Григорьев спросил его:

– Вы символ веры знаете? Для чего он составлен? Для того, чтобы веровать так, как там написано, не прибавляя и не убавляя. А если кто прибавит, то не будет ли это ересь?

– Да, будет ересь,– ответил тот.

– Так вот скажите теперь, в символе веры написано «верую в иконы» или нет?

– Нет, не написано.

– Так зачем вы в них веруете, ведь это ересь?

Он оглянулся направо и налево, ища помощи, но ее не было, и сел. А из дальнего угла раздался голос:

– Один готов!

Григорьев повторил:

– Давайте вопросы, желаю отвечать.

Встает другой и говорит:

– Хорошо, об иконах я согласен – их не нужно, а вот почему вы не веруете в крест?

Григорьев спросил:

– А ты символ веры тоже знаешь?

– Знаю.

– Там написано «верую в крест»?

– Нет, не написано.

– Так зачем же ты веруешь?

И этот стал оглядываться, ища поддержки, но ее не было. Он тоже сел, а из угла раздался снова голос:

– Другой готов!

Григорьев снова повторил:

– Давайте вопросы.

Но охотников уже не было. Тогда Григорьев рассказал собранию историю иконоборства и поклонения кресту, а также о молитве к святым, показав все это как плод нездоровой веры, и, пригласив собравшихся покаяться в заблуждении и веровать в чистое Евангелие, тем закончил собрание. После чего встал один из церковников и объявил:

– Теперь иди с Богом, разносить уже не будем, правда на твоей стороне. – И пропустили Григорьева из среды себя с почтением.

Вскоре в этом селе образовалась община в количестве около восьмидесяти человек.

Однажды Григорьев, взяв с собою несколько человек певцов, отправился в м. Левков и там сделал собрание у кузнеца Федора. В это время к Федору приехал из села Млинище, находившегося от Левкова верстах в семи, некто Степан, по фамилии Украинец, и спрашивает, не знает ли Федор, что такое пресвитер.

– А для чего тебе пресвитер? – спрашивает Федор.

Тот сказал:

– У нас в селе человек умирает от тифа. Он около года тому назад вернулся из германского плена и вот заболел и в бреду требует пресвитера. А мы не знаем, что это такое и где его взять. Скажи, может быть, ты что-нибудь знаешь?

Кузнец ввел его в собрание и, показав на Григорьева, сказал:

– Это пресвитер.

По окончании собрания человек тот стал просить Григорьева поехать с ним к больному. Григорьев согласился, а так как это было интересно для присутствующих, что будет делать с больным пресвитер, то запряжено было несколько лошадей, и человек тридцать поехали к больному в Млинище.

Заехали не прямо к больному, а к тому человеку, который приезжал к Федору. Отец его и мать, узнав, что Степан привез какого-то пресвитера, испугались. Когда мы вошли в хату и сели к столу, то запели духовную песнь. По селу разнесся слух, что Степан привез пресвитера. Народа набилось так, что дышать было невозможно. Пригласив к молитве, Григорьев открыл Евангелие, сказал соответствующее слово о ненужных богах и закончил молитвой свое слово.

Мы пошли к больному почти через все село, это было торжественное шествие. За нами шло много людей, а на Григорьева

смотрели, как на диво, повторяя: «Пресвитер, пресвитер». Больному сказали:

— Пресвитер идет.

Больной был в сильном жару и что-то говорил, но, когда услышал слово «пресвитер», запел:

— Христос воскрес из мертвых...

Григорьев подошел к нему и заговорил с ним. Он поднял свой взор и сказал:

— Господи, я хочу быть здоровым.

Григорьев ответил, что Господь даст ему здоровье. Он прочел соответствующее место из Слова Божьего, помолился и обнадежил больного, что если он будет уповать на Господа, то выздоровеет.

Мы уехали. Больной, по имени Сила, вскоре выздоровел.

Через некоторое время Григорьев посетил это село. К нему пошла мать Степана и попросила:

— Дорогой брат, зайди к нам в дом.

Это семейство все уверовало, и теперь в том селе происходят живые собрания. Бывший больной Сила там руководящий, группа имеет около сорока членов.

Как-то пришлось Григорьеву быть в м. Черняхове, отстоящем от Житомира в двадцати трех верстах, где он подал заявление о разрешении ему собрания в школе на два дня. Ему разрешили. Он расклеил объявления, и к назначенному времени школа была переполнена народом. По окончании проповеди народ закричал: «Попа давайте сюда, попа!» — чтобы устроить диспут.

Несколько человек побежали за священником, но его не нашли. Поднялся шум. Григорьев встал, успокоил толпу и сказал:

— Я сам пойду к вашему батюшке и попрошу, чтобы он завтра пришел на собрание.

Толпа одобрила и разошлась спокойно.

На другой день утром Григорьев еще с одним братом пошли к священнику, чтобы пригласить его на собрание, предоставляли ему слово говорить народу о Боге. Он согласился, но не пришел в собрание, которое было так переполнено, что все коридоры были забиты народом, было человек около семисот. К концу собрания врывается толпа пьяных, человек около двадцати, как говорили после, батюшкиных прислужников, со сжатыми кулаками, со скрежетом зубов, с криком «бей!» ломились прямо к Григорьеву.

Народ заволновался, поднялся крик, гам, свист. Еще минута – и Григорьев был бы растоптан разъяренной толпой. Он стоял в это время около столика на некотором возвышении совершенно спокойно, как будто это его не касалось. Громилы подбежали к столу расшвырявшие, как звери, скрежеща зубами, с поднятыми вверх кулаками. Народ замер. Григорьев в это время устремил на них взор, выпрямился и громко крикнул:

– Стой! Ни с места! Я отвечаю за собрание. Если вы не прекратите бунт, я распушу собрание. Я распушу... я отвечаю...

И громилы остановились, а Григорьев грозно повторил несколько раз: «Я распушу... Я отвечаю...» И сразу сделалась тишина. К Григорьеву подошел один человек и говорит:

– Разреши слово.

Он разрешил. Тот стал говорить так:

– Я был православным, а теперь я никто. Я неверующий, и если когда-нибудь буду веровать, то буду веровать так, как он говорит, – и показал на Григорьева. – Но таким, как вы, я уже никогда не буду. Вы, как стадо зверей разъяренных, совсем не похожих на людей, не говоря уже об идеальных христианах, стремитесь кулаками защищать свою веру...

Его речь устыдила громил, так как человек этот был уважаемый в местечке. Толпа утихла.

Опять побежали за попом, но его не нашли. В это время привели какого-то семинариста и потребовали от него, чтобы он вместо батюшки поспорил с Григорьевым. Он согласился. Выступив вперед, стал на помост к Григорьеву и задал вопрос:

– Скажите, почему вы кресту не поклоняетесь? – и рассказал при этом предание о царице Елене, как она нашла животворящий крест.

Григорьев спросил его:

– Скажите, друг, какой формы был тот крест, на котором был распят Христос? Ведь ваши богословы спорят между собой: одни говорят, что крест был как буква «Т», а другие – четырехконечный, третьи – восьмиконечный. А вы говорите, что царица Елена нашла его, ведь тогда бы спор прекратился, так как крест был бы налицо. Скажи народу честно – говорю я правду или нет.

Семинарист мялся. Григорьев сказал громко:

– Скажи, что боишься правды!

Семинарист вдруг повернулся к народу и сказал:

– Да, это правда, правда! – и ушел в толпу, больше он не хотел спорить.

Вместо него выступил какой-то фельдшер и долго кричал:

– Велика наша вера православная, всем верам вера!..

Григорьев, не обращая на него внимания, пригласил на молитву и распустил собрание. К нему подошел один человек, оказавшийся машинистом паровой мельницы, некто Бойко, и попросил зайти к нему в дом. Григорьев пошел, пробыл у него вечер. Теперь этот человек верующий со всем своим семейством.

Были и такие случаи. Однажды Ф. Григорьев и Н. Кресняков, отправившись отыскивать верующих по Волини, чтобы объединить их в один общий Волинский союз, пришли в одно село. Там нашли верующих (село было от Житомира в ста верстах). Община существовала уже около двадцати лет, имела около тридцати пяти членов. Предложили сделать у них собрание. Один из старых братьев, посмотрев на них, не имеющих ни вида ни величия, запыленных, говорит:

– Мы уже слышали, у нас знают. Поезжайте лучше в село М., верст шесть-семь отсюда, и там проповедуйте. Там нуждаются, а у нас уже слышали.

Братья сидели в это время на подводе. Переглянувшись между собой, они сказали брату, который их подвозил:

– Потрудись, брат Петр, разреши твоей лошади завезти нас в указанное братом село.

К вечеру приехали в указанное село, где было благословенное собрание. Брат С., услышав об этом собрании, понял свою ошибку, хотел вернуть Григорьева и Креснякова, но было поздно. Они уехали дальше и посетили их уже на обратном пути.

Вот при каких условиях создалось Волинское областное объединение христиан-баптистов, насчитывающее в данное время около трех тысяч человек. Слово Евангельское проповедуется почти в двухстах селах. Григорьев и до сего времени не перестает трудиться на Волини с бесконечными приключениями. Но Господь дает ему всегда торжествовать во Христе. Филипп Григорьев состоит в числе правления Волинского областного объединения христиан-баптистов. Да поможет ему Господь и впредь!

Ф. Косолапов

(Баптист Украины, № 6-7, 1927)

Во время возникновения нашей Черниговской группы (в Мелитопольском округе), в 1920 году, к нам в село был прислан проповедник, брат Моисей Шафран, из евреев, чтобы проповедовать Царствие Божие в нашем большом селе. Поселившись у нас, он начал проповедовать в одном доме, который для этой цели был снят в аренду. Слушающих было очень много, как русских, так и евреев. После собраний брат Моисей посещал приближающихся на дому, беседовал с ними и устраивал призывные собрания. Проповеди его были живые и вдохновенные, до сих пор они в памяти многих. Его труд не тщетен был перед Господом, хотя он жил у нас недолго.

В последний день своей жизни, в воскресенье, после собрания он пошел к родным по вере сестрам и там много с ними беседовал, рассказывал много из переживаний своих и говорил: «Как мне хочется на родину (в Польшу), сказать своим, что сотворил со мною Господь и как помиловал меня! Не возбужу ли ревности в сродниках моих и не спасу ли хотя некоторых из них?»

После беседы он решил идти к приближающимся, к которым было версты три. По дороге он встретился с пьяными людьми, некоторые из них его знали и начали что-то ему говорить. Он остановился и стал давать ответы на их слова.

В это время мимо них проезжала тачанка с солдатами-белогвардейцами. Один из пьяных сказал: «Возьмите этого шпиона, он развращает народ!» После этих слов через несколько минут брат Моисей уже был на тачанке и ехал туда, где душа его должна была расстаться с телом. Выехав за село, они остановились, слезли с тачанки и начали насмехаться над ним, заставляли его петь и читать. Он исполнял их приказания, а тем временем приближенным сестрам была послана записка, в которой они приглашались сказать что-нибудь в защиту брата. После многих препятствий со стороны домашних сестры, собравшись, пошли туда, где уже было много народа.

Пришедшим сестрам был задан солдатом вопрос: «Он еврей?» Ответ был: «Хотя и еврей, но христианин». – «Никакого общения с евреями! Бери его, веди», – сказал он солдату, но тот отказался. Другой сел на лошадь и говорит: «Идем!» Брат, повинувшись, пошел

за ним. Дойдя до указанного места, брат Моисей попросил разрешения молиться. Получив его, он преклонил колена и молился. Молитва его осталась неслышной для нас, но была услышана Отцом Небесным. После молитвы он исполнил еще одно приказание – снял свою верхнюю одежду – и пал мертвым, получив пулю в затылок. Так закончилась жизнь нашего дорогого брата Моисея Шафрана.

На другой день сестры, горя любовью и сожалением к брату, осмелились пойти к начальнику просить тело, чтобы похоронить его, но услышали грозное: «Пусть его псы съедят!» Не получив разрешения, они пошли домой с еще большей скорбью на душе.

Но один из братьев, живущий в другом конце села, услышав об этом, пошел и тайно похоронил его. Спи, дорогой брат, до звука трубы, и тогда ты получишь венец жизни, ибо ты был верен до смерти (Откр. 3, 20)!

М. Галич

(Баптист Украины, № 3, 1927)

УЖАСЫ ГОНЕНИЙ В РОССИИ

До чего может дойти фанатизм темного люда, именующего себя православным, видно из рассказа одного новообращенного брата, прибывшего недавно из России в Тулчу. Велика ответственность тех, которые подняли гонение против баптистов и штундистов и разнуздали тем худые инстинкты толпы.

Вот что рассказал нам один из гонимых – Осип Андреевич Семеренко:

«Я родился в селе Плоском Остерского уезда Черниговской губернии. Там у меня есть еще два брата. Старший брат Иван Семеренко – волостной старшина. Я служил в экономии, принадлежащей сыну генерала Мацкого – Андрею Степановичу Мацкову. Когда барин приехал в прошлый год в свою экономию из Петербурга, то привез с собою лакея, немца из Риги, баптиста, которого звали, сколько помню, Август Кронштейн. Я с ним читал Слово Божье и, увидев свое греховное состояние, обратился к Господу вместе с женой своей Федорой, и мы начали служить Богу. Брат, который познакомил

нас со Словом Божиим, был вместе с нами всего лишь несколько месяцев, и Господь отозвал его домой, в Небесное отечество. Мы убедились из Слова Божьего, что не должно поклоняться иконам, и жена моя хотела сейчас же вынести их, но я убеждал ее повременить и не делать этого сразу.

Когда жена моя начала мазать хату перед праздником Пасхи, то вынесла иконы и больше уже не вносила их. В четверг, 21 марта, к нам пришла сестра жены моей Ефросинья и спросила, почему у нас нет икон. Жена сказала, что иконы уже старые и полиняли, а потому она и не желает их более ставить в угол. Тогда сестра ее предложила в подарок ей свою новую икону, а себе она хотела купить другую, когда поедет в Киев. Тогда жена моя прямо заявила, что она иконы от нее не примет, потому что мы убедились, что поклоняться им не следует. Известие это поразило ее.

Ефросинья известила всех наших родных о перемене наших религиозных убеждений. Приехал к нам брат Иван и спросил, почему у нас нет икон. Начался разговор, и жена моя сильно нападала на поклонение иконам и употребляла жестокие слова. Я старался ее успокоить, но ничего не помогало.

Затем разъяренный брат отправился к генералу Мацкову-отцу (сына не было дома, и я управлял экономией) и рассказал о моих убеждениях. Приехал помещик Мацков (он же и черниговский вице-губернатор) с моим братом Иваном и начал кричать на меня и гнать из экономии. Позвали рабочих, и мой брат приказал им выкидывать вон и выносить за забор мои пожитки. Рабочие стояли нерешительно и не знали, что им делать. Тогда мой брат надел на себя знак волостного старшины и повторил свое приказание. Рабочие взяли все мои вещи и выбросили вон. При этом брат бросился на меня и избил меня, а генерал уехал домой. Затем брат забрал на свою подводу мои вещи и присвоил их себе, а именно: один сундук с одеждой, двое часов, кроме того одну корову и пятнадцать овец. Все это он забрал себе.

Когда меня выгнали из экономии и я прибыл в свое село Плоское, то около моего дома уже собралась толпа крестьян и ожидала меня. Войдя в свой дом с семьей, я заперся, потому что боялся толпы. Собравшиеся крестьяне начали разбивать мой дом. Выломав окна и двери, они ворвались в избу, напали на меня, избили меня до крови и продолжали бить до тех пор, пока я не лишился чувств.

Очнувшись, я увидел себя всего окровавленного. Было холодно. Жены не было дома, потому что ее с тремя детьми увели к теще.

Попутру я пошел к теще и нашел жену там. Затем я скитался без приюта. Работал за 25 коп. в день у попа и других людей, но постоянной работы не было. Таким образом я провел целое лето. Когда наставало воскресенье, то я уходил в поле и прятался там от пьяных православных крестьян, которые, завидев меня на улице, покушались бить меня.

В августе меня позвали в волостное правление, находящееся в трех верстах от нас, в селе Гоголеве. Когда явился я в волостное правление, то увидел там, кроме старшины, православного миссионера и одного попа. Миссионер спросил у меня, почему я вынес иконы и не хочу поклоняться им. Я ответил ему, что я маляр и могу рисовать сам нечто подобное, поэтому я считаю излишним поклоняться им. За это присудили меня к пятнадцати ударам розгами и сейчас же публично наказали.

Через четырнадцать дней меня опять позвали в волость, где опять был миссионер и поп, и снова дали пятнадцать ударов розгами.

В начале октября меня позвали в сельское правление, где находились опять мой брат — волостной старшина — и местный священник, и начали спрашивать меня, как я признаю иконы? Я отвечал, что они — краски. Я старался уклоняться от ответов и сказал, что я ничего не знаю, но если они хотят подробнее узнать об этом, то пусть обратятся в Киев или Петербург, где есть много людей, отвергающих иконы. На это брат мой сказал:

— Постой, мы поступим с тобой иначе.

Сказав это, он вышел на двор, отрезал толстый вишневый прут, распарил его в топящейся печке, приказал двоим держать меня, а сам бил меня этим прутком по ногам и говорил:

— Откажись от своей дьявольской веры и прокляни своего Бога!

На это я возразил, что мы с ним верим одному Богу, хотя и есть разница в наших религиозных убеждениях. После этого меня обвязали веревкой по рукам и ногам и подвесили за балку к потолку. Брат сказал:

— Подожди, обольем керосином бумагу и будем жечь его!

— Нет, не надо, мы провоняем канцелярию. Сделаем иначе! — сказал кто-то из стоявших там.

Они сделали две папиросы из табака, зажгли их и жгли ими мое

тело, а один из них колол меня иголкой по всему телу. Мучили меня до тех пор, пока я вне себя от боли не закричал неистовым голосом.

Тогда они отсекли веревку, и я ударился головой об пол, а ноги остались привязанными вверх. Что было со мной далее, я не помню. Через неделю, когда я пришел в себя, увидел, что нахожусь в доме тещи. С тех пор от нервного потрясения я получил падучую болезнь, от которой не освободился и до сих пор.

Мои страдания этим еще не кончились. В последних числах октября, кажется, 23 октября, когда был маленький церковный праздник и постный день (среда), деревенские власти пригласили меня с женой в сельское правление. Когда мы явились, то на столе стояла чашка с солеными огурцами, а за столом сидел мой брат, волостной старшина, и с ним человек шесть крестьян. Брат мой начал увещавать меня и сказал:

– Ради святого праздника отрекись от своей веры. Все родственники твои – люди знатные и умные, ты один срамишь всех нас.

На это я возразил:

– Если я срамлю вас, то вы отрекитесь от меня, не называйте меня своим братом, а я не отрекусь от Господа.

Двое мужиков взяли меня за уши и начали поднимать кверху... Жена моя стала укорять иконы... Находившиеся там мужики сильно избили нас...

После этого истязания меня не беспокоили до 1 декабря. И вот приехал опять один из православных миссионеров и два священника, которые потребовали меня в волостное правление. Когда я явился туда, то они предлагали мне разные вопросы о вере, на которые я ничего не отвечал. Посадили меня в холодную (помещение для заключенных – *Прим. И. П.*) и раза три прикладывали к спине горящую папиросу, а урядник ударил меня несколько раз плетью. Затем старшина приказал освободить меня, говоря: «Ему помогает нечистая сила!»

4 декабря пришли ко мне два десятских и опять повели меня в волостное правление. Когда на пути туда мы проходили мимо одной кузницы, то старшина, мой брат, выглянул из нее и дал знак десятским, чтобы ввели меня туда, что они и исполнили. В кузнице находилось еще несколько человек – Василий Бабенко, Иван Чахлый и Андрей Ковалев. Когда я вошел, то старшина сказал мне:

– Наденешь ли ты крест?

– Твой крест легок,— ответил я ему. — Наденешь ли ты мой крест на себя?

– Кто наденет на себя твой дьявольский крест? Прокляни своего Бога! — крикнул он мне.

– У нас Бог один, и я верую в единого Бога, у меня нет иной веры,— сказал я ему на это.

...Он злился, заставлял меня ругать своего Бога и грозил посадить на горн и сжечь.

– Делайте, что хотите,— отвечал я ему.

Один из присутствующих, именно Бабенко, сказал:

– Не станем сажать его на горн, а лучше зажать его в тиски и жечь его жигалом. Оно цыгана пробрало, проберет и его.

После этого зажали мне обнаженную левую руку в тиски и начали жечь раскаленным железом (жигалом). Сделали ожоги в десяти или двенадцати местах. То же самое проделали и с моей правой рукой. Во все время истязания я спокойно смотрел брату в лицо, думая тронуть его сердце. А он еще более ожесточался и сердился. Затем зажали мою бороду в тиски и жгли спину мне вдоль позвоночного столба, так что сделали сорок или пятьдесят ожогов. Когда я остался непоколебимым и не отрекся от своей веры, то мой брат закричал:

– Будет, потому что ему помогает нечистая сила!

После этого истязания повели меня в волостное правление, где меня ожидал миссионер. На его вопросы я ничего не отвечал, и он удалился. Меня посадили под арест.

На другой день собрался сход. Старшина держал речь о том, что необходимо принять меры для пресечения появившейся заразы, разумея мое обращение. Он от имени земского начальника предложил составить приговор и сослать меня, как вредного члена общества.

– Согласны? — спросил старшина.

– Согласны! — закричала толпа.

Но один человек из толпы спросил:

– За что же высылать его? Скажите, что он сделал? Украл, убил кого или сделал другое какое преступление?

– Кто это там говорит? — закричал старшина. — Давайте его сюда!

Вывели из толпы этого человека. Судьи сейчас же присудили его

за бунт к двадцати пяти ударам розгами. Поставили на дворе скамейку и подвели его туда, чтобы сейчас же подвергнуть наказанию. Тогда я сбросил с себя одежду и с обнаженной спиной лег на скамейку, сказав:

– Бейте меня за него, все равно моя спина ничего не чувствует. Старшина пек меня, но не допек!

Увидев мою спину всю в ожогах, толпа подняла крик и говорила:

– Не признаем этого суда! Это что такое, что живых людей жгут?!

Когда сделался шум на дворе, тогда земский начальник Вишневский вышел из волостного правления, чтобы узнать, почему поднялся такой крик. Увидев меня, он обругал меня, сказав:

– Возьмите его, подлеца, и заprite его!

Меня схватили и посадили под арест.

Я находился еще двое суток под арестом. Не видя конца моим истязаниям, я решился бежать. Когда сторож заснул, я выломал окно моей тюрьмы и выскочил наружу. С помощью одного приятеля мне удалось достать подводу. Я взял с собой жену и младшего ребенка – двое остались у тещи – и после разных странствий, перейдя румынскую границу, прибыл в Тулчу».

(В. Д. Бонч-Бруевич. Преследование баптистов, 1902)

ТИМОШЕНКО МИХАИЛ ДАНИЛОВИЧ

Михаил Данилович Тимошенко широко известен в братстве баптистов как руководящий служитель и редактор-издатель журнала «Слово истины».

Родился Михаил Данилович в начале 80-х годов девятнадцатого столетия. Его отец, Даниил Мартынович Тимошенко, был первым пресвитером Киевской церкви и испытал немало гонений за верное служение Господу. Михаил Данилович, будучи еще мальчиком, принимал участие в собраниях. Впоследствии он описал обращение отца к Господу в повести

«К новой жизни», которая печаталась в журнале «Слово истины» в 1914 году. Страдания за Христа, которые претерпел отец, Михаил Данилович описал в повести «За убеждение».

На съезде Союза баптистов, проходившем в Ростове-на-Дону в мае 1907 года, и на трех последующих съездах Михаила Даниловича избирали секретарем съезда.

В 1908 году Михаил Данилович, как молодой служитель, вошел в комиссию при баптистском союзе по вопросам молодежи. На совместном съезде молодежи евангельских христиан и баптистов в Москве того же года Михаил Данилович представлял баптистскую молодежь.

В том же году на втором очередном собрании Баптистского миссионерского общества Михаил Данилович был избран в ревизионную комиссию этого общества.

В 1907 году по решению союзной конференции российских немцев-баптистов в помещении Лодзинской баптистской церкви (Польша) была открыта богословская семинария. В 1909 году от Русского союза баптистов в эту семинарию для обучения было направлено одиннадцать молодых служителей. Среди них были известные впоследствии труженики: П. Я. Дацко, Р. Д. Хомяк, М. Д. Тимошенко, И. А. Кмета-Ефимович. Прочитались они в семинарии неполных два года. В 1911 году семинария была закрыта царским правительством.

В 1909 году на съезде представителей молодежных кружков и учителей воскресных школ Михаил Данилович читал реферат «Организация юношеских кружков». Он был избран в совет по делам молодежи.

На Украине в 1911 году было организовано Зиновьевское объединение (их называли тогда районами) баптистских церквей, входящее в Союз баптистов. Председателем этого района был В. Г. Павлов. Михаил Данилович был избран благовестником этого района.

В 1913 году было организовано издание журнала «Слово истины», редактором-издателем которого стал Михаил Данилович Тимошенко. Журнал издавался и в 1914 году.

Михаил Данилович рано подвергся преследованиям. В связи с кончиной Сергея Васильевича Белоусова Михаил Данилович вспоминает:

Искренность, сердечность и простота – эти жемчужины Сергей Васильевич всегда искал в общении с людьми. Цепи дружбы соединили наши сердца с той памятной осени 1909 года, когда по капризу одесского градоначальника С. В. Толмачева я и другие делегаты Всероссийского съезда попали в каталажку, где и спали вместе на холодном цементном полу. Там, в затхлой обстановке застенка, мы познакомились ближе, полюбили друг друга и без всяких особых обещаний рука об руку пошли потом по узкой тропе евангельской деятельности, вместе рассеивая всякую затхлость в жизни и вместе ревнуя об успехе любимого дела Божия. Для меня была открыта душа моего друга. Происходившие разномыслия по тем или иным вопросам потом, когда мы достигали единства, только еще ближе соединяли нас.

(Баптист, № 1-2, 1926)

В июне месяце редактор-издатель журнала «Слово истины» М. Д. Тимошенко посетил г. Бендеры, где находится небольшая группа баптистов, примыкающая к Одесской общине баптистов. Во время проповеди в собрание вошел священник, местный миссионер, по настоянию которого был составлен протокол на М. Д. Тимошенко и И. Тихомирова, которые якобы как приезжие не имеют права проповедовать в собрании.

16 декабря с. г. это дело разбиралось мировым судьей г. Бендер. Обвинение было предъявлено по 29 ст. Уложения о наказаниях. Не признавая себя виновным, М. Д. Тимошенко ссылаясь на Правила от 4 октября 1910 г., п. 4, где сказано: «Совершение в заявленном с соблюдением вышепоказанных правил собраний богослужебных и молитвенных действий и произнесение проповедей лицами, не состоящими устроителями собраний, происходит с согласия сих последних». Затем указал разъяснение Департамента духовных дел от 14 июня 1911 г. за 5569 Таврическому губернатору, где сказано: «Приезжие же проповедники могут проповедывать и совершать религиозные действия лишь в надлежаще отведенных или разрешенных помещениях на религиозных собраниях» («Закон и вера», с. 35).

Мировой судья за ненахождением состава преступления постановил дело прекратить.

(Слово истины, № 18, 1913)

В декабре 1914 года Михаила Даниловича снова привлекли к ответственности и сослали в Нарымский край. Свои мытарства, связанные с этой ссылкой, Михаил Данилович описал в книге «В Нарымский край».

Издание журнала «Слово истины» в связи со ссылкой Михаила Даниловича прекратилось.

После Февральской революции в 1917 году все репрессированные за религиозные убеждения освободились. Возвратился и М. Д. Тимошенко и снова приступил к изданию журнала «Слово истины».

В апреле 1917 года состоялся съезд баптистов во Владикавказе. На нем Михаил Данилович был избран в члены правления. В это время он поселился в Москве, где вместе с П. В. Павловым организовал издательство «Слово истины».

Шла гражданская война, передвижение по стране было затруднительным, поэтому собрать съезд не представлялось возможным. П. В. Павлов совместно с М. Д. Тимошенко образовали Временное правление союза. К работе в нем они привлекли также В. Г. Павлова и И. Н. Шилова.

В мае 1920 года состоялся съезд баптистов в Москве. На нем для руководства Союзом баптистов была избрана коллегия, в которую вошел и Михаил Данилович. В коллессию он был избран и в 1921 году.

В эти годы Михаил Данилович много ездил в связи с возложенным на него служением. Описание одной поездки он поместил в журнале «Слово истины».

Моя поездка с 7 октября по 7 декабря 1920 года.

Сверх ожидания, поездка от Москвы до Самары в скором поезде напомнила далекое былое время, так хорошо мы устроились. Самарская община баптистов и кружок молодежи приняли всех делегатов на Всероссийский съезд кружков молодежи с большим радушием и любовью; мы во всем имели избыток. Я остановился в семье брата Н. А. Левинданта.

С 10 по 17 октября 1920 года состоялся исторический съезд кружков молодежи. Это первый, основной камень великой постройки духовного дома Всероссийского союза кружков молодежи при общинах евангельских христиан-баптистов. Съехавшиеся братья и сестры,

в количестве более семидесяти человек, внимательно, осторожно и с любовью подошли ко всем вопросам программы съезда и вынесли постановления, которые, по моему мнению, должны лечь в основу организации кружков молодежи на местах и утверждения Союза кружков молодежи. Вообще в работе кружков молодежи в данный момент необходимо отметить два радостных факта: первый – созыв первого самостоятельного Всероссийского съезда, и второй – образование Всероссийского союза кружков молодежи. Пусть Господь благословит труд нашей молодежи на ниве Его!

Общая радость всего съезда омрачилась неожиданным событием: на съезд был привезен в гробу пресвитер Самарской общины С. А. Колесников, умерший от воспаления легких. На покойного брата возлагались большие надежды в его работе для Господа, но в воле Божьей было иное... После покойного остались жена и ребенок.

Одновременно со съездом кружков молодежи в Самаре состоялся окружной съезд Средне-Волжского района, на котором обсуждались вопросы по организации районной миссии и устройению общин. Входящие в состав съезда представители общин баптистов, евангельских христиан и меннонитов в равной мере заботились об интересах дела Божия, как члены одного союза. И это слияние в работе одного района является показателем того, что такая же работа возможна и необходима во всероссийском масштабе. Только нужно приложить сердце!

Из Самары вместе с братом И. Г. Довгальюком мы поехали в Оренбург, где в общине евангельских христиан имели восемь благословенных собраний. Помещение общины мало, и братья озабочены подыскиванием нового, а пока устраивают собрания в партийных клубах, хотя и не всегда им удается добиться разрешения на таковые. В наше присутствие в Оренбурге было одно многолюдное собрание в клубе им. К. Маркса, где по окончании проповеди выступили безбожники с нападками на религиозные суеверия и вообще на веру в Бога. Прения затянулись до 10 часов вечера. Бессильные опровергнуть живую, освобожденную от всяких наслоений веру в Бога, представители неверия ответили тем, что взяли обратно выданное прежде разрешение на второе собрание. Но живое слово нашло отклик во многих сердцах.

Имея намерение посетить Орский район, давший голодающим верующим Москвы и Петрограда несколько вагонов пшеницы, я хотел

было проехать по железной дороге до Орска, но поезда почему-то остановились, и мы тогда направились в Актюбинск. Приобретенный Актюбинской общиной большой двухэтажный дом для собрания теперь у нее отобран, и верующие вынуждены собираться в невзрачном помещении. Но для Духа Божия нет уз, и мы имели несколько радостных собраний, невзирая на неудобства помещения.

В актюбинской тюрьме в это время были заключены двадцать человек, приговоренных Ревтрибуналом на несколько лет принудительных работ за отказ от военной службы по религиозным убеждениям. Мы посетили братьев-узников в тюрьме, пели там гимны любви и свободы, молились, и я сказал слово ко всем собравшимся в общей грязной, холодной камере.

Из Актюбинска мы на лошадях направились к Орску и на дороге имели остановки в селах: Троицком, Кимперсае, Бородинском, Вестюбинском – и затем через Орск проехали на хутор Краморский. В этих поселках образовались общины, где мы и устраивали собрания. Давно уже эти общины не посещал никто из благовестников, и понятна та радость, с которой верующие встречали нас. Проехали мы двести верст.

Хутор Краморский населен сектантами разных толков, но большинство жителей – баптисты. Имеется большой молитвенный дом. Остановился я в гостеприимной семье брата Гурия Довгалока. Собрания были переполнены слушателями. На 10 ноября в Краморском хуторе был назначен районный съезд, и я до съезда смог еще посетить с. Раевку за шестьдесят верст – этот бурлящий котел духовных исканий. Большое село заселено баптистами, детокрещенцами, молоканами и добролюбовцами. Идя последовательно по пути отрицания власти, раевская молодежь распустила свой сельский совет и не идет на военную службу. Их арестовывали, отпускали, снова арестовывали, но они остаются непоколебимы. Переполненные собрания я имел в молитвенном доме детокрещенцев. Пробыл я там два дня и только по возвращении в Краморское узнал, что час спустя после нашего отъезда прибыл какой-то отряд, чтобы арестовать нас, но мы уже были далеко...

На районный съезд прибыли братья из двадцати общин, более ста сорока человек. Четыре дня длились деловые и назидательные собрания. 14 ноября я рукоположил на служение пресвитера в Краморской общине И. Г. Довгалока, на служение диакона – А. Литов-

ченко, в Бородинской общине – Л. Сорокоуса и в Дембарской общине – А. Чуприна.

На обратном пути из Краморского мы заехали в с. Гришино, где имели одно собрание. В это время поднялся буран, который в течение недели превращал день в ночь. Все же мы, насколько было возможно, пробирались той же дорогой обратно в Актюбинск. Жутко в поле во время бурана! Местные жители каждую зиму находят десятки замерзших путников.

В ожидании скорого поезда на Москву мы посетили п. Джурун, где в красивом молитвенном доме общины имели три собрания, вечером Господню и рукоположили на служение пресвитера Р. А. Иванова и диакона А. М. Ратушного.

По возвращении в Актюбинск мы устроили собрание в клубе коммунистической молодежи, где потом состоялась беседа с материалистами. По окончании собрания меня и всех членов местной общины окружили конвоем и препроводили в местное политбюро, где всех записали, точно этого нельзя было сделать в клубе, и отпустили. Я имел особое объяснение о баптистах и после часовой беседы был отпущен с миром. Кстати, нам удалось освободить от дальнейших мытарств в это время уже амнистированных заключенных братьев, которых все же хотели отправить в воинские части. Дела всех их были переданы потом в нарсуд.

Когда выяснилось, что в скорый поезд посадки нет, мы отправились в Оренбург. По дороге я сошел на ст. Мартук, где имел в народном училище собрания и в молитвенном зале местной общины совершил вечерю Господню.

При содействии друзей мы с И. Г. Довгалюком сели наконец в желанный поезд и 7 декабря снова были в Москве, ровно через два месяца.

Всюду по общинам, где мне пришлось быть, чувствуется желание работать для Господа, хотя в некоторых местах и ощущается духовный застой. Необходимо послать больше работников, полных силы и огня. И на всех верных лежит забота отыскать этих мужей и дать средства для посылки их на поле работы.

Всем братьям и сестрам, оказавшим мне любовь и внимание во время пути, приношу сердечную благодарность.

Михаил Тимошенко
(Слово истины, № 5–6, 1920)

1923 год для Михаила Даниловича был богат событиями. В этом году он вместе с В. Г. Павловым руководил библейскими курсами, проходившими в Москве, участвовал в делегации от Всероссийского союза баптистов на Всемирном конгрессе баптистов в Стокгольме. В день закрытия конгресса вновь избранное руководство Всемирного союза баптистов организовало частное совещание с представителями евангельского союза и баптистского союза России с целью выяснения несогласий между ними. Михаил Данилович также участвовал в этом совещании.

Перед отъездом из Стокгольма Михаил Данилович внезапно заболел, так что пришлось его поместить в больницу. Братья С. В. Белоусов, П. В. Павлов и И. Н. Шилов, как его верные друзья, остались ждать его выздоровления. Через несколько дней они все вместе отправились на родину.

В декабре 1923 года в Москве проходил очередной XXV съезд Союза баптистов. На нем Михаил Данилович был избран в коллегию Союза баптистов.

Обстановка на съезде была тяжелая. Еще в мае П. В. Павлов, М. Д. Тимошенко и Н. А. Левинданто направили в центральные органы власти сообщение о притеснении баптистов со стороны Государственного политического управления (ГПУ). В сообщении, в частности, говорилось:

Доводя об этом до сведения руководящих органов правительства, коллегия ВСБ с грустью должна констатировать, что закон о свободе совести на основании 13 ст. Конституции нарушается не только на местах невежественными агентами правительства, но и в центре. Баптисты, пережившие гонения при царском режиме, чувствуют, что теперешняя картина нетерпимости становится очень схожей с прежней. Хотя центральные власти отменяют многие незаконные действия, но количество правонарушений опережает возможность доводить о всех их до сведения центральной власти и добиваться их отмены.

(А. Нежный. Комиссар дьявола, 1993)

В докладной записке евангельских христиан-трезвенников в ЦК РКП от 15 мая 1924 года говорится:

Чрезвычайные факты, касающиеся Союза баптистов.

Что было со съездом евангельских, то случилось и со съездом баптистов. ГПУ в лице товарища Тучкова и здесь произвело давление на делегатов. В течение самого съезда целый ряд участников его были вызваны в ГПУ. Одних там арестовывали, других отпускали, и, конечно, в результате работа съезда была сильно затруднена и само решение не могло быть свободным. Да и к тому же во время заседания съезда присутствовало несколько представителей из ГПУ. В течение съезда и после него было арестовано одиннадцать делегатов. Некоторые из них выпущены, но часть, а именно: Глаголев, Принцев, Хомяк, Шилов, Левинданта, Тимошенко – отправлены в ссылку, причем в те места, где томились за свою веру гонимые сектанты при царском строе, а именно: в Нарымский край и Соловки. Другими словами, советская власть в лице ГПУ возвратилась к старой тактике царских гонителей за веру.

(А. Нежный. Комиссар дьявола, 1993)

Итак, Михаил Данилович, как и в 1914–1917 годы, опять оказался в ссылке. Подробности его мытарств неизвестны. Вернулся он из ссылки, видимо, в октябре 1925 года. Он участвовал в пленуме Совета Союза баптистов в декабре 1925 года. В протоколе заседаний пленума о нем имеются такие сведения:

1) О брате М. Д. Тимошенко в связи с возвращением его из ссылки.

Признать, что М. Д. Тимошенко, оставивший свою работу в центре по не зависящим от него причинам и ныне вернувшийся, по-прежнему является персонально избранным членом Совета Союза баптистов СССР...

Доклад комиссии по исследованию вопроса о помощи братьям ссыльным: М. Д. Тимошенко и Н. А. Левинданта – уплатить причитающееся им жалованье как работникам союза за десять месяцев 1925 года... Что же касается вспомоществования братьям И. Н. Шилу и Р. Д. Хомяк, то комиссия признает необходимым выдать им такое в следующих размерах: Шилу – 200 руб., Хомяк – 400 руб.

2) Заявление М. Д. Тимошенко о необходимости выяснения вопроса о его дальнейшей работе как члена бывшей коллегии Всероссийского

союза баптистов, избранного на эту должность Всероссийским съездом в декабре 1923 года.

С избранием в декабре 1924 года председателя союза с двумя товарищами вместо коллегии отпадает вопрос и о членах бывшей коллегии.

3) О выраженной благодарности братьям П. В. Павлову и М. Д. Тимошенко, много потрудившимся в деле устройства организации союза нашего братства в особо трудное время.

Выразить вставанием благодарность, что и выполнено единогласно...

Михаил Данилович Тимошенко – заведующий издательским отделом с 1 ноября с. г.

В апреле 1926 года в Харькове проходил пленум Всеукраинского союза баптистов.

Прибыли на пленум М. Д. Тимошенко и Р. Д. Хомяк. Их приятно видеть братьям после всего уже минувшего. Первый – такой же улыбающийся, но с оттенком грусти или усталости на лице, а второй – тихий, скромный и молчаливый, как всегда.

(Баптист Украины, № 4, 1926)

На XXVI съезде Союза баптистов Михаил Данилович входил в комиссию по проверке полномочий прибывающих делегатов. На этом съезде Союз баптистов был реорганизован в Федеративный союз. Было принято решение, что местные общины, не организованные в союз, должны объединяться в местные союзы, которые в свою очередь войдут в Федеративный союз. Михаилу Даниловичу было поручено организовать в союз общины баптистов центральных губерний России.

В августе 1927 года проходили заседания Совета Федеративного союза. В протоколе заседаний этого Совета имеется такая запись:

О допущении на заседание Совета председателя Временного комитета по организации союза баптистов центральных губерний М. Д. Тимошенко.

ПОСТАНОВИЛИ: согласно Устава ФСБ, Совет его состоит из представителей поместных союзов, входящих в состав Федерации,

а так как Союз баптистов центральных губерний РСФСР не организован еще, то и член Временного комитета по организации этого союза М. Д. Тимошенко на заседание ФСБ допущен быть не может, причем Совет постановляет предоставить брату М. Д. Тимошенко право сделать доклад Совету о проделанной работе и причинах задержки организации Союза баптистов центральных губерний РСФСР.

С 15 по 20 декабря в Москве состоялся первый съезд Центрального союза баптистов. В президиум съезда были единогласно избраны: председатель съезда — М. Д. Тимошенко, товарищи председателя — П. В. Павлов и И. К. Вязовский. На этом съезде был организован Центральный союз баптистов. Михаил Данилович был избран председателем этого союза.

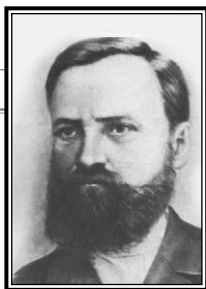
В работе пятого съезда Всеукраинского союза баптистов в 1928 году Михаил Данилович участвовал как представитель Федеративного союза.

Надвигались тяжелые годы гонений. Начали арестовывать руководящих братьев. Федеративный союз баптистов был закрыт. В 1930 году власти разрешили созвать пленум для создания нового союза баптистов. На пленуме председателем союза вновь был избран Н. В. Одинцов, а М. Д. Тимошенко и П. Я. Дацко — помощниками председателя. Так братья, двадцать лет назад вместе учившиеся в Лодзинской духовной семинарии, вновь оказались вместе на высоком и ответственном служении. Но ненадолго. К концу этого года или в начале следующего Михаил Данилович был арестован. На свободу он больше не вышел.

Братья-узники встречали Михаила Даниловича в заключении в Караганде. Дальнейшая судьба этого верного труженика неизвестна, но все знает Господь. «...Пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его» (Мал. 3, 16).

Ярким доказательством его верности Господу является то обстоятельство, что и при господстве православной церкви в России, и при господстве атеизма его старались изолировать, устранить от участия в жизни народа Божьего. Но народ Божий помнит своих верных наставников, которые оставили яркий пример верности Господу, достойный подражания.

ЕВСТРАТЕНКО АНДРЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ

Андрей Леонтьевич Евстратенко был первым председателем Сибирского союза баптистов и совершал это служение до перехода к Господу. Он первый крестил новообращенных в Сибири.

Вот что Андрей Леонтьевич рассказывает о себе:

Родился я и вырос в деревне Усохи Поповской волости Гомельского уезда Могилевской губернии. Первым баптистом в деревне Усохи был односелец Ефим Лешок, который на летних работах на юге узнал подлинное евангельское учение. В том же году возвратясь домой, он по возможности, с большой осторожностью, старался указать и другим истинный евангельский путь. К нему стали прислушиваться односельцы, и из них несколько человек открыто стали на сторону евангельского учения. Первыми последователями Е. Лешка были братья Приймаченко, Гуль, Пахаренко и несколько других лиц...

(Слово истины, № 7-8, 1918)

Достоин внимания рассказ Евсея Лешка, родного брата Ефима:

В 1879 году, среди непросветной религиозной тьмы, в нашем селе засиял Божий свет и озарил сердце родного моего брата Ефима Матвеевича. Обращенный к истине, он тайно от нас — домашних — послал в Петербург письмо В. А. Пашкову с просьбой о присылке Библий и Евангелий. В самом непродолжительном времени В. А. Пашков выслал ему четыре Евангелия и три пуда брошюр.

Повестка на посылку и письмо от В. А. Пашкова в волостном правлении попались мне: я был старшиной. Заинтересовался. «От кого это,— думаю,— Ефиму из Петербурга посылка?» Вскрыл письмо и — ахнул! Полковник Пашков его «возлюбленным братом» называет... Вот так-так! «Какой же,— думаю,— Ефимка, сиволапый мужик, возлюбленный брат Пашкову?»

Дома грозно, по-начальнически спрашиваю:

– Куда письмо писал?

Испугался. Говорит:

– Никуда...

Напустился я на него тут. Признался. И стал мне говорить о Господе. Слово истины было посеяно. А с посылкой вышла большая история. Литературу по повестке брату не выдали, переслали ее к старшему, а от него – к гомельскому уездному исправнику. Вызвали адресата. Начальник спрашивает Ефима:

– На что тебе столько книг?

– Надо, – отвечает.

– Ну, поедем вместе на почту.

Поехали. Выкупили. С почты – в полицию. Распечатали – Боже мой! – чего-то, чего там нет: и листовки, и брошюрки, и книги!

– Приезжай через две недели, проверю...

Когда брат явился к исправнику, половины книг не осталось. Стали собирать. Они уже оказались у попов, у архиерея, у губернатора.

И я в июле 1879 года отдался Господу. Это были дни черных, зловещих гонений за убеждения.

Зимой 1880 года наши сельчане под влиянием агитации местного попа учинили над верующими побоище. Ринулись пьяной толпой в наши дома, побили окна, посуду, разнесли строения и вывезли хлеб из амбаров... А проповедника, брата Андреева, растянули на палке, привязали к ней и, избивая, возили по селу. Били сильно: текла кровь из рта, головы, носа...

(Баптист Украины, № 9, 1927)

Далее в автобиографии Андрей Леонтьевич Евстратенко пишет:

...Православные негодовали на новое учение, старались уничтожить, как они понимали, корень зла, распространяемого Е. Лешком, придумывали различные меры. Искали случая, с чего бы начать расправу с отступниками.

В декабре из села Дубового Лога к Е. Лешку приехал в гости брат по вере в Иисуса Христа Александр (фамилию не помню). Приезд Александра послужил как бы сигналом для принятия решительных мер по искоренению штунды. Ночью собралась толпа, арестовали

приезжего и повели в корчму, где били его ужасно. Связали сзади руки и на руках повесили в корчме на железный крюк. Подносили ему вина, а когда он отказывался пить, то ему выплескивали в глаза. Эти истязания продолжались до 12 часов ночи. Кузнец Ананий Прохоров, хотя и был православным, сжалился над несчастным Александром и стал просить истязателей, чтобы они отдали его ему, обещая сделать с ним так, что он только останется жив, но жить долго не будет. Прохорову поверили и на этих условиях отдали ему Александра. Прохоров, приведя Александра к себе домой, не только не стал его больше мучить, но помог ему омыть кровь, успокоил его, покормил, и даже напоил чаем, что было в то время большой роскошью, и уложил в постель. Поутру к Прохорову снова явились ревнители православия, взяли Александра и повели его к сотскому, где снова избили и посадили в карцер. В числе этой толпы ревнителей был и я.

Ефим Лешок пришел к заключенному страдальцу, чтобы утешить его и накормить. Увидев свиное сало, которым Лешок намеревался угостить Александра – тогда был пост, – не успокоившаяся толпа снова воспламенилась: выхватили из рук Лешка сало и стали им мазать лицо Александра и снова бить чем попало по голове. У кого-то оказалась даже трехфунтовая гирилка, которой тоже били его. А Лешка начали бить попавшимся под руки коромыслом и дрючком, но он от дальнейших истязаний спасся бегством.

Приезжего Александра вывели во двор, привязали на дрючок крестообразно руки и повели с шумом, гамом и свистом по деревне. Остановливаясь около каждого баптистского двора, толпа забегала в дом «еретика», разламывала печь, выбивала окна, захватывала хлеб, постель, рогатый скот и другие вещи. Все это направлялось к кабаку и тут же спешно продавалось, а на вырученные деньги покупалась водка. В этот день я был назначен вестовым и в драке и в разгроме домов принимал активное участие.

Баптисты в ужасе разбегались из своих домов, и кто прятался с детьми в солому, кто бежал, спасаясь, в лес при 30 градусах мороза. Погром сектантов продолжался до поздней ночи. К моему отцу прибежали родственники и, рассказывая о моем геройстве, звали и его бить штунду, но отец не согласился и сказал:

— Бог с ними!

Отец уговаривал и меня, чтобы я не трогал баптистов, но я

не обращал внимания на его убеждение и время от времени подходил и бил приезжего Александра. Отец не вынес моего усердия и после уговоров схватил меня сзади за волосы и потащил домой, где и сказал:

– Если ты еще пойдешь бить штундов, то я тебе голову оторву.

Сильное внушение отца еще более озлобило меня против приезжего, и я снова убежал из дома и с большою злобою бил его, приговаривая:

– Через тебя, нехристя, меня отец бил!

Ходил я по домам баптистов, с ненавистью разбивая и разрушая их жилища. Дело этим не ограничилось. Приезжего отправили в волость, дали в провожатые Гордея Горбачева и других людей, более преданных православию и отличавшихся жестокостью. Люди эти не были насыщены кровью измученного, избитого Александра и дорогой продолжали бить лежащего пинками и сломали ему два ребра. Привезли в деревню Круговец, где была церковь и священник. Там Александра привязали к дрючку (идти он сам не мог) и понесли по улице. И тут находились охотники бить полуживого человека. Лицо его было опухшее, и изо рта валилась клубами кровавая пена. С гамом, свистом и хохотом несчастного понесли по направлению к церкви. Навстречу вышел приходский священник Суходольский и радостно сказал:

– Вот как штундистского владыку провожают!

Избитый нашел в себе силы и ответил:

– Так нашего Владыку Христа вели на Голгофу.

На эти слова священник возразил:

– Поддайте ему больше!

Народ с радостью исполнил желание священника. Натешившись над беззащитным, круговецкие отправили полумертвого со сломанными ребрами в волость Поповку. Из волости отправили к приставу в стан, а пристав отослал в уездный город Гомель к исправнику, который поместил присланного в больницу, где больному оказали помощь. Долго Александр находился между жизнью и смертью, постоянно откашливал кровью и все же, пролежав около года в больнице, встал на ноги, но уже работать не мог и до самой смерти продолжал кашлять кровью. Через несколько лет мне пришлось хоронить его, как брата, и оплакивать его преждевременную смерть, в которой я тоже был виновен.

После избиения было наряжено следствие, но потерпевший Александр и баптисты, жители с. Усохи, по примеру Христа простили своим мучителям, и следствие прекратили. Православные потом стали относиться к баптистам лучше, позволяли им устраивать собрания, а впоследствии многие из участников избиения покаяться и стали баптистами.

Года через три в наше село приехал баптист В. В. Иванов с Кавказа. Было устроено собрание, на которое пошел и я, чтобы увидеть Иванова и послушать его проповедь. Пришел я в то время, когда Иванов читал 9 главу Послания к Евреям. Мне особенно врезались в память слова: «Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы через окропление освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя, непорочного, Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел для служения Богу живому и истинному!»

Перед моим взором стали все мои позорные дела, которые я не мог не назвать мертвыми делами.

«Где же мое служение Богу живому и истинному? – с тоскою думал я. – Нет, таких у меня дел и не было». Это так затронуло мое сердце, что я невольно стал подробно вспоминать всю мою дерзость против народа Божия. Мой грех так встревожил меня, что я не выдержал угрызания совести и горько заплакал во время собрания. Пришел домой печальным. Отца в живых у меня уже не было, и я объявил матери, что баптисты проповедуют истину и я стану следовать ей. Мать заплакала и со слезами сказала мне:

– Смотри, сынок, не ошибись.

– Нет, мама, ошибки тут нет, – возразил я.

Ночь провел я тревожно и все время думал о евангельской проповеди Иванова. Много у меня было вопросов, которые я сам не мог решить. Как бы понимая мое душевное настроение, наутро пришли ко мне в дом баптисты-односельчане и стали говорить о любви Христа, Который прощает всех грешников, когда они идут к Нему. Сердце у меня было размягчено, и я плакал, сокрушаясь о своих грехах. Братья меня утешали. В особенности меня трогали слова сестры Анны Пуховской, когда она говорила, что Бог любит грешников и прощает им все грехи. Простит и меня.

С того времени я стал посещать собрания. 6 мая 1885 г. я отдался Господу на служение. В 1886 г. был крещен братом Чететкиным.

Однажды приехал брат Иванов, пробыл у нас пять дней и уехал благополучно в деревню Дубовый Лог, где тоже были братья. Там брата Иванова арестовали и с другими нашими братьями отправили к исправнику. Исправник этот в особенности любил драться. Не разбирая дела, начал бить баптистов и, обратясь к Иванову, спросил у него документ, в котором у Иванова было написано, что он духовный наставник. Исправник опешил и, обратясь к провожавшему сотскому, стал ругать его за то, что он привел к нему и духовного наставника. Раз два он ударил сотского и велел отправить Иванова на станцию, купить ему билет и выпроводить из уезда. Отпустил по домам и приведенных с Ивановым братьев.

Первое время многие из братьев не верили в искренность моего обращения ко Христу, указывая на мои недавние гонения. Другие же не соглашались с ними и указывали на пример гонителя Савла, который был потом одним из ревностных апостолов. Мне больно было видеть недоверие к себе братьев. В особенности своим недоверием меня обидел брат Приймаченко, который, собираясь на Кавказ для исследования новых мест, не взял у меня деньги на дорогу и сказал:

— Кому вы там, бедняки, нужны на новых местах? Вас еще там кормить придется.

Вскоре после моего обращения гонения возобновились с большою силой. Однажды приехали к нам в село жандармский полковник, уездный исправник, пристав и несколько полицейских урядников. На жителей навели страх и трепет. Арестовали семь братьев, читающих Слово Божие, которые просидели в тюрьме около двух лет. После тюрьмы шесть братьев вернулись домой, а брата Приймаченко отправили в административном порядке в ссылку на поселение в Оренбургскую губернию. Когда вывели арестованных братьев из деревни, то жандармский полковник сказал:

— Прощайтесь со штундистами, больше вы их не увидите и пропаганды у вас не будет.

— О нет, падшая евангельская искра не утухнет,— со слезами проговорил я.

Полковник схватился за шашку, затопал ногами и неистово закричал:

— Отойди, бескиший, а то зарублю сейчас!

(Я тогда был худой и очень тонкий.)

Грозное начальство уехало и увезло от нас лучших передовых работников. На собраниях некому стало читать Евангелие, и мне, двадцатилетнему юноше, поручили проповедовать. Самые собрания разгоняли и запрещали нам их устраивать, но мы собраний своих не прекращали, а проводили их по ночам, часов в 12, когда все в деревне спали.

Жители все же узнали о наших поздних собраниях и с прежней ревностью стали разгонять нас. Мы переменяли часы собраний, но все же продолжали собираться. Однажды мы собрались и не заперли дверей. Собралась и толпа православных, ворвались к нам в квартиру и стали выгонять поодиночке из дома. Выстроившись в два ряда, православные сквозь строй провожали нас ударами кулаков, восхищаясь тем, кто из них лучше ударит. Такие же проводы были и женщинам. В конце строя была поставлена поперек скамья. Проходившие сквозь строй должны были перепрыгивать через скамью. За неудачный прыжок удары кулаков удваивались. Многие падали и сильно ушибались. Моя мать так сильно упала, что вышибла себе руку, но это не остановило православных. Они с хохотом продолжали свое дело, пока не прогнали всех.

Довольная своим искусством толпа разошлась по домам, с гордостью рассказывая домашним о своих подвигах. Из православных, слушавших о жестокой расправе, никто этим не возмущался. Но все же в конце концов жители утомились нас преследовать, и ненависть стала меньшей. Полицейский урядник Шалютин не унимался и стал брать народ из деревни Круговец, человек по пятьдесят, и с их помощью разгонял наши собрания и устраивал погромы и избиения. В свою очередь, мы тоже стали принимать меры и ставили на вышке караул. Когда появлялась толпа из деревни Круговец, то по данному нам сигналу мы немедленно расходились по домам. Наконец и круговецкие жители стали утомляться, и многие отказывались идти помогать уряднику. На тех, кто отказывался идти с урядником в нашу деревню, накладывали штраф по 50 коп. с человека за каждый раз.

Несмотря на все наши меры предосторожности, все же иногда круговецкие жители захватывали нас на наших собраниях. В одну из таких облав круговецкие захватили нас в собрании и начали по обыкновению всех бить, вытаскивая из дому. Вытащили и меня и били без жалости. Пришедший из солдат Фома Солошенко был еще православным и, обратясь к своим односельцам, сказал:

— Если нужно бить штундов, то бейте сами, а зачем позволять бить чужим?

В это время круговецкие подхватили меня и Т. Лешка и стали тащить за деревню, где хотели избить нас до смерти. Возмущенные жители нашей деревни не вынесли такого самоуправства круговецких, схватили колья и побежали за круговецкими, отбили нас у них и прогнали их из нашей деревни. После того круговецкие в нашей деревне не появлялись.

Прежнюю свою ревность по избиению баптистов мне пришлось искупить и быть самому битым не один раз. В нашей деревне меня считали бедным сиротой, и каждый, старше меня годами, считал своим долгом учить меня истинному пути. Не забуду науку сотского Машука и сельского старосты Прохора, должностные палки которых часто испытывали крепость моей спины. Урядник Шалютин также мне оказывал внимание, плеть его гуляла по моей спине не один раз.

Однажды я шел на собрание, и меня встретил урядник и спросил:

— Куда ты идешь, штунда?

— В собрание,— ответил я.

— Вот тебе собрание,— проговорил урядник, ударяя меня плетью,— я научу тебя, как ходить в собрание! — Сам бьет плетью и приговаривает: — Отца у тебя нет, так я тебе вместо отца сделаю наставление.

Иссек мне всю спину и, довольный своей просветительной работой, отправился к сотскому, я же не воротился домой, а пошел на собрание и предупредил братьев о приезде в деревню урядника. Братья заперлись и дверь изнутри приперли бревном.

Полицейский урядник собрал народ, взял сотского и привел к дому, где у нас было собрание, но войти в дом они не могли. Попробовали сорвать дверь, но она была хорошо приперта бревном, и им сорвать дверь не удалось. Тогда они решили выломать окна и хотели через окна попасть к нам в дом. Мы стали в окна по три-четыре человека и никого не пускали. Урядник, считая себя священной особой, которой рука баптиста не должна коснуться, попробовал ввалиться в окно, но на этот раз мы и его вытолкнули из окна, надавливая на его живот. Православные же усиленно старались толкнуть к нам урядника. Выталкивание урядника продолжалось около часа. Наконец урядник утомился и почувствовал себя дурно, поняв, что ему не удастся попасть через окно к нам. Он начал просить православных, чтобы они пустили его назад.

Урядник, обозленный на нас из-за неудачи, ругался и грозил, что заморит нас голодом. Приказывал, чтобы мы вышли добровольно, но мы боялись, что они будут нас жестоко бить, и не выходили, а говорили им, чтобы отступились. Наконец урядник с народом отошли в сторону, и мы решились выйти из дому и благополучно разошлись по домам. В это время кто-то ударил сестру Голубенко один раз. На этот раз мы, против ожидания, мало пострадали.

Чтобы собрания не были многочисленными, мы стали устраивать их одновременно в двух домах. Одно в доме К. Голубенко, а другое — у Л. Приймаченко. Поощряемые урядником, жители не унимались и раз пришли ночью в дом Голубенко, чтобы всех пришедших на собрание переписать и отослать в волость, но предварительно решили сделать свою расправу. Меня вытащили за волосы из общей комнаты в сени. Начали бить, но я скоро вырвался из их рук и спрятался в соломе на гумне Гордея Горбачева, другие тоже разбежались кто куда. Такие случаи происходили не один раз. Даже была попытка сжечь наши дома, но православные соседи не допустили этого, боясь, что и их дома сгорят вместе с нашими.

Иногда у нас устраивались детские молитвенные собрания, где детей обучали закону Божию и пению. Детские собрания тоже разгоняли. На одно из детских собраний пришел урядник, староста и сотский и начали при детях бить меня и Петра Маевского, а детей выкидывали за дверь. Многие из детей, перепуганные, стали выпрыгивать в окна и сильно ушибались.

В слежении наших собраний принимали участие наш сельский учитель и псаломщик, которые ходили по домам и доносили начальству. Раз я ночью заметил, что кто-то подсматривает в окно. Вышел на двор и спросил:

— Кто тут?

Вместо ответа псаломщик ударил меня железной тростью по голове. От испуга и боли я закричал, а псаломщик убежал. В деревне в это время были круговецкие, которые прибежали на мой крик, но я от их помощи отказался, поспешно вбежал в дом и заперся.

С похоронами наших умерших тоже немало происходило неприятностей. В один из праздничных дней нам пришлось хоронить мою родную тринадцатилетнюю сестру Александру. Староста и сотский в это время были в корчме и блаженствовали около «горилки». На кладбище мы принесли покойную благополучно, но кто-то сказал старосте

и сотскому, что мы уже с покойницей на кладбище. Когда мы опустили гроб в могилу, то увидели бегущих к нам старосту и сотского. Не обращая на них внимания, мы начали засыпать гроб землей. В это время первым прибежал сотский и, прыгнув в могилу и растопырив руки, начал кричать, чтобы мы перестали закапывать могилу. Попробовали было его уговаривать, чтобы он вылез из могилы и не мешал нам окончить похороны, но сотский не соглашался. Мы решили не оставлять могилу незакрытой и продолжали засыпать землей. Засыпали и сотского по колено. Снова попросили его вылезть из могилы. Он и на этот раз не согласился и продолжал кричать, что не позволит хоронить. Мы его приподняли за руки и снова начали закапывать. Так мы приподнимали сотского раза три-четыре и все же зарыли могилу. Сотский увидел, что его дело не вышло, обругался и ушел.

У брата Приймаченко умер ребенок. Его понесли на кладбище для похорон. В конце улицы нас догнал сельский староста, ударил меня два раза кулаком, приговаривая:

– Я тебе дам хоронить, штундовский поп.

Велел остановиться и поставить гроб на землю. Когда приказание старосты исполнили, то он сел на гробик и решительно заявил, что не позволит штундам хоронить.

– Хорошо,— ответили мы,— если нам не позволяете хоронить, то хороните наших покойников сами, для нас это большой важности не представляет.

Повернувшись, мы отправились домой. Староста не ожидал от нас такой уступчивости ему покойника и, увидав, что мы решительно уходим домой, начал кричать, чтобы мы воротились. На этот раз мы не вернулись, и старосте пришлось самому бегать по крайним хатам, собирать православных и хоронить штундового покойника. Многие смеялись над старостой, что он попал впросак, но он не унимался.

Летом у баптиста Кузьмы Ешукова умерла жена. Староста решил принять меры и на кладбище заявил, что он без разрешения пристава не позволит хоронить.

– Смотрите, дело ваше,— заявили мы старосте,— только знайте, что если вы нам не позволите хоронить теперь, то мы ее и после не будем хоронить, а также и до похорон караулить ее не будем.

– Обойдемся и без вас,— возразил нам староста.

Покойницу оставили в помещении для покойников на кладбище. Время было мокрое. Старосте пришлось назначить караул. Труп

разлагался. Зловоние пошло по всей деревне. Народ начал возмущаться против старосты. Пристав ехать не торопился. Прошло более недели. Наконец приехал пристав и разрешил нам хоронить покойницу. Но мы решительно заявили:

— Раз нам не дали хоронить вовремя, то хороните теперь сами как знаете.

Со скрежетом зубов на нас и на старосту похоронили покойницу православные. Пристав же распорядился и сказал старосте, чтобы он больше не препятствовал нам хоронить своих покойников.

В нашем селе злоба православных против нас стала заметно уменьшаться, но она перекинулась в другие, соседние села, через которые нам приходилось ездить в уездный город. Проезжать через эти села для нас было мучением. Если жители узнавали, что едет баптист — а знали они нас почти всех,— то крик, ругань, бросание камней сопровождали нас и мы, нахлестывая лошадей, старались как можно скорее проехать опасные места. Иногда жители оставляли наших лошадей и били нас. Особенно памятно мое избивание в деревне Дубровке, через которую мы ехали из города после посещения в тюрьме наших братьев. Ехали мы втроем: К. Гулев, его жена Елена Ивановна и я. Впереди нас ехала богатая еврейка Рывка. В деревне Дубровке гуляли две свадьбы. Увидев нас, мужики решили поймать и, схватившись за руки цепью, перегородили улицу. Остановили лошадей и начали с нами расправляться. Еврейку отпустили, а нас стали бить. Еврейка стала просить, чтобы отпустили нас и, показывая на меня, говорила:

— Я знаю его, он пьет вино, курит табак, ругается по-православному.

Но ей не поверили и сказали:

— Поезжай домой, а то и тебе то же будет.

У нас же забрали лошадь и повезли по деревне, крича:

— Штунду продаем!

Другие же, смеясь, покупали штунду. Один из солдат, недавно пришедший со службы, стал уговаривать толпу, чтобы она составила на нас протокол и отпустила, но толпа кинулась на него и начала его бить. Нас же заставляли креститься. К. Гулев перекрестился, но окружающие нашли, что он плохо крестится, и начали бить его палками по пальцам.

Меня же раздели и стали осматривать, ища хвост... В это время

Елену Гулеву кто-то стащил с телеги и начали ее бить. Били с ожесточением, так что изо рта и носа текла кровь, и она скоро впала в бесчувственное состояние. Толпу это не остановило, она накинута на К. Гулева и начала его также бить до крови и бесчувствия. Ко мне же залез в телегу здоровенный мужчина и, выхватив у меня вожжи и кнут, выехал из толпы и начал меня бить, говоря:

– Тебе говорят, уезжай! – Сам все бьет и приговаривает: – Уезжай, тебе говорят, уезжай!

Избил меня в кровь и отпустил. Я выехал за деревню, стал отворять ворота у загороди деревни. Ветер мне мешал отворить ворота, а в это время прибежала толпа, захватила меня и снова начала бить. Сорвали с меня одежду и обувь, но все же я, сильно избитый, вырвался из их рук и убежал в поле. Толпа опрокинула телегу и выбросила чай, сахар, керосин, деготь и смешала все вместе. Подбегая к другой деревне, отстоящей верстах в пяти, я остановился и стал раздумывать, что делать. Идти в деревню – боюсь, что и в этой деревне будут бить. Наконец решил вернуться обратно в Дубровку и узнать, что стало с Гулевыми.

Подходя к деревне Дубровке, я встретил на лошади Гулевых. Увидев меня, они обрадовались и, забыв боль, улыбаясь, рассказали мне, что нашлись в Дубровке и хорошие люди, которые взяли их на свою опеку, привели лошадь, посадили их на телегу и отправили окольными путями через другую деревню. И мы после этого благополучно вернулись домой.

(Слово истины, № 7–8, 1918)

Однажды в нашу деревню приехали исправник и пристав. Собрали сход, на который позвали и всех нас. На сходе исправник велел нас бить. Народ ответил:

– Вы нас заставляете бить, а потом нас же судите. За побои их и разгром их имущества они нас простили, а то бы нам теперь сидеть в тюрьме пришлось, а вы нас еще в беду тянете. Дайте нам письменное разрешение!

– Ах вы... какое вам еще нужно разрешение?! – выругался исправник. – Мы вам на словах даем разрешение и говорим: бейте их, вам ничего за них не будет.

– Начните вы вперед их бить, а потом и мы будем, – возразили на сходе.

Исправник не заставил себя долго упрашивать. Подошел к Прохоренко, развернулся и начал его бить. Пристав, урядник, староста, сотский и другие тоже начали нас дружно бить. Прохоренко же схватил исправника за плечи и, тряся его, громко проговорил:

— Что ты думаешь, польский мятежник?! (Исправник был из поляков.) Разбойник ты, а не начальник. Я в Турецкой войне был, защищал родину, имею кавалерийские отличия и избавлен от телесного наказания, а вы меня на сходе бьете!

Исправник испугался, побелел и начал кричать:

— Не бейте их, не бейте!

Благодаря смелости Прохоренко избиение приостановилось. Случай этот был доведен до сведения губернатора, который сначала вызвал пять человек из наших старших братьев, а потом, оставив их в городе, выслал в нашу деревню вице-губернатора. Был собран сход, на который пригласили и нас, молодых оставшихся баптистов. На сходе при нас вице-губернатор спросил исправника, бил ли он штундистов? Исправник, приложив руку к козырьку, сказал:

— Никак нет, ваше превосходительство!

Православные поняли, как надо отвечать вице-губернатору, и, когда он, обратившись к народу, спросил: «Бил ли исправник штундистов?» — православные дружно закричали:

— Не бил! Мы не видели!

Вице-губернатор, обратясь к нам, стал говорить:

— Зачем же вы напрасно жалуетесь?

В толпе я увидел сильно смущенного И. Натируху, в доме которого исправник собирал сход и бил нас, и понял, что он волнуется и хочет сказать правду, но не знает, как начать. Чтобы помочь И. Натирухе, я, обратясь к вице-губернатору, сказал:

— Спросите хозяина квартиры, где было дело избиения, и если он откажется подтвердить правду, то тогда нам негде ее и искать.

Вице-губернатор, обратясь к нему, спросил:

— Скажи, правду они говорят?

Натируха, трясаясь всем телом, начал дрожащим от волнения голосом говорить:

— Что будет мне, то пусть будет. Может, меня в кандалы закуют и в Сибирь сошлют, но я скажу правду: штундистов на сходешибкобили...

— Кто бил? — спросил вице-губернатор.

– Вот исправник бил, пристав, урядник, сотский и другие били,— ответил Натируха.

– Вы били? – спросил вице-губернатор исправника.

– Да, один раз ударил Прохоренко за то, что он схватил меня за погоны.

– Правда, что вы хватались за погоны исправника? – спросил вице-губернатор, обратясь к Прохоренко.

– Правда,— ответил Прохоренко,— но я исправника схватил за плечи не вперед, а после того, как он меня ударил несколько раз. Я же, как кавалер, избавлен от телесного наказания. После же того, как я его назвал разбойником и польским бунтовщиком, исправник перестал сам бить и другим запретил, и избиение приостановилось.

Вице-губернатор уставил свой взгляд на исправника, покачал головой и сказал:

– Свиной вам пасти, а не исправником быть. Вас посылают устанавливать порядок, а вы сами что делаете?

Исправник в это время стоял ни живой ни мертвый и был блее полотна. Видимо, вице-губернатору жаль было исправника, и он, обратясь к нам, стал спрашивать:

– Вы читаете Евангелие?

– Читаем,— ответили мы.

– Стараетесь жить по Евангелию?

– Стараемся.

– А знаете, что Евангелие учит прощать обидевшим вас? Так вот,— продолжал вице-губернатор,— вы должны забыть свои обиды и не искать наказания исправника. У него семья, дети, а он должен лишиться места. Простите ему.

Мы и на этот раз согласились простить обидевшим нас.

Гонения на время прекратились, но потом они опять возобновились, хотя в более мягкой форме. Душа требовала общения с Богом в молитве, а нам запрещали собираться на молитву. Украдкой собирались по ночам, но за нами и ночью следили и часто разгоняли, сажали на выsidку по несколько дней. Штрафовали рублей по 20.

Во время этих гонений нас посетил В. Г. Павлов, но посещение сделал он очень осторожно. На станции встретили его посланные нами братья. Подъезжая к нашему селу, он слез с лошадей, чтобы не вызвать подозрений у жителей, и поздно вечером задами прошел в дом брата. Ночью сделали молитвенное собрание, на котором

приняли пять новых членов и окрестили их в реке. Ночью же, прямо с реки, В. Г. Павлова благополучно отправили на станцию.

Год от году жить нам становилось труднее. Различные преследования за веру, высидки и штрафы замучили и разорили нас, и мы начали думать, куда бы переселиться, где бы нас меньше притесняли за евангельские убеждения. Услыхали, что на Кавказе есть наши братья в Господе и они живут более свободно. Мы решили для ознакомления послать братьев К. Голубенко и А. Гуля, которые по нашему поручению отправились во Владикавказ, где нашли В. Г. Павлова. Брат Павлов узнал посланных, встретил их радушно, внимательно выслушал о нуждах братьев и стал думать, как бы им помочь.

В это время были в гостях во Владикавказе сестры во Христе Анна Яковлевна, жена Г. И. Мазаева, и Екатерина Павловна, жена Д. И. Мазаева. Брат Павлов обрисовал им наше положение, которое он узнал еще раньше, когда ему ночью пришлось посещать нас, попросил их, чтобы они взяли и приезжих братьев К. Голубенко и А. Гуля в свою экономию, где и им найдется работа. Рассказал сестрам о тех страданиях, какие нам приходится переносить в Могилевской губернии, сравнил со страданиями евреев в Египте и призывал сестер Мазаевых к тому, чтобы они приняли участие в освобождении нас от страданий.

Сестры Мазаевы согласились взять приезжих с собой в экономию Кубанской области близ станции Тихорецкой. Братья Г. И. и Д. И. Мазаевы приняли наших братьев приветливо, вошли в их положение и дали им работу. Голубенко и Гуль писали нам радостные письма о том, что братья Мазаевы принимают в их жизни доброе участие. Мы же описывали свое бедственное положение. Посредством писем братья Мазаевы подробно ознакомились с нашим тяжелым положением и, сострадая нам душой, решили помочь нам всем переселиться в Кубанскую область. Отрядили за нами брата А. Гуля, который привез нам целый белый хлеб, какой едят в Кубанской области. У нас же кроме ржаного и изредка ячменного, другого хлеба никогда не было, и привезенный хлеб мы, как манну небесную, разделили по кусочку.

По приезде Гуля недолго пришлось нам собираться. Быстро распродали, что было лишнего, дружно и радостно в числе двадцати пяти семей поехали к братьям Мазаевым. В феврале месяце 1888 г. по железной дороге отправились до станции Екатериновка Владикав-

казской ж. д., а со станции наняли подводы до имения Мазаевых. Братьев Мазаевых в этот день в экономии не было. Приказчики Стоялов и Попов дали нам место, чтобы приютиться до распоряжения братьев Мазаевых. Для служащих экономии мы были редким зрелищем по своей бедности с полунагими ребятами, бегавшими по улице.

Приехавшие братья Мазаевы радостно приветствовали нас, но находясь под управлением своего отца, который был молоканином и неодобрительно смотрел на баптистов, не желая вызвать укоры отца, они быстро распределили нас кого куда: кого в чабанские (пастушьи) землянки, кого на другие хутора, а меня с семьей отправили к своему брату Григорию Ивановичу Мазаеву на хутор. Каждой семье выдали по мешку муки, одному пуду пшена, соли, баранины и сала.

Приехали мы во время пахоты. Мазаевы дали возможность посеять нам хлеба и дали семян на посев и земли от трех до шести десятин на каждую семью, смотря по величине семьи. С этого времени началась у нас новая жизнь. Здесь мы отдохнули душой и телом. Гонений за религиозные убеждения в этой местности не было. Хлеб уродился средний, и мы добыли необходимое пропитание себе на целый год. Помощь Мазаевых никогда не забудется перед Богом. Они накормили голодных и позаботились о пришельцах из земли далекой, все это сделано ради Господа и Его крестной смерти.

Вначале, живя у Мазаевых, мы духовно работали мало, но видели, как дружно работали сами братья Мазаевы. В зимние вечера по праздникам, а иногда и в будни, Мазаевы собирали братьев служащих и ехали в какой-либо молоканский хутор, где читали Слово Божие и пели духовные песни каждый раз до глубокой ночи. Община здесь увеличивалась. Были приезды братьев-проповедников и рядовых братьев из других общин. Жизнь духовная кипела живым ключом. Мы тоже постепенно втягивались в духовную работу.

Так мы вместе с Мазаевыми прожили три года. Мазаевы, отдержав срок аренды, уехали на собственные участки, а мы продолжали одни держать этот участок. Община собралась до ста дворов. После Мазаевых этой общиной руководил брат Приймаченко, но недолго. За проповедь в Тамбовской губернии его по суду сослали в Елизаветпольскую губернию.

На место брата Приймаченко, по приезде в нашу общину брата Иванова, было сделано избрание руководящего общиной, и мне выпал жребий руководить общиной. Число братьев в окрестностях

с каждым годом увеличивалось. По поручению годового собрания мне много раз приходилось посещать и другие общины в Кубанской области и других губерниях, где были братья баптисты. В продолжение прожитых здесь двенадцати лет, во время моих поездок по общинам, мне много пришлось встретить препятствий и гонений за слово Божие.

В 1895 г., в феврале месяце, мне пришлось посетить деревню Лабинскую Кубанской области. Среди братьев баптистов нужно было устраивать внутренний церковный порядок. Были и молитвенные собрания. Три дня прожил благополучно. В это время была ярмарка, народу везде много, были и приезжие баптисты из семи окрестных деревень. Несмотря на ярмарочную суету и принятые меры предосторожности, полиция все же узнала о наших собраниях и устроила облаву на меня. Была взята вся полиция и даже сотские и десятские из других деревень. Ночью оцепили дом, где братья собрались на молитвенное собрание. На этот раз из-за посещения ослабевших духовно братьев я опоздал на собрание, и это спасло меня от ареста. Полиция, не найдя меня в собрании среди братьев, немедленно распорядилась сделать розыск в домах всех братьев. Меня об этом уведомили. Чтобы не попасться в руки полиции, я должен был ночью уйти в степь, где и скрывался дальше полночи, пока полиция обошла все дома баптистов. Не найдя меня нигде, полиция на этом не остановилась, а поставила стражу на всю ночь вокруг каждого баптистского дома.

В степи, в ожидании извещений о действиях полиции, я продрог основательно, но предпочитал лучше мерзнуть на морозе, чем очутиться в руках полиции. Наконец, закоченевший от холода, я услышал условленный свист одного из баптистов, который шел ко мне и сообщил о том, что ни в один братский дом мне нельзя попасть — везде расставлена стража. Остаться всю ночь в степи на морозе — нельзя, можно окончательно замерзнуть, а идти в деревню — не знали куда: православные были так настроены, что они меня немедленно выдали бы полиции. Долго думали и наконец вспомнили дом одного Галушкина, который был гонителем баптистов, а жена была баптисткой и много переносила от своего мужа. К Галушкину же приехал зять-баптист с женой. Вот и решили обратиться за помощью к зятю.

Подожли осторожно к дому Галушкина, видим — стражи нет, ос-

торожно вызвали приезжего зятя Галушкина и рассказали ему, в чем дело. Зять передал, что его тесть жалеет о том, что полиция не могла найти приезжего проповедника, и сам помогал искать. Попасться на глаза Галушкину — значит попасться в руки полиции. После долгого размышления решили так: зять Галушкина отошлет жену в другую избу, а меня положит на свою кровать с собой, подвязав мою голову платком жены. Так и сделали.

Полутру, проходя мимо кровати, Галушкин посмотрел на кровать зятя. Ему показалось, что лежит кто-то большой, но, увидав на голове платок дочери, он смутился и прошел мимо. Когда как следует рассвело, я осторожно оделся и вышел из дома, не замеченный Галушкиным. После Галушкин узнал, что я ночевал у него в доме. Он и ругался, и удивлялся хитрости баптистов, которые не забыли и женский платочек на голову надеть.

На ярмарке один из братьев попробовал было найти мне место в дилижансе, чтобы отправить домой, но оказалось, что ямщики были предупреждены и меня бы арестовали на следующей станции, где была приготовлена полиция. Пришлось купить на ярмарке лошадь и верхом на лошади отправиться другой, окольной дорогой и проехать зимой верхом на лошади более двухсот верст. Разбитый верховой ездой физически и истерзанный нравственно, я дома не мог избавиться от мыслей о полиции, хотя ничего преступного не делал, а только проповедовал Евангелие Иисуса Христа и призывал людей к новой, духовной жизни, трезвой и честной.

В 1896 г. у меня появилось побуждение поехать в Сибирь, приобрести землю и продолжать работать на ниве Божьей. В том же году Бог помог мне исполнить это желание, и я отправился на разведку с братом И. Тирухой. Сибирь нам понравилась своим простором. Из братьев в Сибири было только двое ссыльных за религиозные убеждения, один из них с женою не был даже крещен. Мне первому пришлось в Сибири, в г. Омске, спуститься в реку Иртыш для совершения крещения над ссыльными за слово Божие.

Приехав домой, мы рассказали братьям о Сибири — почве и климатических условиях. Братья условия жизни нашли для себя подходящими и, не откладывая дела надолго, собрав средства, через три дня отправили меня обратно в Сибирь, чтобы заарендовать земли для переселения, что я и сделал. Снял в аренду земли две тысячи десятин, но, вернувшись домой, был удивлен: братья раздумали

ехать на новый участок, и все мои труды пропали напрасно. После этого еще два года пришлось прожить в Кубанской области. В течение этих лет я все же тяготел к Сибири и ее привольной жизни. Наконец решительно заявил братьям, что я снова поеду в Сибирь, куплю участок и переселюсь на жительство со всем домом. Со мной соглашались переехать еще несколько семей.

Купив близ станции Марьяновка участок земли на вечное владение в тысячу семьсот десятин по 10 руб. за десятину, в 1899 г. мы переселились на купленный участок в числе двадцать одной семьи, назвав его Усовым – в память села Усохи Могилевской губернии.

Непривычка к условиям местной жизни и наша неприспособленность к ней тяжело отразились на нас. Зимой сильные морозы, летом множество комаров, с которыми мы тоже плохо справлялись, а тут еще и недостаток колодцев и воды многих сильно тяготили. Поднялся на меня ропот и укоры:

– Зачем ты нас завел сюда, чтобы поморить нас голодом?

Пришлось успокаивать возмущавшихся и самому утешаться Словом Божиим, где есть указания, что и на Моисея был ропот среди народа Божьего. Привыкнув к условиям жизни, приспособились бороться с климатическими условиями и с комарами. Ропот постепенно прекратился, а потом стали благодарить и Господа, что Он положил всем на сердце переселиться в Сибирь, где мы были полезными и для дела Божия.

Усовская заимка была первой баптистской общиной в Сибири. Пришлось знакомиться с окружающим нас населением. Большинство старых поселков было населено сибирскими казаками. Между ними были на офицерских участках и крестьяне из разных губерний. Преимущественно население было все православное. Среди православных поселений нашлось несколько небольших молоканских общин. Эти молоканские общины приветствовали наш переезд в Сибирь, и мы были рады, что нашли близких нам по евангельскому учению. Стали ездить к ним с нашим хором и устраивали молитвенные собрания, где проповедовалось слово Божие.

В наш новый край стали переселяться с разных мест России и другие братья-баптисты, устраиваясь на свободных участках, арендуя и приобретая их в собственность. Здесь мы постоянно объединялись между собою, поддерживая и утешая друг друга Словом Божиим, которое нас, чуждых и далеких, соединяло Кровию Иисуса Христа.

Духовной связи с российскими братьями мы не теряли и по переселении в Сибирь. Приходилось мне ездить и на съезды российских братьев-баптистов, где приходилось говорить о своих духовных нуждах, указывая на недостаток у нас пресвитеров и проповедников.

Для ознакомления с сибирскими братьями и для избрания пресвитера для Сибири был послан в 1904 г. В. В. Иванов, который объехал со мной и А. Романтеевым маленькие зарождавшиеся общины.

Во время посещения В. В. Иванов посредством записок в закрытых конвертах собирал мнения о желательном лице для избрания пресвитера. По объезде общин сделали съезд сибирских братьев на хуторе Усовом. Там были распечатаны конверты и меня единогласно, посредством записок, избрали районным пресвитером. Тут же, в присутствии всех братьев, с участием пресвитера Я. Я. Винса и В. В. Иванова было совершено надо мной рукоположение на служение пресвитера. С этого дня положено было начало духовной организации сибирских церквей.

(Слово истины, № 9-12, 1918)

Дальнейшую биографию А. Л. Евстратенко Юрий Сергеевич Грачев описывает так:

В 1909 г. Всероссийским съездом баптистов он избирается в комиссию по отбору братьев в Лодзинскую духовную семинарию.

Пользуясь исключительной любовью и авторитетом среди братьев, он совместно с К. Г. Горбачевым, Г. И. Мазаевым, С. П. Гуровым, П. Е. Евсюковым, Т. В. Стельмаховым, Ф. Г. Патковским, Ф. Г. Рейнгардом, С. В. Чернозубовым и другими работниками союза смог объединить духовные силы многих работников Сибири и создать там прочное основание евангельского учения церквей Христовых.

В 1911 г. А. Л. Евстратенко направляется в качестве представителя от Сибири на II Всемирный конгресс баптистов в г. Филадельфию (США). К этому времени он имел обильные плоды духовной работы: более трех тысяч спасенных душ приняли от него крещение.

Отличительной чертой А. Л. Евстратенко было его полное самоотречение, кротость, смирение, а особенно – безупречное преклонение перед волей Божьей. Тесная спаянность в работе делала его труд устойчивым, особенно через личную живую связь с братьями и сестрами, а также работниками Всероссийского союза баптистов.

Эта спаянность с местными работниками особенно чувствовалась в их тесной дружбе, где он не стремился возвыситься над другими или показать себя бóльшим, но везде и всегда вел себя как истинный слуга Христа.

Гостеприимство и странноприимство были постоянным и священным долгом Андрея Леонтьевича. Приезжие из других городов и сел братья считали своим долгом побывать в доме А. Л. Евстратенко, который вместе со всей семьей своей всегда радушно и ласково, без лицеприятия встречал гостей. Очень многие здесь находили поддержку своей душе и утешение от Господа. Если кто-то из приезжих братьев или сестер не смог побывать в доме Андрея Леонтьевича, считал это для себя большим уроном.

5 января 1921 г. в 11 часов 30 минут вечера земной путь Андрея Леонтьевича Евстратенко был окончен. Умер он в кругу своей семьи. Сидя на постели, он опустил голову, закрыл глаза и тихо, спокойно отошел в вечность. И последнее, что глубоко запечатлелось, — это слова, сказанные им перед самым отходом. Он поднял свой взгляд вверх и два раза тихо произнес: «Красивое небо! Ах, красивое небо!»

Провожать тело Андрея Леонтьевича в последний путь приехали братья из многих городов и сел Сибири, верующие четырех общин города Омска, члены совета Сибирского союза баптистов, пресвитера многих церквей Сибири, а также руководители других религиозных течений — православный священник, молоканские наставники, руководители адвентистов, представители от немцев-баптистов и меннонитов. Участвовало несколько хоров.

Никогда в Омской церкви не было таких больших, многолюдных похорон. Более пяти тысяч человек провожали в последний путь своего любимого друга — председателя Сибирского союза баптистов и пресвитера Омской церкви Евстратенко Андрея Леонтьевича. Над гробом и могилой были произнесены прощальные слова многих друзей. Даже священник православной церкви произнес: «Мы хороним истинного пресвитера Христовой Церкви!»

Блаженная кончина и многолюдные похороны, прошедшие в обстановке искренне теплого отношения со стороны многочисленных людей к своему умершему другу, который вместе с ними жил и работал двадцать два года только в Омске, явились ярким свидетельством и показателем жизни неутомимого труженика, посвятившего

все дни и годы своей жизни на служение чудному Другу и Спасителю Иисусу Христу.

После его смерти служение пресвитера Омской общины было возложено на молодого, даровитого брата Ананьи́на Александра Спиридоновича, который со дня своего обращения (1914 г.) сопутствовал духовной работе брата А. Л. Евстратенко до самой его смерти.

(Ю. С. Грачев. История ЕХБ)

ПРИЙМАЧЕНКО ЛЕОНИД ДЕМИДОВИЧ

Брат Леонид Демидович Приймаченко родился 18 июня 1854 года. Происходит из крестьян Белоруссии, Могилевской губернии, из православной семьи. Будучи еще юношей, ревностно посещал церковь и выслушивал всю службу до конца. Если же по какому-либо случаю не приходилось посетить церковь, то с самого утра до 12 часов дня дома читал перед иконами акафист.

Однажды в декабре 1876 г. в соседнюю деревню Николаевку приехал человек, который не признает иконы. Л. Д. Приймаченко, заинтересовавшись этим человеком, хотел было поехать в ту деревню, но встретил на базаре дьякона, и тот рассоветовал ему. «Это,— говорил дьякон,— антихрист появился, как написано в Священном Писании».

Немного спустя, после разговора с дьяконом, идет брат того человека, который не признает и уничтожает иконы. Л. Д. Приймаченко спрашивает его: «Что случилось в вашей деревне? Правда ли, что брат твой сжег иконы?» Тот отвечает, что правда. Тогда Л. Д. Приймаченко снова решил поехать и побеседовать с тем человеком, но брат его сообщил, что тот уже в тюрьме, и предложил Л. Д. Приймаченко самому читать Евангелие, особенно 1 главу Римлянам и 17 главу Деяний Апостолов. Купив при нем же на базаре Евангелие и прочитав указанные места, Л. Д. Приймаченко ясно понял заблуждение православной церкви. Придя домой, он стал усердно читать Евангелие и просить Господа более открыть ему истину. Он особенно обратил внимание на место Писания из Иоан. 3, 15 и еще: Д. Ап. 4, 11-12; 10, 43; 13, 38-39; Кол. 1, 14.

Читая Священное Писание, Приймаченко стал объяснять его отцу

и матери, но со стороны последних встретил гонение. Отец несколько раз отнимал Евангелие и выбрасывал, а потом стал выгонять сына из дому: иди куда хочешь. Но с горем и страданием бывает и радость, которую дает Господь. Вскоре уверовали один молодой человек и племянник Леонида Демидовича. Об этом, конечно, узнал священник и приказал старшине и уряднику привести их к нему на беседу. Их всех гоняли два раза в неделю к нему. В конце концов священник, видя, что его усилия не помогают, донес архиерею, и тот, в свою очередь, назначил миссионера, который два-три раза в месяц вместе с приставом стал приезжать на беседу. Беседа происходила при большом стечении народа и не осталась бесплодной.

Через два года уверовали отец и жена, и собрания стали проходить в их доме. Народ по ночам стал ходить на собрания, и целыми ночами продолжались беседы. Власти же, как духовенство, так и полиция, тоже не дремали и стали разгонять собрания плетьюми. Был назначен еще другой миссионер, который являлся на беседы в сопровождении пристава и урядника. Брата Приймаченко несколько раз арестовывали и под сильным конвоем гоняли в Гомель. Вскоре уверовал один пристав, который всякий раз, когда приводили к нему Приймаченко, освобождал его, рвал протокол урядника и говорил Леониду Демидовичу: «Работай с помощью Господа!»

Приймаченко стал ездить по селам и проповедовать. Также к нему стали приезжать на беседу из других сел и деревень. Однажды ему прислали повестку немедленно явиться в церковь на беседу с архиереем. В назначенное время его и других братьев полицейские погнали в церковь и дорогой все время били плетьюми. Вскоре приехал архиерей и, выслав их из церкви, обратился к народу с речью, говоря, что появился штундизм, это зараза и не надо общаться с людьми, зараженными этим. Потом он стал служить литургию. После окончания литургии архиерей освободил всех из-под ареста. Беседы же с миссионером все продолжались, и миссионер стал доносить архиерею, что появилось много штундистов и по другим селам. Архиерей вместе с губернатором прислали Л. Д. Приймаченко бумагу с просьбой вернуться в лоно православной церкви, обещав предоставить ему хорошее место и все прочее, в противном же случае угрожали, что сошлют его туда, куда Макар телят не гонял.

Однажды губернатор прислал через уездного исправника бумагу: отнюдь не допускать собраний. Но собрания все же продолжа-

лись. В одно воскресенье явился поп с миссионером и урядником и, не говоря ни слова, стал бить всех по щекам. Потом сообщили исправнику, который, приехав, в свою очередь ударил Леонида Демидовича три раза по щеке. После такой расправы брат Л. Д. Приймаченко послал губернатору жалобу на исправника. Для разбора этого дела выслали следственную комиссию, созвали сходку в деревне, опросили ряд свидетелей, которые показали, что действительно исправник бил как Л. Д. Приймаченко, так и других и заставлял народ бить их. Дело об этом было передано в окружной суд, который осудил Л. Д. Приймаченко на три недели под арест.

После окончания ареста опять стали собираться тайно по ночам. Имели однажды такое собрание: неожиданно ворвалась толпа, человек тридцать, поломали окна и двери и, схватив трех человек, в числе их и Л. Д. Приймаченко, повели в духан, где и стали избивать их до полусмерти. Избив до потери сознания, выбросили Леонида Демидовича на снег, где он пролежал всю ночь до утра. Утром отец и жена внесли его, бесчувственного, в квартиру, обмыли и перевязали раны, понемногу стали приводить в сознание. Вдруг прибегает один человек и говорит, что все общество во главе со старшиной идут учинить самосуд над семейством Приймаченко. Когда избивали братьев в духане, одного из них подвесили на стене и повыдергали все волосы из бороды. А теперь, распяв на дереве руки, ведут его по улице, чтоб всем показать, и идут расправиться с Л. Д. Приймаченко.

Узнав об этом, отец Леонида Демидовича побежал на гумно за соломой. Принеся солому, бросил ее между постройками, положили на нее больного и покрыли одеждой, а сами убежали в поле и до самого вечера стояли в снегу. Лежа таким образом, Л. Д. Приймаченко стал просить Господа, чтобы Он сохранил его от рук этих гонителей. До его слуха доносились шум, треск, брань разъяренных людей. Разгромили весь дом, поломали все вещи, унесли весь хлеб. К вечеру, когда все успокоилось, пришли отец и мать и внесли Леонида Демидовича в комнату, где все разгромлено, сильный холод. Жена и дети сильно прозябли.

Оправившись после болезни, Л. Д. Приймаченко поехал жаловаться тому исправнику, который ударил его по щеке. Исправник был сильно удивлен, что случилось с Леонидом Демидовичем, сделал оценку разгромленного имущества и велел старшине дать Л. Д. Приймаченко квартиру. Но из квартиры его вскоре опять выгнали.

25 декабря 1882 г. брата Л. Д. Приймаченко снова арестовали. После беседы с архиереем о покаянии и крещении, Л. Д. Приймаченко узнал от него, что в Петербурге есть Пашков такого же убеждения. Через двенадцать дней брата Л. Д. Приймаченко освободили под надзор полиции до суда.

Леонид Демидович поехал в Петербург. Там он нашел Пашкова, графа Бобринского, графа Корфа и помещика Тверской губернии Ушкова. После многих бесед с ними выяснилось, что они все были разных убеждений о крещении: некоторые признавали детское крещение, другие – крещение по вере, то есть крещение взрослых. Граф Бобринский после беседы заявил Л. Д. Приймаченко: как ты понимаешь, так и поступай, только берегись баптистов. Л. Д. Приймаченко еще не слышал, кто такие баптисты и где они есть. Граф Бобринский сообщил ему, что в Тифлисе некто Н. И. Воронин принял баптизм от Кальвейта, приехавшего из Германии, а от Воронина уверовал молодой человек В. Г. Павлов.

По возвращении из Петербурга Л. Д. Приймаченко поехал в свою деревню, где при беседе уже многие готовы были принять крещение. Для этой цели по просьбе Л. Д. Приймаченко брат Богданов послал находившегося у него брата Павлова в Гомель, куда также направился и Л. Д. Приймаченко с некоторыми обращенными. По дороге в одной деревне их всех арестовали, но после обыска, не найдя ничего, освободили, приказав немедленно уехать. Приехав в город и найдя за городом озеро, совершили крещение нескольких душ.

После недолгой работы на ниве Господней, в феврале 1885 г. Л. Д. Приймаченко был снова арестован и сослан этапом в Оренбург, а оттуда в Орск. Весь путь пришлось ему совершить в семьдесят пять дней, по пути посетил восемь тюрем и был близок к смерти от истощения сил.

В оренбургской тюрьме, после многих бесед Леонида Демидовича с каторжанами, один уверовал и стал молиться вместе с братом. Приймаченко же чуть было не умер от ножа одного из прибежавших каторжан, но, по милости Господней, был избавлен от этой опасности.

Пройдя этапом из Оренбурга в Орск двести пятьдесят верст, после четырехдневного пребывания в орской тюрьме, Приймаченко был отпущен на вольное поселение.

Верующих братьев в Орске не было. Были здесь молокане. По-

знакомившись с молоканским наставником, Приймаченко, с разрешения наставника, стал проповедовать у них слово Божие. Уверовало восемь душ, которые и были крещены. После обращения еще нескольких душ стали иметь свои собрания, отдельно от молокан.

Брат Л. Д. Приймаченко посещал хутора и поселки, где также обратилось и было принято в церковь двадцать – двадцать пять душ. По истечении срока ссылки Приймаченко снова возвратился в свою губернию.

...Дей Иванович Мазаев вызвал его телеграммой на Кавказ. На Кавказе Приймаченко жил шесть лет, будучи союзным благовестником. Работал более в губерниях Малороссии (ныне Украина) и других губерниях России, и Господь повсюду благословлял его труды. Было много обращений, в одном из хуторов было принято в баптисты сорок человек из молокан.

В 1889 г. в деревне Пановы Кусты Тамбовской губернии в течение месячной работы обратилось к Богу семьдесят человек.

В 1892 г. Приймаченко по доносу был вновь арестован, но, благодаря поручительству брата Семилетова, освобожден до суда под надзор полиции.

В 1893 г. Тамбовский окружной суд приговорил Приймаченко к лишению всех прав и имущества и ссылке в Закавказье. С кандалами на ногах, с обритой левой частью головы отправили его в борисоглебскую тюрьму.

Но Господь не оставляет Своих детей, преданных Ему. Он везде дает им труд на ниве Своей, затем и радость. В тюрьме уверовало шесть человек арестантов и один ключник. За это Леонид Демидович был заключен в одиночный карцер. В конце августа 1893 г. из Борисоглебска этапом он был отправлен в Елизаветполь и посетил по пути семь тюрем.

В конце августа того же 1893 г. Л. Д. Приймаченко был освобожден. Два года прожил он в Елизаветполе. Затем, по наущению православного миссионера Дунаева и протоиерея, его хотели сослать в Эривань, но, благодаря знакомству брата с тайным советником губернатора, его отправили в село Новотроицкое к духовборам, где он прожил три года. Оттуда отправили в село Славянку, где он жил четыре года, а оттуда отправили обратно в Елизаветполь, где брат прожил до 1905 г.

В 1905 г., по случаю дарованной свободы, брату Приймаченко

были возвращены права, и он переехал в Баку, где жил девять лет.

В 1906 г. Леонид Демидович Приймаченко был на Ростовском съезде баптистов, где его снова назначили союзным благовестником. Он принимал участие и во всех последующих съездах. Живя в Баку, он два с лишним года был пресвитером Бакинской общины.

В 1916 г. он выехал из Баку на Северный Кавказ, в Терскую область. По случаю беспорядков среди чеченцев, переехал в Кубанскую область, в станицу Лабинскую, где и жил четыре года. Оттуда обратно переехал в Баку, где находится по сие время и по мере своих старческих сил трудится при Бакинской общине.

С 1876 г. по 1905 г., то есть двадцать девять лет, брат переносил гонения, побои, страдания, тюрьмы, ссылки за имя Христа и Его Евангелие. Наша великая страна Россия, обогрелая кровью и политая слезами страдальцев, в числе которых и брат Приймаченко, принесла в сокровищницу Господню не одну сотню тысяч верующих душ.

Да благословит Господь труды брата и в дальнейшей его жизни!

П. Е. Ермаков

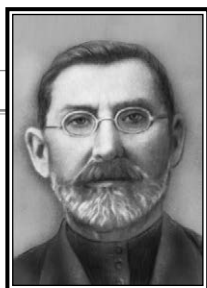
(Баптист, № 3, 1927)

Дальнейшая судьба и кончина брата Приймаченко неизвестна. Верим, что встретимся с ним в вечности, где многострадальный служитель Господа будет сиять, как светило на тверди, ибо обратил многих к правде (Дан. 12, 3).

СТЕПАНОВ ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ

Семейство Степановых, отец и два сына — Семен и Василий, было большим благословением для братства баптистов в России. Семен родился примерно в 1872 году, а Василий — 18 июля 1874 года.

Первым уверовал Семен. Это произошло в 1890 году, когда село Пески, где жили Степановы, посетил благовестник Моздокской общины П. Г. Демакин. На одном из собраний

молокан он проповедовал о потерянной драхме. Эта проповедь коснулась Семена Прокофьевича, и он обратился к Господу.

Присутствующий при его обращении передает следующее:

После молоканского собрания, на котором был и брат Демакин, где он проповедовал на текст из Луки, 15 главы, о потерянной драхме, Семен в доме своего отца Прокофия Федоровича, входя в зал, сказал: «Брат Петр Григорьевич, прошу тебя, помолись за меня, грешника, чтобы Господь простил мне грехи, я хочу покаяться». А сам упал на колени и стал с большим воплем каяться перед Господом. Около часа он каялся. Вся семья сбежалась, а он после раскаяния подходит к отцу и говорит: «Прости меня, папаша, я тебя обижал, я у тебя воровал, вот тебе деньги, которые я утаил, прости меня!» Отец все простил и поцеловал его. А затем Семен Прокофьевич просил прощения у всех остальных в семье.

(Баптист, № 3-4, 1926)

Услышав об обращении Степанова Семена, человек двенадцать молоканских старцев пришли его увещевать. Но ни слезы, ни уговоры, ни ругань не помогли — Семен Прокофьевич остался верным Господу. 17 марта 1890 года брат П. Г. Демакин крестил его и И. А. Голяева. Так был положен первый камень Песковской общины баптистов.

Семен Прокофьевич был самоотверженным, ревностным работником на ниве Божьей. Его живые, горячие проповеди касались сердец слушателей, и к церкви приобщались души, причем не только в Песках, но и в окрестных селах — Мазурке, Петровском, Калмыке и других.

Через свидетельство Семена уверовали его брат Василий и отец Прокофий Федорович. В 1892 году они приняли водное крещение. Василию тогда было шестнадцать лет.

В 1893 году Д. И. Мазаев рукоположил Семена Прокофьевича на служение пресвитера в общине, образовавшейся к тому времени в селе Пески Тамбовской губернии. В 1897 году Семен Прокофьевич переехал для труда на ниве Божьей в г. Царицын, где также был пресвитером церкви.

В церкви села Пески был избран пресвитером Василий

Прокофьевич и 25 декабря 1903 года рукоположен на это служение братьями Д. И. Мазаевым и В. В. Ивановым.

Когда Василий Прокофьевич в 1904 году находился в Петербурге, к нему пришел Ф. М. Троснов от группы молодежи, которая стала собираться отдельно от общины, где пресвитером был И. В. Каргель. Ф. М. Троснов предложил Василию Прокофьевичу переехать в Петербург и возглавить их кружок. Но тот увидел в этих действиях молодежи нездоровое устремление и отказался от предложения.

В 1907 году Семен и Василий вместе присутствовали на объединенном съезде по обсуждению закона о веротерпимости. В этом же году Семен был избран в члены правления Миссионерского общества, образованного при Союзе баптистов.

Первый съезд этого общества был назначен на июнь в г. Балашове. Кроме деловых заседаний, с 29 июня по 2 июля проводились богослужебные собрания как в молитвенном доме Балашовской общины, так и в народном доме.

Самым светлым пунктом на этом съезде можно считать богослужебные собрания в народном доме, о которых возведено было публичке расклеенными по городу афишами. Всех собраний было три.

(Баптист, № 2, 1907)

Братья Степановы также участвовали в этих собраниях. Семен Прокофьевич говорил на втором собрании об Иисусе как о добром Пастыре, а Василий Прокофьевич на третьем собрании говорил на текст из Евангелия Иоанна (1, 11–12) о принятии в сердце Иисуса Христа.

В 1909 году была организована община баптистов в Москве, в которой Семен Прокофьевич много потрудился. В 1910 году его избрали пресвитером этой церкви, и он оставался в этом служении до конца своей жизни. В вечность он отошел в 1916 году.

При Союзе баптистов в 1908 году была образована специальная комиссия по работе с молодежью. В нее вошел и Василий Прокофьевич вместе с братьями В. А. Фетлером, Н. В. Одинцовым и М. Д. Тимошенко.

В этом же году в селе Пески, где Василий Прокофьевич был пресвитером, провели районный съезд представителей общин из Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Воронежской губерний и из области войска Донского. Все внимание этого съезда было направлено на евангелизацию близлежащих селений. Решили выслать тридцать два благовестника на два месяца в места, где нет собраний верующих. Сообщая об этом в редакцию журнала «Баптист» и председателю союза Д. И. Мазаеву, Василий Прокофьевич упоминает и о том, что в последние дни в селе Пески и близлежащих селениях крещено сто три человека.

В августе 1908 года Василий Прокофьевич участвовал в Европейском конгрессе баптистов в Берлине. А в 1909 году он был на I Всероссийском съезде молодежи в Ростове-на-Дону. Его избрали товарищем председателя съезда.

На съездах в 1910 году и 1911 году Василия Прокофьевича избирали членом правления Союза баптистов. В 1911 году он был на II Всемирном конгрессе баптистов в Америке. С 1911 по 1914 годы Василий Прокофьевич издавал журнал «Друг молодежи». Он был поистине энергичным и неутомимым тружеником не только в своей общине, но и далеко за ее пределами.

В 1913 году на Василия Прокофьевича за верное служение Господу было возбуждено уголовное дело. Наизидательно познакомиться с переживаниями и борьбой, которую пережил Василий Прокофьевич в связи с предстоящим судом и желанием нанять защитника.

Бесплатный защитник для всех

По получении повестки я написал защитнику, спрашивая его, получил ли он извещение суда. Он ответил, что извещение получил, и спросил, сколько я намерен дать ему в вознаграждение за защиту. Я ответил ему, что по недостатку средств могу предложить ему только сто рублей. Утвердительного слова о его согласии не было, и не было также отказа.

За две недели до суда я вдруг получаю от защитника заказной пакет, в котором он возвращает все бумаги с надписью, что за такую

сумму он защищать не может. С этого момента началась ужасная борьба в моем сердце. Когда я получил все бумаги, в моей душе ясно послышался голос: «Бог не хочет, чтобы ты нанимал защитника». Мне вспомнились слова жены, как она говорила: «Мне больно становится, когда ты говоришь о защитнике». Но я старался заглушить говоривший во мне голос, я давал волю голосу плоти, которая дрожала при мысли о суде и о тюрьме.

Мне представлялась моя семья и моя община... Я чувствовал в своем сердце ужасную слабость. Я ощущал в себе самую страшную борьбу плоти с духом; дух говорил: «Положись на Бога, Он не оставит тебя, Он ведь Сам сказал: „Когда поведут вас в суды, не заботьтесь, как отвечать и что говорить“». Но для плоти этих доказательств было слишком мало; она усиленно настаивала на своем, ища плотской опоры. Эта борьба была так сильна во мне, что потрясла все мое существо. Нервы совершенно расстроились, и я не мог ни есть, ни спать, плоть превозмогла. Молиться, как должно, я не мог: казалось, что молитвы мои не доходят до Бога – они кривы, потому что я ищу защиты в людях, а молюсь Богу. Я создавал, что лицемерю. Это приводило меня в страшное изнеможение и духовно, и телесно.

Я встретился с некоторыми моими братьями и многими друзьями, которые, за небольшим исключением, советовали мне прибавить защитнику вознаграждение. На основании этого я написал ему телеграмму и предложил двести пятьдесят рублей. Прошел день, два, три, четыре, а ответа все нет. Жена говорит: «Смотри, Бог преграждает тебе дорогу». Это меня не успокоило. Узнав, что в Саратове находится один мой друг, я послал ему телеграмму с запросом, нет ли там хорошего защитника. Через день получил ответ, что друг мой выехал из Саратова. Послал еще в одну станицу области войска Донского. Оттуда уведомили, что защитник уехал в Москву. Борьба во мне все увеличивалась. Дух говорил и нападал, но плоть не хотела сдаваться.

В это время приходит ко мне один брат и говорит, что нужно лично поехать в одну станицу, потому что писать уже нет времени, так как осталась всего одна неделя. «Там, – говорит он, – есть хороший поверенный. Если он сам и не возьмется за это дело, то он может порекомендовать хорошего защитника». Мне это очень понравилось. Жена опять протестовала.

Наконец я решился: приказал сыну запрячь лошадь и отвезти меня на станцию. Дело было к вечеру, уже темнело. Я с тяжелым чувством простился со своей семьей. Мне казалось, что я иду на какое-то преступление. Я ловил себя, бичевал, судил, а потом оправдывал. Неопределенность, как огненный червь, точила меня.

Взяв с собою четырнадцатилетнего мальчика, я отправился на станцию. На пути заехал еще к одному брату, а потом поехал дальше. Не доезжая версты полторы до станции, я вижу, что поезд мой уже идет, а стоит он на станции всего четыре минуты. Я был страшно поражен: неужели опоздаю? Удивительно, часы у меня идут правильно, время я хорошо знаю, чуть ли не каждый день приходится бывать на станции, и вдруг – опоздаю! Тут еще я услышал голос внутри: «Вернись». Но плоть отчаянно закричала: «Погоняй! Успеешь!» Эти несколько минут показались мне целой вечностью. Душа моя терзалась. Адские муки наполнили мое сердце. С каждой минутой я все яснее и яснее слышал голос Духа Божьего: «Вернись», а между тем я продолжал спешить. Я находился в каком-то забытьи и, как обезумевший, лез на стену. Здесь можно было бы применить слова Валаама: «Говорит Валаам, сын Веоров, говорит муж с открытым оком, говорит слышащий слова Божии, имеющий ведение от Всевышнего, который видит видения Всемогущего, падает, но открыты очи его».

Я каждую секунду ждал суда Божьего и стал молиться: «Боже! Если Ты не хочешь, чтобы я ехал искать себе защитника, то останови меня явным образом, не допусти меня до станции. Возможно, что я успел бы, но Ты стал на моей дороге. Ты можешь сделать, чтобы моя лошадь упала или другое что, у Тебя много путей».

Я боялся, что у меня будет разрыв сердца, – такое было напряжение. Теперь я смотрел на лошадь и ждал, что вот-вот она упадет. Я затаил дыхание и ждал... До станции оставалось саженей пятьдесят. Поезд останавливается; по всему видно, что успею. Над моей головой что-то нависло. Мне казалось, что я доехал до того пункта, где встречу с Богом лицом к лицу. Смотрю на лошадь, жду. Вдруг со всех ног она падает на правую оглоблю посреди большой лужи грязи. Пытается встать, но напрасно. Оглоблей придавило ей шею так, что жидкая грязь стала заливать ее уши и ноздри. Вижу: хрипит лошадь. Я вскакиваю, сбрасываю пальто и бросаюсь к ней на помощь. Лошадь бьется. Масса грязи была на мне, отпрячь удалось

не так-то скоро. Смотрю в глаза лошади, и стало мне ее жалко. Заплакал я и сказал:

— И за что я тебя мучаю? Прости мне мое безумие. Не говори, я и так все понимаю.

Отпряг. Лошадь встала. Смотрю в сторону поезда, вижу: поезд тронулся. Но я уже теперь об этом не жалел. Я не старался уже больше его догнать даже мыслями своими. Мне стало ясно, как Божий день, что я навсегда должен бросить мысль о каком бы то ни было защитнике. Теперь уже я стал взывать к Богу о прощении. До этого момента у меня костюм был чистый, а душа ужасно грязная, теперь костюм грязный, но зато в душе просветлело. Запряг лошадь, повернул и поехал домой. Несколько минут длилось молчание...

— Колюшка,— спрашиваю я своего сына,— ты что думаешь?

— Папа,— чуть ли не со слезами говорит ребенок,— Бог не хочет, чтобы ты нанимал защитника, а потому и остановил нас.

Приехали домой... Жена была на дворе. Увидев меня, она воскликнула:

— Приехал! Не успел! Я так и думала. Ну и слава Богу! Я боялась, что ты под поезд попадешь... Никак не могла подумать, что Бог тебя до защитника допустит.

— Да ты посмотри, какой я приехал-то к тебе,— говорю я.

— Что с тобой? Где ты так ужасно выпачкался? — удивленно спрашивает жена.

Я рассказал ей все подробно. Все дети были рады моему возвращению. Собрались мы все вместе, прочитали про Валаамову ослицу, потом стали все на колени. Никогда не забуду этой вечерней семейной молитвы. Я молился, раскаивался и благодарил Господа. Теперь я передавал Ему мои бумаги и дела. Молились моя жена и дети, даже самые маленькие: «Иисус, дай папе положиться на Тебя, защити его на суде, ведь он нам нужен!»

Великая и неизреченная радость наполнила мое сердце, и полный покой водворился в моей душе. Мне теперь казалось, что никакого суда и не будет. Я мирно спал всю ночь. Встаю утром, и вдруг телеграмма от защитника из Харькова: «Могу рекомендовать благонадежного защитника за 240 рублей».

Жена смотрит мне в лицо, узнает содержание телеграммы и говорит:

— Ты колеблешься?

— О, нет,— говорю,— эта телеграмма, наверное, по ошибке ко мне попала, перепутали адрес.

И действительно, казалось, что эта телеграмма не мне, а кому-то другому. Ведь я нашел самого благонадежнейшего Защитника. И Он будет защищать меня без всяких 240 рублей. Я удивляюсь, почему я не мог раньше этого понять. Теперь же я нашел самую великую драгоценность. Да простит Он меня, что я до сих пор суетился, тратился, искал, а оказалось, что Он все время был возле меня.

Только теперь мне стало ясно, почему поверенный так долго не отвечал мне на ответную телеграмму. Ему Бог не велел. В этом теперь меня разубедить никто не может, это для меня так ясно!

После такого удивительного вмешательства Божьего в мое дело я пошел по многим домам братьев, чтобы рассказать все, что сделал со мной Господь. Вся наша община была в восторге от такого чудесного усмотрения Божьего. Это было как бы залогом оправдания.

Настало время прощания с семьей. Кто когда-нибудь переживал что-нибудь подобное, тот знает, что значит разлука с семьей и разлука с милой, дорогой общиной.

Поехал я за сутки до суда. Затем прибыли из свидетелей те, которые по расположению ко мне захотели присутствовать на суде.

Утром 13 сентября, после общей молитвы всех верующих, приехавших на суд, и после пения гимнов «Ты помощь мне, Господь» и «Как скучно на сердце порой, когда я не вижу Христа», мы отправились на суд.

На этот раз очень много пришло народу. Это потому, что на 13 число назначены были два дела: одного православного священника, привлеченного к уголовной ответственности за подложное духовное завещание, и мое дело. Об этом все знали, и потому многие интересовались. И зал, и коридор были запружены народом.

Многие мои друзья и здесь предлагали мне защитников, приехавших на суд по другим делам. Но я был тверд в своем решении и был счастлив, что поручил дело мое самому благонадежному Защитнику из Назарета по имени Иисус.

Первое дело было окончено. Судебный пристав пригласил меня на скамью подсудимых. Я сел. Мне в эту минуту показалось, что я сел под какой-то страшный черный колпак. Но затем я стал молиться так, как никогда не молился. Вскоре я почувствовал, как будто кто-то положил руку на мое плечо и тихо сказал: «Не бойся, Я

с тобою». Усиленная моя молитва была в это время за свидетелей против меня.

И чудно, удивительно Господь сотворил. Сами обвинители сказали, что я не виновен. Господь внушил им говорить истину. И так как наш закон невинного не судит, и суд стоит на страже, и судьи имеют совесть чистую, незапятнанную, то, как и нужно было ожидать, присяжные заседатели вопреки желанию «некоторых» вынесли мне полное оправдание.

Рад буду, если мое настоящее краткое описание будет кому-либо в благословение. Для меня же лично все испытания, описываемые здесь и в «Друге молодежи», принесли великую пользу. Конечно, когда я их переживал, было тяжело.

Искренне благодарю всех, кто за меня молился Богу. «Призванным... все содействует ко благу».

Аллилуйя!

(Гость, № 2, 1914)

На съезде 1921 года в коллегиях союза вместе с П. В. Павловым, М. Д. Тимошенко, И. Н. Шиловым и Г. Н. Шалье был избран и В. П. Степанов.

В 1922–1923 годы Василий Прокофьевич возглавлял Библейские курсы в Песковской церкви. Было осуществлено несколько наборов. Курсы длились по три месяца.

На съезде 1923 года В. П. Степанов был избран в Совет Всероссийского союза баптистов. На пленуме в 1924 году он был избран кандидатом в члены правления союза. В 1925 году участвовал в работе IV Всеукраинского съезда баптистов.

Василий Прокофьевич был полезным и нужным служителем не только в деле руководства союзом. Он имел особый успех в деле проповеди. Одаренный прекрасным слухом и голосом, он обычно дополнял свои проповеди пением. Для более близкого знакомства со служением Василия Прокофьевича в деле проповеди и пения, предлагаем два сообщения из журналов.

Весть о приезде В. П. Степанова быстро разнеслась среди верующих, достигнув самых отдаленных районов. К назначенному часу зал молитвенного дома был переполнен. Вот проходит к кафедре

долгожданный Василий Прокофьевич. С затаенным дыханием, терпеливо все ждут начала собрания. Молитва. Краткое слово местного брата. Хор оживленно исполняет гимн. Затем Василий Прокофьевич на кафедре. Приветствие, краткое вступительное слово, соло «Христос искал заблудших», обширная речь на текст из Иер. 1, 11-15 и призыв к молитве. Горячая общая молитва.

Огонь загорелся. Одна душа, как первая весенняя ласточка, ознаменовала успех.

Второй день – торжественные собрания и призыв грешников. Пробуждаемые Духом Святым, двадцать душ, выступив из рядов и приблизившись к кафедре, калялись перед Господом. Такое потрясающее действие Святого Духа пробудило души многих посетителей, которые разносили весть о даре спасения. Собрания с каждым вечером все увеличивались и увеличивались, так что обширный зал молитвенного дома с трудом вмещал всех посетителей. Собрания происходили ежедневно, на которых все новые и новые души калялись и обращались к Господу.

Воскресенье 27 марта 1927 года было чудным днем для многих душ. Торжественное совершение крещения над пятьюдесятью одной душой в присутствии около тысячи – тысячи двухсот человек, сплотившихся стеною в зале, описать не представляется возможным. Крещение совершалось после вечернего собрания в баптистерии в зале молитвенного дома. Многие, видя это торжество, умилились сердцем и на другой день покалялись. Многие еще ведут борьбу с неверием. Но недолго час, когда и для них настанет время светлой радости.

Следующий день – понедельник. В этот день решено было устроить вечерю любви в знак торжества по случаю сильного пробуждения и обращения многих грешников.

Картина, которая представлялась взору всех собравшихся на вечерю, наглядно свидетельствовала о чудной, блаженной жизни во Христе. В этот вечер для новых двадцати пяти душ также настал момент покаяния, во время которого произошел потрясающий и редкий случай обращения грешников к Господу. Покаявшаяся и получившая радость от Господа девица с воплем, раздирающим душу, призывала отца:

– Папа, скорее иди сюда, Господь зовет тебя! Кайся, папа, я прошу тебя, иди!.. Господи, коснись сердца моего папы и обрати его к Себе! Папа, ты ведь хочешь молиться, но что-то тебе мешает!..

Когда хор торжественно исполнил гимн «Слава Искупителю» и девица, продолжавшая стоять на коленях, молилась, говоря: «Господи, не встану, пока Ты не призовешь моего папу», послышался вопль отца и возглас:

— Папа пришел!

По молитве и твердой вере девицы отец ее обратился к Господу. Вечер продолжался до поздней ночи.

И, наконец, вторник, прощальный день Василия Прокофьевича с членами церкви, вновь обращенными, еще не вступившими в церковь и жаждущими спасения. Этот день ознаменовался фотографированием всей общины совместно с братом В. П. Степановым. После этого он обратился с речью ко всем вновь обращенным, еще не принятым в церковь, и призвал их к твердому упованию и укреплению в вере. Непокаявшиеся и здесь не остались равнодушными к спасению. Хотя брат и не призывал больше грешников, но семь душ, приблизившись к кафедре, каялись, не желая остаться опоздавшими.

На этом была закончена работа Василия Прокофьевича у нас в Баку. За время его пребывания здесь с 19 по 28 марта было обращено к Господу при Бакинской общине сто сорок шесть душ, из них принято через крещение пятьдесят одна душа, из отлученных принято трое.

Огонь загорелся, и как хочется, чтобы он не погас! Ждем новых благовестников.

Н. Варганов
(Баптист Украины, № 7, 1927)

Читая в журнале «Баптист Украины» многие сообщения о переживаниях детей Божьих, я решил осуществить давно возникшую у меня мысль — поделиться, хотя и с большим опозданием, пережитой нами радостью в связи с посещением нашей Спасской общины (на Кавказе) уважаемым братом В. П. Степановым. Посещение это надолго запечатлелось в памяти не только всех членов общины, но и многих односельчан. По прибытии Василия Прокофьевича, на первом же собрании, его слова, облеченные силой влияния, произвели должное действие на всех членов, и тут же началось пробуждение грешников.

Переполненные собрания каждый раз увеличивались, приходили

все новые и новые посетители, часть скамей вынесли, чтобы больше вместить людей. Дом, вмещающий до восьмисот душ, оказался мал – никто в семьях верующих не желал оставаться дома. Калялись перед Господом семидесятилетние старики, просили Икупителя о прощении средних лет люди – все было объято пламенем неземного огня.

Хор пел с особым воодушевлением, особенно новые песни, выученные под руководством Василия Прокофьевича. Несмотря на сильную грязь, собрания переполнялись прежде времени, все спешили поместиться в зале, а не в коридоре. Пробраться к кафедре приходилось с трудом. Собрания, обыкновенно оканчивающиеся в половине девятого, продолжались до одиннадцати часов вечера, и несколько раз по окончании собрания приходилось просить, чтобы освободили помещение, но духовно бедному и внутренне голодному народу не хотелось уходить из сада, где лились ароматы благоухания для души (П. Песн. 4, 16). За это благословенное время всех кающихся было более ста душ, около девяноста душ, вновь обращенных и бывших исключенными, присоединилось к церкви.

Пусть возрастают в благодати души, обратившиеся от тьмы к свету! Да будет благословен Господь, посещающий народ Свой через верных Своих благовестников!

А. Красников
(Баптист Украины, № 1, 1928)

С 14 по 21 июня 1925 года в Омске проходил первый назидательный съезд баптистов Сибири. На этот съезд от Правления Всероссийского союза баптистов были направлены братья В. П. Степанов и М. И. Голяев. Василий Прокофьевич был избран председателем этого съезда. По намеченной программе многие братья говорили слово, освещая различные темы. Василий Прокофьевич подводил итоги и отвечал на многочисленные вопросы, которые задавали посредством записок.

На XXVI съезде в декабре 1926 года Василий Прокофьевич был избран кандидатом в члены Правления Федеративного союза баптистов. Он принял участие также в работе съезда Волго-Камского союза баптистов 1–7 июля 1927 года. На этом съезде он был избран товарищем председателя союза.

Осенью 1928 г. Дальний Восток посетил В. П. Степанов. Он посещал церкви с проповедью о Христе и сильным, могучим призывом к покаянию...

Василий Прокофьевич Степанов был очень талантливым проповедником и часто посещал разные города и церкви. На Дальнем Востоке он бывал и раньше. Степанов был духовным работником крупного масштаба. Он занимался евангелизацией по всей стране, проповедовал, пел, организовывал хоры по местам и разъезжал с этими хорами. Во время его проповедей многие каялись и обращались к Господу.

В течение двух месяцев вместе с Петром Яковлевичем он разъезжал по всему Дальнему Востоку. Петр Яковлевич только открывал собрания молитвой, а дальше все время отдавал брату Степанову. Когда Степанов вставал и шел к кафедре, то часто еще на ходу он запевал один из гимнов, которые особенно трогали сердца. Из рядов его певцы подпевали ему. Бывало так, что и посреди проповеди он неожиданно начинал петь.

Обычно, когда Василий Прокофьевич приезжал в какую-либо местность для длительного посещения церквей, он организовывал из добровольцев небольшой хор и разучивал с ними свои любимые гимны. Вместе с этим хором Василий Прокофьевич посещал церкви в данной местности. Его певцы обычно сидели в рядах среди остальных верующих, и, как только запевал Василий Прокофьевич, начинали петь его хористы, а затем и все собрание. А проповеди его были такие трогательные, такие зажигательные, что десятки, а иногда и сотни людей выходили с покаянием. Помещение собрания всегда было переполнено до отказа, кающиеся заполняли все проходы к кафедре.

(Г. П. Винс. Тропую верности, 2-е издание)

Приближались тяжелые годы жестоких гонений. Начиная с 1928 года стали арестовывать и судить руководящих служителей союза. Не миновала эта участь и Василия Прокофьевича. В начале 1934 года его осудили на четыре года лагерей. В 1936 году он, после перенесенной операции, был выпущен на свободу в тяжелом состоянии.

Вернувшись домой после освобождения, он вскоре отошел в вечность. Брат Степанов был верным и преданным Богу служителем.

Через несколько дней после похорон в его дом пришли работники НКВД с ордером на арест. Жена Василия Прокофьевича сказала им: «Увы, любезные, на этот раз вы опоздали. Василий Прокофьевич уже три дня, как отошел к Господу!»

(Г. П. Винс. Тропою верности, 2-е издание)

Это произошло в сентябре 1938 года. «Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

Василий Прокофьевич сочинил множество стихотворений и гимнов, из которых особенно известны: «Когда одолеют тебя испытания», «Боже, видишь Ты страданье», «О любовь, как могу о тебе все сказать», «Рано предстану пред Тобой», «Мы увидели друг друга», «Сторож, скажи, сколько ночи», «О мой брат, где смоковница твоя?». Эти гимны и сегодня трогают душу и несут утешение сердцу, потому что в них отражается пережитое самим автором.

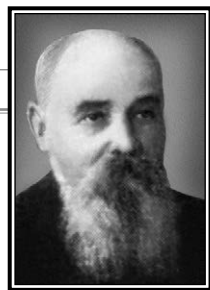
ГОЛЯЕВ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ

Илья Андреевич Голяев родился в 1859 году в молоканской семье.

В 1890 году город Балашов, где жил Илья Андреевич, посетил благовестник из Моздока П. Г. Демакин. Илью Андреевича коснулось слово Божье, и он обратился к Господу. Демакин крестил И. А. Голяева вместе со С. П. Степановым, жившим в селе Пески Тамбовской губернии. Так было положено начало впоследствии большой Балашовской общины, пресвитером которой стал Илья Андреевич.

Илья Андреевич трижды был председателем Союза баптистов: первый раз в 1910–1917 годы, потом в 1924–1926 годы и последний раз в 1933–1935 годы.

В 1908 году на очередном съезде, который проходил в Киеве,

Илья Андреевич был избран кандидатом в правление Союза баптистов.

Съезд 1910 года решил учредить в Балашове приют для престарелых и сирот. Ответственными за этот приют были назначены И. А. Голяев, Н. В. Одинцов, Н. М. Четвернин. На этом же съезде Илья Андреевич был избран председателем Союза баптистов.

На съезде в 1911 году, проходившем с 25 сентября по 1 октября в Москве, Илья Андреевич предложил объединить общины одной местности в районы и назначить для их обслуживания ответственных служителей. Это предложение было принято.

В 1911 году в числе других делегатов от Русского союза баптистов Илья Андреевич побывал на II Всемирном конгрессе баптистов в г. Филадельфии (США).

Совершать служение становилось все сложнее, царское правительство не разрешало проводить съезды.

В марте 1913 года Илья Андреевич вместе с братьями Д. И. Мазаевым, С. П. Степановым и В. А. Фетлером обратился в Совет министров с жалобой на преследования за веру со стороны административных лиц. Хотя такие жалобы и имели некоторое действие, но в целом тяжелое положение верующих только усугублялось, особенно когда началась Первая мировая война.

На следующем съезде, проходившем уже при Временном правительстве в 1917 году, отмечалось: «Бывшее правление союза не позаботилось о составлении программы съезда, и теперь каждый делегат вносил свой вопрос». (Из документов съезда не видно, что Илья Андреевич присутствовал на этом съезде.) И еще: «Из доклада представителя союза Д. И. Мазаева съезд узнал горькую истину, что деятельность союза с конца 1915 года по 1917 год была сведена к нулю. Причина бездеятельности — война, жестокие гонения и робость некоторых».

На съезде в 1923 году Илью Андреевича ввели в состав Совета Всероссийского союза баптистов. В декабре 1924 года на расширенном пленуме Совета союза было принято решение перейти с коллегиального управления союзом на управ-

ление посредством председателя и двух помощников. Председателем союза был избран И. А. Голяев. Ему в это время было уже шестьдесят пять лет.

В 1925 году Илья Андреевич совершил две поездки: в мае — в Харьков, где председательствовал на IV Всеукраинском съезде, в ноябре — в Пятигорск, где руководил XIII Кавказским съездом.

В сентябре 1926 года на заседании так называемого Совета пятнадцати Илья Андреевич был освобожден от председательства «ввиду неработоспособности». Это решение было рассмотрено на расширенном пленуме Совета союза 13 декабря 1926 года, перед самым XXVI съездом Союза баптистов.

Расширенный пленум Совета Союза баптистов СССР по тщательном рассмотрении вновь дела об устранении брата И. А. Голяева от председательствования в союзе находит, что это устранение вызывалось не его неработоспособностью, как мотивировано в постановлении Совета пятнадцати от 20–22 сентября с. г., но необходимостью, вследствие создавшейся в союзе к моменту его устранения не соответствующей интересам дела обстановки. За понесенные труды братом И. А. Голяевым в союзе выразить ему пленумом благодарность вставанием.

(Материалы XXVI съезда баптистов, 1927)

Что скрыто за этим решением — неизвестно.

На XXVI съезде Илья Андреевич был членом Президиума съезда и вошел в Совет Федеративного союза баптистов.

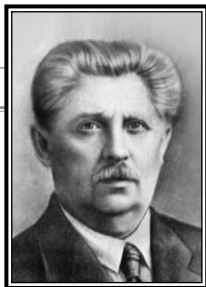
22 декабря 1926 года Илью Андреевича избрали в комиссию по организации Волго-Камского союза. На съезде 1–7 июня 1927 года в Самаре, на котором был учрежден этот союз, он делал доклад о проведенной работе с целью организации союза и о планах на будущее. При избрании правления этого союза Илья Андреевич был избран кандидатом в члены правления.

В ноябре 1933 года председатель Федеративного союза баптистов Н. В. Одинцов был осужден к трем годам заключения. Вместо него к руководству делами союза уже третий раз приступил И. А. Голяев. И опять, как и в предыдущие

разы, его председательствование кончилось плохо. По имеющимся свидетельствам, руководствуясь страхом, он в начале 1935 года покинул Москву.

Известно, что во время войны он проживал в Ташкенте, где после непродолжительной болезни скончался в 1942 году.

ОДИНЦОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Николай Васильевич Одинцов родился в 1870 году. Первые годы жизни он провел в городах Балашове и Саратове. Девятнадцатилетним юношей он обратился к Господу через проповедь и духовную работу брата И. М. Мухина и сестры Е. В. Кирхнер.

В апреле 1891 года Николай Васильевич принял водное крещение в Саратове. Это был первый камень церкви этого города. Перед молодым человеком, вступившим в новую жизнь и давшим Богу обещание доброй совести, лежал тернистый узкий путь. Он без колебаний пошел по нему. Это крайне возмутило мать Николая Васильевича. В негодовании она выгнала сына из дому, но все же не была равнодушна к нему и наблюдала за ним. Видя его благочестивую жизнь, она переменила свое отношение к вере сына и вскоре сама обратилась к Господу.

16 ноября 1892 года Николай Васильевич вступил в брак с сестрой в Господе Александрой Степановной Смирновой, молодой вдовой, имевшей дочь. Семейная жизнь их была благословенной. Александра Степановна создавала в семье необходимые условия для того, чтобы муж мог непрестанно трудиться на ниве Божьей.

Начало духовной жизни Николая Васильевича приходится на время жестоких гонений со стороны царского правительства. Шла эпоха Победоносцева, названная так по фамилии обер-прокурора Святейшего синода Победоносце-

ва — инициатора гонений. Верующие принимали страдания гонимых братьев близко к сердцу. Николай Васильевич вместе с И. А. Голяевым, В. В. Ивановым и С. П. Степановым посещал находившегося в борисоглебской тюрьме Леонида Демидовича Приймаченко, узника за имя Иисуса.

В 1905 году был обнародован манифест царя о веротерпимости. Николай Васильевич в это время был в гостях у верующих в Петербурге. Софья Петровна Ливен пишет:

Я помню, как в апреле 1905 года, в утро светлого Христова Воскресения, в доме номер 43 на Большой морской, в нашем Красном зале, перед многолюдным собранием моя мать с сияющим лицом сказала, что имеет передать всем братьям и сестрам великую радость. Громко и отчетливо брат Одинцов прочитал царский указ, излагавший подробности даруемой нам свободы веровать, как каждому позволяет его совесть. Собрание пало на колени и со слезами радости каждый, кто как умел, благодарил Господа за этот неоценимый подарок.

(С. П. Ливен. Духовное пробуждение в России, 1967)

В 1907 году на первом учредительном собрании Миссионерского общества русских баптистов, проходившем в Балашихе, Николай Васильевич был избран кандидатом в члены правления этого общества.

Кроме деловых заседаний Миссионерского общества проходили и многолюдные призывные собрания.

В первом собрании сначала сказал проповедь на текст из Ев. Марка 1, 15 о покаянии брат Н. В. Одинцов. Говорил он плавно, воодушевленно, и слушатели с удовольствием принимали его слова.

(Баптист, № 2, 1907)

В 1908 году при Союзе баптистов была образована специальная комиссия по работе с молодежью, в которую вошел и Николай Васильевич. В этом же году на проходившем в Киеве съезде баптистов он был избран в состав правления союза. Летом этого года Николай Васильевич участвовал в Европейском конгрессе баптистов в Берлине.

На I Всероссийском съезде баптистской молодежи, проходившем в 1909 году в Ростове-на-Дону, Николай Васильевич был избран в совет по делам молодежи. На этом же съезде Г. И. Мазаев попросил направить в церкви Сибири Н. В. Одинцова и В. П. Степанова для организации кружков молодежи.

В 1909 году на годовом съезде Союза баптистов Николай Васильевич был утвержден всесоюзным благовестником и рукоположен на это служение братом В. В. Ивановым, совершившим молитву и напутственное благословение вместе с братьями Д. И. Мазаевым, С. П. Степановым и В. П. Степановым.

В отчете правления союза на съезде в 1911 году говорилось:

Брат Николай Васильевич Одинцов из Балашова по поручению правления посещал: с. Богородск, Нижний Новгород, м. Арию, Москву, Мариуполь, Екатеринодар, Батуми и другие места – и при обильном благословении от Господа трудился среди общин и среди ищущих спасение. Посетил семь мест, имел тридцать пять собраний. В его присутствии обратилось приблизительно пятьдесят человек, крещено тридцать два, расхода сделал 100 рублей.

Любезный брат Н. В. Одинцов в этот раз надолго останется в памяти у бакинских братьев и сестер. Он пел чудный гимн «На небесной перекличке» и сказал много назидательных проповедей из Слова Божия в общих призывных собраниях и много речей и рассказов о китайских баптистах.

(Баптист, № 9–10, 1914)

В 1913 году Николай Васильевич вместе с Г. И. Мазаевым совершил поездку по Сибири до Благовещенска, посещая церкви и группы верующих с ободрением и назиданием.

В начале 20-х годов Николай Васильевич со своей семьей переехал в Москву, хотя в то время участия во всесоюзной работе не принимал.

На проходившем в Москве пленуме Совета Союза баптистов в декабре 1924 года было предложено вместо сосланных в ссылку М. Д. Тимошенко и Н. А. Левинданто ввести в правление союза И. А. Голяева и Н. В. Одинцова. От пле-

нума тут же была послана делегация к Николаю Васильевичу с приглашением на совещание. На этом пленуме было принято решение перейти от коллегиального руководства союзом к руководству посредством председателя и двух помощников. Председателем союза был избран И. А. Голяев, помощниками председателя — П. В. Павлов и Н. В. Одинцов.

В мае 1925 года Николай Васильевич участвовал на IV Всеукраинском съезде баптистов как представитель центра. С октября того же года он стал редактором союзного журнала «Баптист». В декабре он участвовал в работе пленума Совета Союза баптистов.

20 июня 1926 года брат Одинцов участвовал в торжестве по случаю тридцатипятилетия Саратовской общины, в которой он был первым камнем. Осенью этого года он принял участие в работе Рижской групповой конференции баптистов, проводимой Всемирным союзом баптистов, где сделал доклад о состоянии дела Божьего в России, рассказав о жизни и потребностях общин Союза баптистов в стране.

В сентябре 1926 года в Москве проходил так называемый Совет пятнадцати, на котором было принято решение освободить И. А. Голяева от служения председателя союза. Ответственность за дела союза до намечаемого XXVI съезда фактически лежала на Н. В. Одинцове.

С 16 по 25 ноября 1926 года Николай Васильевич принимал участие в работе XIV Северо-Кавказского краевого съезда баптистов в Пятигорске.

Таково далеко не полное описание его служения в братстве. Он был тесно спаян с народом Божиим, вместе с которым нес все скорби и радости духовной жизни и борьбы. Он был принципиальным христианином, стремившимся к полному единству детей Божьих не только организационно, но и по духу. Он писал:

Мне часто задают вопрос: «Что нужно сделать, чтобы два союза отошли в область предания, а был бы один единый союз детей Божьих? Какие меры принять для этого?» Я отвечаю: «Нужно позаботиться о том, чтобы извергнуть из среды нашей все неуютное Господу, чтобы нам быть без пятна и порока, как подобает истинной

Церкви Божьей, чтобы не было среди нас порочащих нас членов. Затем нам нужно обновить жертвенник Господу – наше сердце, чтобы всегда горел на нем огонь святой хвалы Господу. Не будем никогда нарушать общение с Господом, и Он, мало того что даст нам покой, даст нам ощущать Его присутствие с нами. Он даст это почувствовать нашим соседям.

(Баптист, № 9, 1927)

XXVI съезд Союза баптистов проходил в Москве 14–18 декабря 1926 года. На всех заседаниях этого съезда председательствовал Н. В. Одинцов. Он же сделал краткий обзорный доклад о трехлетней жизни союза в межсъездовый период.

На этом съезде Всероссийский союз баптистов был преобразован в Федеративный союз, то есть в союз, состоящий из нескольких местных союзов. Первоначально в состав Федеративного союза вошли следующие союзы баптистов: Дальневосточный, Сибирский, Среднеазиатский, Северокавказский, Закавказский, Всеукраинский с вошедшей в него немецкой секцией, Крымский и Союз баптистов Северной России с латышской секцией. Вскоре было организовано и введено в Федеративный союз еще три союза: Белорусский, Центральный и Волго-Камский.

Николай Васильевич был единодушно избран председателем исполнительного органа Федеративного союза баптистов.

В 1927 году под председательством Николая Васильевича прошли многие съезды местных союзов. В этом же году власти наконец дали разрешение на открытие библийских курсов. Ответственность за курсы поручили П. В. Иванову-Клышникову. 1 декабря 1927 года состоялось открытие библийских курсов. Николай Васильевич преподавал на них экзегетику и гомилетику.

После открытия библийских курсов Николай Васильевич выехал из Москвы на Дальний Восток, куда уже давно его настоятельно приглашали. Это посещение длилось с 11 декабря 1927 года до 23 января 1928 года. За время своего пребывания на Дальнем Востоке он посетил Никольск-Уссурийский, Владивосток, Благовещенск, дважды Хабаровск и многие группы верующих вокруг этих городов.

Во время своего пребывания на Дальнем Востоке Н. В. Одинцов, будучи проповедником Евангелия, на многочисленных собраниях в переполненных молитвенных домах произносил много благословенных проповедей, изящных по форме изложения и глубоких по содержанию. Кроме того, он устраивал целый ряд специальных собраний, на которых задавались ему всевозможные вопросы, которые охватывали и выясняли все стороны домостроительства, жизни и деятельности братства как во всем СССР, так и на Дальнем Востоке. На все эти вопросы с захватывающим интересом, при мертвой тишине слушатели получали исчерпывающие ответы.

Будучи опытным старшим передовым братом, он умел за облаками праздничных, восторженных, оказываемых ему со стороны народа Божия чувств ясно различать и внимательно рассматривать будничную деловую жизнь. Потому везде, где бы ни находился, кем бы ни был окружен, он быстро ориентировался и давал всему должную оценку. Мягкий по характеру, он среди лжебратьев проявлял непреклонную волю и твердость духа, подобно кремню, тогда как среди истинных детей Божьих он был весьма доступен, добр и прост.

(Баптист, № 7, 1928)

В мае 1928 года Николай Васильевич участвовал в работе V Всеукраинского съезда баптистов. С 23 по 30 июня он в числе 10 братьев, представлявших баптистов России, присутствовал на IV Всемирном конгрессе баптистов в г. Торонто (Канада). Там Николай Васильевич говорил приветственное слово от Союза баптистов России.

В конце 1928 года началось тяжелое время для верующих в Советском Союзе. Служителей Божьих стали арестовывать одного за другим. Журнал «Баптист Украины» был закрыт в конце 1928 года; «Баптист» выходил до седьмого номера 1929 года, после чего тоже был закрыт. Библейские курсы в Москве были запрещены, а заведующий курсами П. В. Иванов-Клышников отправлен в ссылку.

В 1930 году прошел пленум Совета Союза баптистов. Николай Васильевич был вновь утвержден председателем союза. Но возможности совершать служение в братстве были ограничены. Тревожная обстановка постоянно угрожала служителям арестом.

Судебной расправе над братом Н. В. Одинцовым предшествовал день, который можно назвать кульминационным и героическим в его жизни. Рассказывает об этом престарелый брат М. К. Авдеенко из г. Днепропетровска:

Пресвитер Днепропетровской церкви баптистов Н. И. Зюбанов, заменивший в руководстве областным объединением брата А. М. Букреева после его мученической кончины, напомнив историю Есфири из Библии, предложил мне, свободному от семейных уз, поехать в наш союз в Москву в качестве представителя областного объединения, так как Всеукраинский союз баптистов был закрыт. Я поехал и видел своими глазами аресты наших братьев. И вот, в один из дней, возвратившись после очередного вызова к властям, брат Н. В. Одинцов попросил всех нас, местных и приезжих братьев, собраться в канцелярии для очень важного сообщения и обязательно иметь при себе Библии. Когда все собрались, он сказал: «Высокие власти решительно потребовали перестроить работу союза по-новому, учитывая интересы государства. Возвращаясь, я рассуждал по дороге и пришел к выводу, чтобы мы все, положив руку на свою Библию, перед Богом и друг перед другом дали торжественное обещание во всех вопросах церковной жизни поступать только по Слову Божьему».

Положив руку на свою Библию, многие помолились. Особенно сердечно и взволнованно помолился брат Н. В. Одинцов.

В ночь с 5 на 6 ноября 1933 года Н. В. Одинцов был арестован. Его осудили на три года тюремного заключения и отправили в ярославскую тюрьму, где и содержали в течение всего срока. По отбытии тюремного заключения Николай Васильевича отправили в ссылку в село Маковское Красноярского края.

Его спутница Александра Степановна рассказывала после, что из ярославской тюрьмы Николай Васильевич прислал ей в письмах серию проповедей, полных утешения и ободрения. В 1937 году ей разрешили встретиться с ним. Она поехала к нему в далекую Сибирь и увидела его изнуренным, физически слабым и часто роняющим слезы, но полным веры во Всемогущего. Их совместное пребывание продолжалось недолго.

В 1938 году Николая Васильевича снова арестовали и увезли в неизвестном направлении. Больше Александра Степановна не имела о нем никаких сведений.

После войны некоторые верующие рассказывали, что были свидетелями, как в 1939 году во время этапа в Красноярском крае брат Николай Васильевич был истерзан собаками, которых спустил на него конвой.

Николай Васильевич после этого случая написал следующее письмо:

Мир... всем любящим Господа! Для всех вас я нахожусь в неизвестности... Я не буду описывать тех ужасов, которые испытывают на себе заключенные... Скажу одно: ужас, бесподобный ужас! Можно ли представить звероподобный вид специально подобранных конвоиров, которые... могут подстрелить обессиленных больных, затравить злобными псами упавшего на дороге заключенного?.. Можно ли выносить ежедневную нудную, мерзкую деятельность провокаторов, шпионов, которые тянут за язык, выворачивают душу заключенного?..

Что касается возврата к семье, то я буду ждать мою и нашу семью там, на небесах: «Да, мы встретимся с тобою над чудною рекою, там с неумолкаемой хвалою Иисусу мы будем служить...»

Телом ослабел, но не духом. Иисус Господь мой поддерживает меня... Тело насилия не выдерживает... «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало...» Ничего атеистического ко мне не пристало. «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил...». От измены Богу отказался. «...А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...». Всегда избегал я всякой неправды. На этом кончится земная жизнь моя...

Особенно тоскует сердце мое о молодежи... так как на вас скоро обрушатся ужасы гонений... Хула на Бога... возрастает, появятся «отступники от святого завета». Их коварство и трусость, угодничество атеизму приведет к измене и подрывной деятельности в Церкви Христовой... С помощью отступников атеизм введет своих верных людей в общину для руководства делами церкви... Атеизм «войдет в соглашение с отступниками от святого завета»... «...Но люди, чтущие своего Бога, усилятся и будут действовать» (Дан. 11, 32)...

Многих и многих верных своему Господу братьев и сестер безжалостный по своей бессмысленной жестокости и бесчеловечности атеизм бросит в тюрьмы и лагеря. Верные же своему Учителю, Иисусу... никогда не встанут на путь компромисса с безбожием-атеизмом.

Несколько дней тому назад во время переконвоя я, как один из самых слабых заключенных, не смог стоять и в это время услышал за своей спиной крик и почувствовал мгновенный укол чем-то острым в спину, затем удар ниже головы, и я был брошен на землю. В следующее мгновение я услышал брань и почувствовал на себе двух злобных псов, которые, рыча, топтали меня, рвали на мне уже изодранную грязную одежду... Затем я почувствовал острую боль внизу живота, где зубы пса терзали мое исстрадавшееся, старое и изнуренное тело... Очнулся я в бараке, где мои товарищи (узники в Господе) перевязывали мои раны...

Только через три недели меня выгнали и погнали в конвое на работу...

Что будет дальше? Господь знает! Да будет Ему вечная слава! Радуйтесь, дорогие братья и сестры, как и я радуюсь – ваш брат, до конца дней не забывающий вас всех. И да будет благословенно и прославлено имя Бога нашего и Сына Его Господа Иисуса Христа! Аллилуйя! Амины!

Как видно из этого письма, Н. В. Одинцов не умер от того, что его терзали собаки. В последнее время из секретных архивных документов стало известно, что Николая Васильевича привезли из Красноярского края в Москву. По решению Военной Коллегии Верховного суда СССР от 7 марта 1939 года он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Во время встречи с женой в Сибири, в 1937 году, брат Одинцов, подводя итог своей жизни, сказал словами апостола Павла: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...» (2 Тим. 4, 7–8). При этом, указав на небо, он сказал: «Хочу домой!»

И он ушел от нас, ушел, не сказав «до свидания», не пригласив прощального письма и не оставив какого-либо духовного завещания. Путь его закончился в неизвестности.

Александра Степановна вспоминала о том, что она думала о Николае Васильевиче, когда он был еще на служении. В то время она восхищалась его неутомимой деятельностью и думала, что в случае его смерти все страницы журнала «Баптист» будут заполнены громкими статьями о его деятельности, что похороны его будут известными до края земли.

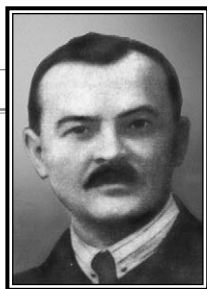
«Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Пр. 19, 21). Вместо известности до края земли брату предстояла полная неизвестность, вместо лаврового венка — шипы, терны, колючая проволока и мученическая смерть.

В одном письме из заключения Николай Васильевич писал:

...Так называется борьба с религией в СССР, которая со временем превратится в позорное дело для руководителей этой борьбы перед всем миром. Так как эти варварски жестокие люди применяют к верующим и церквам насильственное закрытие молитвенных домов, будут применять репрессии к служителям церкви и даже физические истязания и уничтожение некоторых из братьев. Будут создавать «дело» в результате порочных, основанных на клевете следствий, верующие поголовно будут осуждаться в тюрьмы и лагеря. «Добрая слава» о неправедных судьях, прокурорах, следователях, о тюремных и лагерных администрациях распространится по всему миру. Будет дана оценка всем их действиям, также и тем, которые являются инициаторами, вдохновителями и руководителями...

Исполнение этих пророческих слов мы видим в настоящее время. И нам особенно интересно вникнуть в прошлое, чтобы увидеть, что наполняло жизнь этих верных тружеников Божьих.

БУШИЛО БОРИС ПАВЛОВИЧ

Борис Павлович Бушило родился в 1893 году в семье священника православной церкви. Он был единственным ребенком в семье. Отец отдал его учиться в духовную семинарию, чтобы, придя в возраст, сын мог стать ему достойной сменой. Проучившись несколько лет, Борис Павлович оставил духовную семинарию и поступил в мединститут.

Изучение строения человеческого тела содействовало тому, что Борис Павлович всем сердцем обратился к Богу. «Кто мог так чудно соткать человека и вложить в него дух жизни?» — восхищался Борис Павлович. Ответ на этот вопрос он нашел в Слове Божьем, в книге Бытие: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его...»

Борис Павлович покаялся в общине евангельских христиан-баптистов г. Кишинева и в мае 1920 года, по окончании учебы, вступил в завет с Господом через водное крещение. Отец, узнав, что Борис стал баптистом, отказался от него, считая, что этим поступком сын опорочил его священство.

Борис Павлович стал ревностно трудиться среди молодежи: посещал больных, дерзновенно проповедовал о Христе. Когда в Кишиневской церкви стал вопрос об избрании пресвитера, все единодушно проголосовали за Бориса Павловича, хотя он еще не был женат. Все видели в этом молодом человеке достойного служителя, заботливого пастыря, жертвенного труженика на ниве Божьей. Таким именно он и был в годы своего служения. 12 ноября 1921 года благовестник из Румынии, брат Одорян, рукоположил Бориса Павловича на пресвитерское служение.

В 1922 году Борис Павлович заключил брачный союз с Раисой Всеволодовной, которая впоследствии оказывала ему большую молитвенную поддержку в служении.

Духовная деятельность Бориса Павловича не ограничивалась Кишиневом. Он совершал служение по благовестию во многих городах и селах Бессарабии, направлял молодых проповедников в Бухарест на библейские курсы.

В 1923 году он был делегатом от ЕХБ Бессарабии на III Всемирном конгрессе баптистов в г. Стокгольме (Швеция).

На Бессарабском съезде ЕХБ, проходившем 27–29 октября 1928 года, Бушило был избран вице-председателем Союза ЕХБ в Бессарабии и председателем Союза молодежи.

В 1929 году, после многих ходатайств, наконец было разрешено верующим ЕХБ издавать духовно-назидательный журнал «Свет жизни» на русском и румынском языках. Борис Павлович принимал активное участие в его издании — писал статьи, редактировал. Журнал печатался в Кишиневе ежемесячно.

Несмотря на ответственное служение в таких больших масштабах, верующие помнят Бориса Павловича Бушило как человека очень простого и внимательного к нуждам каждого члена церкви. Жил он с супругой бедно, на квартире у верующих.

В Кишинев часто приезжали проповедники из Румынии, Африки, Америки. Некоторые старые верующие по сей день помнят проповедь брата Марцинковского в городском клубе Кишинева, где он проповедовал евреям о Божественности Иисуса Христа, убедительно доказывая, что Он — Мессия, Который принес спасение всем грешникам, в том числе и евреям.

В 1939 году отовсюду стали приходить тревожные вести о преследовании христиан в России, о закрытии молитвенных домов, арестах, ссылках.

В 1940 году Советская армия вошла в Бессарабию. Пришло время больших испытаний и для верующих Молдавии. Однажды в молитвенный дом пришел офицер Советской армии и присутствовал на богослужении, которым руководил Борис Павлович. Офицер оказался верующим и в конце собрания рассказал о сильных гонениях верующих по всей стране. Он закончил свою речь словами:

— Братья, и вы приготовьтесь к тому, что скоро ваш дом закроют. А ты, брат,— обратился он к Борису Павловичу,—

приготовь котомку с сухарями, потому что тебе предстоит далекий путь на Север...

Через несколько месяцев молитвенный дом был закрыт. Друзья советовали Борису Павловичу уехать в Румынию, чтобы избежать ареста, но он, как и многие другие братья, отказался от такой свободы и сказал:

— Что это за пастырь, который при виде опасности оставляет церковь и бежит, чтобы спасти себя? Если есть воля Божья на то, чтобы меня арестовали, я готов пойти в узы, но в Румынию не поеду...

Летом 1940 года были арестованы четыре руководящих брата Кишиневской церкви: Г. Пшеничный, А. Иванов, М. Ф. Тарлев, Б. П. Бушило — и одна сестра.

Во время следствия работники НКВД требовали от сестры сведений о жизни церкви. При этом они утверждали, что Бушило уже все рассказал. Сестра не сомневалась в верности Бориса Павловича, однако потребовала очную ставку с ним, чтобы еще раз увидеть благословенного служителя. Когда его привели в кабинет следователя, он был неузнаваем — сильно опух от голода. И брат, и сестра заплакали при встрече.

— Борис Павлович, увидимся ли мы еще когда-нибудь? — спросила сестра.

Он поднял руку вверх и сказал:

— На небе.

Тройка осудила братьев на десять лет без права переписки. Они были этапированы на Север.

Борис Павлович умер в тайге в 1942 году. Об обстоятельствах его кончины ничего не известно. Один только Бог знает, где покоится его прах.

Их могилы остались неизвестными, как и могилы тысяч христиан, умерших в то суровое время. Одно известно, что они не давали сведений о тайнах церкви, не шли на компромисс с атеизмом, а потому и замучены были, не приняв освобождения, чтобы получить лучшее воскресение. Увидимся на небе!

Раиса Всеволодовна после ареста мужа уехала в Румынию, где до последнего дня жизни служила Господу, чем могла.

Она сильно любила детей, хотя сама не имела их. Христианскому воспитанию детей она посвятила много лет. 13 января 1981 года одинокой старушкой она ушла в вечность.

РУДЕНКО ГРИГОРИЙ АНТОНОВИЧ

«Разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда» (Дан. 12, 3).

Григорий Антонович Руденко родился 22 апреля 1901 года в с. Акманчит Белгород-Днестровского района. Семья была большая, он — седьмой. Верующие родители жили бедно. «А где нужда — там и Бог, — вспоминал позже Григорий Антонович. — Родители с детских лет учили меня обращаться к Богу со всеми нуждами».

В двадцать один год Руденко призвали в румынскую армию на службу. Покаялся он и принял крещение после трех лет службы.

22 мая 1927 года Григорий Антонович заключил брачный союз с Анастасией Ильиничной. Молодая семья имела полгектара земли и одну лошаденку с соседом на двоих. Весной Григорий Антонович посеял кукурузу, арбузы, ячмень и думал, что урожай у него должен быть больше, чем у неверующего соседа, ведь праведных Господь должен благословить больше. Но получилось наоборот: кукуруза у него завяла, арбузы засохли, а у соседа все налилось соком. Григорий Антонович заплакал от печали и сказал супруге:

— Тасенька, как мы жить-то дальше будем, денег ведь у нас нет?!

— На хлебе с водой, лишь бы с тобой! — утешала она его.

Григорий Антонович знал, что без воли Божьей и волос с головы не падет, и это испытание он принял как от Господа. Неожиданно из Кишинева пришло письмо: Борис Павлович Бушило просил Григория Антоновича переехать в Кишинев

для более активного участия в служении Бессарабского братства ЕХБ.

Друзья устроили Григория Антоновича на работу в банк кассиром, помогли купить дом.

Избранный председателем Союза молодежи, Григорий Антонович ревностно взялся за порученное служение. Он посещал церкви в городах и селах, организовывал молодежные общения. Много лет спустя он вспоминал: «Только теперь я понимаю чудный план Божий: Он мне не дал урожая, чтобы я мог трудиться на обширной ниве Его, а не у себя в огороде». Господь имел в планах переезд Григория Антоновича в Кишинев, где ему предстояло выполнить большую работу.

В 1940 году Советская армия вошла в Бессарабию, и эта территория стала называться Молдавией. Спустя несколько месяцев после этого был закрыт молитвенный дом, арестованы четыре брата, среди которых был и председатель Молдавского союза ЕХБ Борис Павлович Бушило. Братьев сослали на Север, где они умерли в полной неизвестности.

В 1941 году началась война. Молдавия опять была оккупирована Румынией. Был издан указ привлекать к уголовной ответственности всех, кто не принимает православную веру. Тюрьмы наполнились узниками. Христианам давали большие сроки — по десять, пятнадцать и двадцать пять лет. До 1940 года церковь дважды в год проходила регистрацию, подавая списки членов органам власти, и теперь власти преследовали христиан согласно этим спискам. Начальник отделения полиции вызывал верующих по одному и заставлял писать заявление о переходе в православие. Кто не соглашался, тех арестовывали. Робкие и боязливые ушли в православие, проповедников арестовали, а остальные верующие рассеялись из-за страха.

Более десяти лет до этого в бессарабской христианской периодике можно было прочитать:

С Божьей помощью мы пережили пору, когда нас, евангельских христиан-баптистов, считали жалкой сектой, подвергая самым зверским преследованиям... запрещая исполнять духовные требы — крещение, браки, погребение и прочее. Десять лет гонений прошли.

Преследования почти прекратились. Новый закон признает нас христианской общиной.

(Свет жизни, № 5, 1929)

Но вот пора «зверских преследований» наступила опять, причем с большей остротой, чем раньше, а церкви оказались неподготовленными к новым испытаниям. Поэтому неудивительно то, что многие рассеялись и боялись собираться для молитвы даже по десять человек. Служение Григория Антоновича в это трудное время заключалось в том, что он посещал верующих по домам, проводил ночи бдения, увещал уповать на Господа, старался в каждом утвердить веру. Очень часто эти беседы затягивались до утра, и он после бессонной ночи шел на работу.

Верующие старались оказывать помощь узникам, которых содержали в холоде и голоде, принуждали к тяжелому труду. Например, в лагере с. Онешты узников-христиан сильно избивали, заставляли на плечах носить бочки с водой, притом страдалцы босиком ходили от колодца к лагерю. Христиане ночами, тайно, ходили на поле, где работали заключенные, и в траве, под кустами винограда, в глиняных горшках оставляли пищу и одежду. А днем узники находили эти дары любви и украдкой пользовались ими.

По праздникам начальство тюрьмы и лагеря по православному обычаю разрешало подавать узникам милостыню. Христиане пользовались и этой возможностью, чтобы помочь страдающим братьям. В дом к Григорию Антоновичу верующие Молдавии привозили продукты: сало, масло, брынзу, овощи, фрукты. В больших казанах варили борщ, кашу, затем все делили на порции, грузили на подводу, и Григорий Антонович ехал в лагерь. Начальство ставили в известность, что привезли милостыню, к примеру, на пятьдесят человек. Тут же в тюремном дворе строили пятьдесят заключенных, которые по очереди подходили со своей миской к подводе. Григорий Антонович с сестрой Тасей раздавали каждому по порции: борщ, кашу, сало и прочее. В эту очередь обязательно попадал кто-то из братьев. Григорий Антонович знал их в лицо, и старался дать им двойную или тройную порцию, чтобы

они могли поделиться и с другими голодающими братьями. Так организовывалась помощь узникам. «Алкал Я, и вы дали Мне есть... в темнице был, и вы пришли ко Мне».

Неподалеку от жилища брата Руденко поселился полковник румынской армии. Он знал верующих как честных людей, боящихся Бога, и потому подобрал себе полтора десятка узников-христиан для работы в доме. Их охранял всего один солдат. Фактически полковник взял узников под свою ответственность, зная, что они не убегут, и братья были полусвободны. Днем они работали в винограднике и иногда посещали квартиру Григория Антоновича. Там они нередко обедали и ужинали, а также проводили молитвенные собрания с преломлением хлеба.

Активность Г. А. Руденко не осталась незамеченной, и в 1944 году румынская полиция арестовала его, обвинив в подпольном коммунистическом движении. В его доме сделали обыск: искали рацию и какие-либо улики, обнаруживающие связь с коммунистами. Во время следствия Григория Антоновича жестоко пытали: избивали, ломали руки, загоняли под ногти иголки, зажимали между дверями пальцы так, что дробились кости... Во время пыток он взывал к Спасителю, и Господь давал ему силы переносить жуткие боли.

Долгое время Григорий Антонович сидел в сыром подвале кишиневской тюрьмы. Узнав, что его решили расстрелять, он сильно захотел в последний раз увидеть жену и троих детей, утешить их, чтобы и самому утешиться. Но как это сделать? Он помолился Господу, и ему пришла мысль, как можно поехать домой.

— Везите меня домой, я покажу, где закопана рация,— сказал он на очередном допросе.

Привезли.

— Копайте здесь,— сказал он солдатам.

Во двор вышла жена с детьми, они обменялись приветствием. Солдаты долго копали и ничего не нашли.

— Так ты скажешь нам, где она у тебя закопана? — спросили наконец хозяина.

— Я же вам сказал, что ее у меня нет, а если не верите, то вскопайте весь огород, может, найдете...

Его опять посадили в машину и увезли.

Заключенных было принято расстреливать прямо в подвале, и Григорий Антонович приготoвился к переходу в вечность, но Господь распорядился по-Своему.

Следствие подошло к концу, и Анастасия Ильинична пошла в полицию похлопотать за мужа. По дороге она случайно встретилась с женой упомянутого румынского полковника, которая знала Григория Антоновича как искреннего христианина.

— Почему так долго не видно вашего мужа? — спросила жена полковника.

— Он давно арестован, и о его судьбе ничего не известно... — печально ответила Анастасия Ильинична.

Святая жизнь Григория Антоновича покорила сердце этой женщины. Услышав такое известие, она поспешила сообщить обо всем своему мужу.

Вскоре, по содействию полковника, Руденко Григорий Антонович был освобожден. На второй день всех заключенных, находящихся в подвале, расстреляли.

Григория Антоновича отпустили домой в два часа ночи, и он семь километров полз до дому на коленях и локтях, потому что стопы и ладони его были сильно обожжены при пытках. Верно слово нашего Господа: лишь по милости Божьей страдалец за Христа не исчез!

В 1945 году был открыт молитвенный дом, и верующие начали свое служение Богу под руководством ВСЕХБ. Из Москвы старшим пресвитером по Молдавии был назначен И. Г. Иванов. Кишиневская церковь единодушно избрала Г. А. Руденко пресвитером, и в 1946 году он был рукоположен. Христиане благодарили Бога за то, что Он выслал на Свою ниву нового служителя вместо тех, кто пропал без вести в последних гонениях.

В Бессарабию на протяжении десятков лет приезжали известные проповедники из Бухареста и других мест. Верующие видели в них верных служителей Божьих и потому относились ко всем братьям из центра с абсолютным доверием.

В 1948 году в Молдавию прибыл очередной номер журнала «Братский вестник», на первой странице которого была

напечатана статья, посвященная Сталину. Братья задумались: «Неужели в редакции не было духовной статьи, зачем поместили эту?» Решили побеседовать на эту тему с И. Г. Ивановым. Григорий Антонович пригласил его и еще двух братьев к себе на дачу. Братья, показывая журнал, спросили:

— Илья Григорьевич, почему на страницах духовно-назидательного журнала опубликована эта политическая статья? Разве церковь должна вмешиваться в политику?

Иванов молчал.

В это время подошел с обедом Григорий Антонович.

— Гришенька, а как ты относишься к этой статье? — спросил Илья Григорьевич.

— Отрицательно,— ответил он.

Иванов уехал в Москву и рассказал «где нужно», какие вопросы задают братья в Молдавии.

В том же году, в ноябре, к молитвенному дому подъехал черный ворон, и Руденко арестовали. Его семья жила на территории молитвенного дома. Когда Григория Антоновича Руденко привели домой попрощаться с семьей, он попросил разрешения прочитать текст из Библии и помолиться. Ему разрешили. Дети, окружив отца, начали плакать, взволнованная жена не спускала с него глаз. А Григорий Антонович спокойно открыл Библию, прочитал стих и сказал:

— Возможно, дорогие мои, мы с вами последний раз видимся на земле. Всю свою обеспокоенность за будущее предадим в руки Божьи...

Все встали на колени. Последним помолился Григорий Антонович. Затем он поцеловал всех, и его в сопровождении охраны повели в машину и увезли.

Первое, о чем его спросили в КГБ — как он смотрит на статью в «Братском вестнике»?

Григорий Антонович сразу задумался: кто из тех троих братьев предатель? Разговор был на даче, без посторонних, и после об этом нигде не говорили... Сделав анализ, Григорий Антонович на свидании сказал жене:

— Остерегайтесь Илью Григорьевича...

Руденко обвиняли в том, что он выступал против мичуринского движения, а «доказательством» была проповедь, ска-

занная на празднике Жатвы. Верующие и сегодня вспоминают эту вдохновенную проповедь о премудрости Божьей, проявленной в создании животного и растительного мира. Для наглядности Григорий Антонович взял с витрины большое яблоко и сказал:

— Обратите внимание на окраску этого плода. Оно и желтое, и красное, искусно разукрашено мудрым Художником, чтобы радовать наш взгляд. А какой аромат исходит от него! Если откусить кусочек, сразу можно почувствовать его питательность. И это все сделал перст Божий! Человек тоже может сделать яблоко, только без вкуса и без запаха. Снаружи его не отличишь от настоящего, но в нем нет питательности, а главное — нет жизни. Человек может выводить новые сорта плодов, селекционировать уже вложенную Богом жизнь, но дать жизнь мертвой материи он не в силах. Это может только Всевышний Бог...

Этого было достаточно, чтобы осудить Григория Антоновича по известной 58 статье Уголовного кодекса на десять лет лагерей. Отбывал он срок на берегу Белого моря в лагере г. Молотовска, в Архангельской области.

Весной 1949 года вслед за главой семейства была выслана его жена и двое малых детей, как семья политического преступника. В два часа ночи к дому Руденко подъехала крытая машина. Анастасию Ильиничну разбудили и велели ей с детьми собираться в дорогу. В течение нескольких часов они собрались как могли, взяли с собой самое необходимое, и их увезли в Кемеровскую область, в совхоз «Беринзас». Очень много скорбей пережили они в ссылке, но и там око Господне было над ними.

По прибытии в лагерь, Г. А. Руденко сильно переживал за церковь: что с ней станет за десять лет, если в руководстве стоят пошатнувшиеся в верности люди? Он переживал и за семью. В то время семьям узников церковь не оказывала материальной помощи. Думал и о своем большом сроке. Затем, помолившись, он предал в руки Божьи свое будущее и лег на нары. Неожиданно у изголовья Григорий Антонович увидел кем-то выдолбленную на стене надпись: «И это пройдет!» Всего три слова, но сколько утешения они принесли ему!

В лагере Г. А. Руденко не переставал свидетельствовать об Иисусе Христе. Молодые и старые заключенные обращались к Богу, и вскоре организовалась небольшая община. Для полной радости не хватало Евангелия и вина для вечера. Григорий Антонович стал молиться об этом Господу.

Однажды он получил от семьи посылку с продуктами. Фанерные стенки были обклеены бумагой. Он аккуратно отклеил ее и обнаружил под ней листки Евангелия, равномерно разложенные по всем стенкам посылки. Склеив их, он получил Четвероевангелие. В следующей посылке таким же образом пришли послания апостола Петра, Иоанна, Иакова, Иуды, Павла и Псалтирь. Так у братьев появилось Слово Божье. Они переписывали его, читали на своих общениях, заучивали наизусть.

Администрация лагеря строго следила за Григорием Антоновичем и не раз запрещала проповедовать о Господе. Для общения друг с другом узники-христиане уходили на поляну, подальше от бараков. Как-то раз один надзиратель обратил на них внимание и понял, что они собрались для молитвы. Он подошел к ним на небольшое расстояние, на их глазах закопал в песок бутылку вина и ушел. Братья поняли это как ответ на молитву, откопали бутылку с вином и совершили вечерю Господню. Таким образом Бог ответил и на вторую нужду. А когда вино у них кончилось, этот надзиратель еще несколько раз закапывал бутылки с вином. Чудны и неисследимы пути Господни!

В июне 1955 года, после семи лет заключения, Г. А. Руденко был реабилитирован. Неожиданно он пришел на собрание в молитвенный дом ВСЕХБ. Молодежь поздравляла его с освобождением, а служители смотрели со стороны холодным взглядом и торопили покинуть молитвенный дом. На протяжении всего срока заключения они запрещали церкви молиться за узника, объясняя это тем, что он арестован как политический заключенный. И никто о нем не молился вслух.

За семь лет церковь численно умножилась, но умножилось также и отступление служителей. Скорбь о состоянии дела Божьего была больше, чем переживания в неволе. В доме

Г. И. Руденко все эти годы жил милиционер, и когда его попросили освободить помещение, он не захотел. Григорий Антонович вынужден был три месяца спать в огороде.

После освобождения Григорий Антонович поехал разыскивать семью. Вскоре они все вместе приехали в Кишинев.

В церковь Г. А. Руденко приняли рядовым проповедником. Он говорил истину дерзновенно, прямо, отчего многие сокрушались в молитве со слезами. Это не нравилось властям и старшему пресвитеру. Руденко лишили права проповедовать в соборании. Но Григорий Антонович не пал духом: он активно посещал семьи христиан, вел разъяснительную работу об отступлении служителей ВСЕХБ.

Старший пресвитер Ф. П. Остахов оставил однажды после собрания двадцатку и около часа обвинял Руденко в том, что он ходит по семьям верующих, молится с ними, читает Слово Божье и поет. В то время отлучали от церкви тех, кто пел на браке или празднуя день рождения и т. д. Григорий Антонович сказал:

— Мы знаем, что Христос с учениками пел, апостол Павел и Сила в темнице пели. В Царстве Небесном мы будем петь новую песнь. Как же вы говорите, что нельзя петь? Давид восклицал: «Господь — сила моя и песнь!» Где есть Христос, там должна быть и песнь хвалы. Непоющее христианство — это умирающее христианство, поэтому мы будем петь!

После этого на браках начали петь.

В 1960 году на членском собрании было зачитано «Новое положение ВСЕХБ». Г. А. Руденко сказал, что этот документ противоречит евангельскому учению. За это ему пришлось отсидеть пятнадцать суток.

Детей перестали пускать на собрание. В дверях молитвенного дома стояла жена пресвитера и отправляла родителей с детьми домой, говоря:

— Вы хотите, чтобы моего мужа посадили в тюрьму? Нельзя детям быть здесь!

Когда в братстве началась работа по пробуждению, Григорий Антонович принял в ней активное участие. Однажды в его доме собралось семнадцать членов церкви, и он прочитал им Первое послание Инициативной группы.

— У нас как будто крылья появились, внутри что-то загорелось, хотелось петь, проповедовать, плакать, радоваться,— много лет спустя признавались некоторые члены церкви. — Это было как раз то, чего все мы ждали, искали, о чем переживали...

В 1961 году было написано письмо об отлучении служителей ВСЕХБ за их разрушительную внутрицерковную работу. Письмо подписали пять человек, в том числе и Г. А. Руденко, и отправили в Москву, в президиум ВСЕХБ. В ответ на письмо приехали служители ВСЕХБ и отлучили семьдесят шесть человек за то, что не признают «Новое положение ВСЕХБ».

Таким образом в Кишиневе появилась еще одна церковь ЕХБ — отделенная, гонимая, желающая идти по пути очищения и освящения. В только что образованной церкви появились детские кружки, спевки, молодежные общения. На богослужения этой церкви стали приходить власти, штрафовать христиан, угрожать арестом.

Григорий Антонович часто говорил:

— Если бы нас постоянно грело солнце, мы превратились бы в пустыню. Чтобы жизнь христианина была плодородной, нужен ветер и с юга, и с севера, нужен дождь, а не только солнце...

Он сам испытал бури гонений при румынской власти, скитался на Севере семь лет. Однако его жизнь и в старости была похожа на плодородную долину.

14 июня 1962 года в доме Н. И. Никоры брат Г. А. Руденко вместе с Г. К. Крючковым рукоположили М. И. Хорева на пресвитерское служение.

В 1966 году Григорий Антонович заболел раком. Испытывая жуткие боли, он говорил:

— Неужели в аду мучения грешников будут тяжелее этих?

Он и в таком состоянии постоянно читал свою любимую Библию, откуда черпал утешение и силу. Незадолго до смерти сотрудники КГБ приехали к Григорию Антоновичу с арестом. Он лежал и почти не двигался. Через время ему предложили лечь в больницу, но он ответил:

— Хочу умереть дома.

В людях в белых халатах он узнал работников КГБ, которым болезнь помешала его арестовать.

Незадолго до смерти один брат спросил Григория Антоновича:

— Вам не жалко расставаться с этой жизнью?

Он улыбнулся и сказал:

— Один человек построил временку и некоторое время жил в ней. Затем он построил большой красивый дом и переселился в него, сделав праздник по этому поводу. Временка ему была больше не нужна. Могу ли я печалиться, зная, что оставляю тленную временку и переселяюсь в вечный дом?

За два дня до смерти Григорий Антонович попросил чернила и бумагу и написал верующим прощальное письмо. Сколько же было в нем упования, искренней радости и непоколебимой веры в бессмертную жизнь с сонмом святых и Самим Спасителем!

«Я иду раньше вас и хочу всех вас встречать в вечности!» — писал он. Письмо просил прочитать после ухода в вечность, когда его «тело будет мертвым и уста сомкнутся».

24 ноября 1966 года, в возрасте шестидесяти пяти лет он ушел в вечные обители, где нет ни страданий, ни слез. На его могиле поставили скромный памятник с надписью: «И отрет Бог всякую слезу с очей их».

«...Взирая на кончину их жизни, подражайте вере их», — учит нас Священное Писание. Жизнь и кончина Г. А. Руденко была светла и прекрасна. Он, как герой веры, неустрасимо стоял даже тогда, когда многие терпели кораблекрушение в вере. Он умиротворенно встретил ужас смерти. Да святится имя Бога в жизни святых Его! Да прославится оно и в смерти детей Его!

Письмо Г. А. Руденко:

Возлюбленные братья и сестры! Милые мои жена, дети и внуки! Все мои близкие и родные! И все присутствующие!

Очень прошу всех вас: выслушайте мое последнее слово здесь, на этой земле... Тело мое, на которое вы сейчас смотрите, — это не я, это моя временка, в которой я жил шестьдесят пять с лишним

лет. Правда, очень много перестрадал я в ней за эти годы. А теперь мой Господь, Начальник жизни, вывел меня из этой временки и вселил в новый дом, нерукотворенный, вечный, хранящийся не на грешной земле, а на небесах. Так Сам Господь говорит в Своем святом Слове во 2 Кор. 5, 1: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный».

Знаете ли вы эту святую истину? Кто еще не знает – постарайтесь узнать. Узнать можно, только внимательно исследуя святую Божью книгу – Библию. Ведь никому из вас не избежать того дня, того часа, когда и ваша временка, в которой вы еще живете, разрушится и на ваше тело будут так смотреть, как вы сейчас смотрите на мое. А куда вы денетесь, когда выйдете из своего тела? Как радостно знать, куда идешь! И как страшно не знать ничего! Незнание и неверие вызывает душераздирающие крики у могилы. Любящий наш Творец, наш Бог, не хочет, чтобы Его творение жило на этой земле в таком незнании о своей душе. Христос сказал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Я знаю, что многие из присутствующих до сих пор заботились только о своем теле, о своей временке, в которой живут, а о своей душе почти не думали. Именем Иисуса Христа умоляю вас: начните заботиться о своей душе! Ведь мы вечны, душа наша вечна, а тело возвратится в землю. Я сейчас нахожусь в ином мире, где вечная правда, вечное счастье, вечный мир! Вижу многих друзей, которые раньше меня пришли сюда. Так позаботился о нас Сам Бог, наш Творец (Иоан. 3, 16; 17, 24). А самое главное – вижу моего любящего Иисуса!

Сердечно благодарю всех присутствующих за ваше внимание ко мне и к моему телу. Пусть мои последние слова найдут в ваших сердцах хоть маленький отклик для дальнейшей вашей жизни! Любите Бога, Который нас прежде возлюбил! Любите Его вечное Слово! Хочу встречать всех вас здесь! Хочу видеться со всеми вами здесь!

Сейчас я уже дома, а вы на пути. Старайтесь же прийти сюда. Это зависит от вас! И не забудьте, что перед вами два пути. Верите или не верите, хотите или не хотите, но по одному из них вы идете и один из них широкий путь. По этому пути большинство идут, но он ведет в вечную гибель. А другой путь – узкий, его Сам Христос

проложил через Голгофу. Этот путь ведет туда, где вечная радость, вечное счастье, где Христос сидит одесную Отца.

Сейчас еще путь в небеса открыт для всех, но настанет момент, когда он закроется, закроется дверь в небеса. Многие будут стучать и кричать: «Господи! Господи! Отвори нам» – и все же останутся вне дверей!

Хочу всех вас встречать, хочу всех вас видеть здесь и вместе с вами славить нашего Творца и Бога!

22. 11. 1966 г.

Любящий вас – Г. А. Руденко

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Вилер Иван Иванович	5
Мазаев Дей Иванович	8
Мазаев Гаврил Иванович	15
Кальвейт Мартин Карлович	44
Реймер Адольф Абрамович	48
Багдасарянц Сумбат Гаспарович	54
Павлов Василий Гурьевич	55
Павлов Павел Васильевич	78
Иванов Василий Васильевич	81
Балихин Федор Прохорович	92
Цимбал Ефим	101
Рябошапка Иван Григорьевич	104
Ратушный Михаил Тимофеевич	110
Возникновение Гуляевской общины	113
Некнижные	115
Скалдин Василий Васильевич	118
Букреев Алексей Маркович	140
Один из немногих	155
Яценко Михаил Федорович	161
Волынский район	183
Грустная страница из прошлого	191
Ужасы гонений в России	192
Тимошенко Михаил Данилович	197
Евстратенко Андрей Леонтьевич	208
Приймаченко Леонид Демидович	229
Степанов Василий Прокофьевич	234
Голяев Илья Андреевич	247
Одинцов Николай Васильевич	250
Бушило Борис Павлович	260
Руденко Григорий Антонович	263